

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№157/09-10 (5028)
Сентябрь-октябрь 2023

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

9 770757 223144

4 191898 005508

3 0 1 5 7

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

БЛАГО КАК ДОЛГ

Российский историк Василий Ключевский считал, что «истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить»

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Во всем мире 5 сентября отмечается Международный день благотворительности. Так было установлено 10 лет назад Генеральной Ассамблеей ООН. Цель Дня – привлечение всеобщего внимания к деятельности благотворительных организаций, волонтеров и, конечно, тех, кого еще в древности называли «меценатами» и «филантропами». Дата была приурочена к годовщине смерти матери Терезы Калькуттской. Эта удивительная женщина всю свою жизнь посвятила служению бедным – поначалу в Индии, а затем и в других странах. Римлянину Гаю Цильнию Меценату, жившему в I веке до нашей эры, повезло: он остался в памяти благодарных потомков. Причем в отличие от Герострата и Мидаса, других вовсе не мифических персонажей, вошел в историю как герой. Был покровителем культуры и искусства, положил начало

благотворительности как особой формы социальной поддержки. Впоследствии меценатство и благотворительность стали важнейшими составляющими прогресса общества.

Для России «золотым веком» филантропии явились годы на рубеже XIX и XX столетий. Об этой эпохе и пойдет разговор, который произошел лет десять назад, но до сих пор в памяти – как будто вчера. И начнем с больницы, известной в народе как Боткинская.

– Изначально ее называли Солдатенковской. Козьма Терентьевич Солдатенков был купцом-старообрядцем. Из небольшого шелкоткацкого производства в подмосковном Павловском Посаде буквально за несколько десятилетий в конце XIX века под его началом выросла целая торгово-производственная империя, – рассказывал Константин Константинович Мельник-Боткин. Последний мужчина в славном Боткинском роду, он провел свою жизнь во Франции и добился карьеры, достойной любого русского беженца в тяжелую эмигрантскую годину. Был в конце 50-х – начале 60-х советником по вопросам безопасности и разведки у премьер-министра Мишеля Дебре и у президента Шарля де Голля. А после ухода из большой политики Константин Константинович стал известным писателем, чьи книги выходили, кстати, и в России.

Но главным делом жизни этого импозантного человека, сумевшего

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№157/09–10(5028)
СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамышин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
crp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

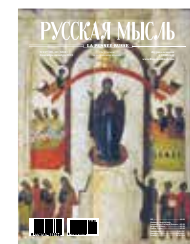
ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Икона «Покров Пресвятой Богородицы».
Конец XIV века

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА
БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ

МАТЕРИАЛЫ:
pravmir.ru, tolstoy-lit.ru, philol.msu.ru, culture.ru,
mil.ru, interfax.ru, afisha.london, kinorium.com,
wikireading.ru, wikipedia.org/wikipedia/commons,
pixabay.com, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

Мать Тереза в 1995 году

и в эмиграции остаться в душе русским, являлось сохранение памяти о славных предках. Прежде всего – о замечательной плеяде врачей Боткиных, последний из которых – лейб-медик Евгений Сергеевич, дед Константина Мельника-Боткина, – был расстрелян в Ипатьевском доме вместе с императором Николаем II и его семьей.

– Те немногочисленные учреждения, которые считались в России «именными», носили чаще всего имена и фамилии не своих благодетелей, а их родственников, обычно безвременно, трагически ушедших жен, детей, родителей, просто близких людей, – продолжал Константин Константинович. – Если же заведение и получало имя дарителя, то, как правило, после его смерти – по духовному завещанию. Да и то в случае с медицинскими учреждениями их нередко

называли не в честь меценатов, а чтобы отметить знаменитых медиков. Возьмем хотя бы московскую Городскую клиническую больницу имени С. П. Боткина.

Козьме Солдатенкову принадлежали магазины и банки, доходные дома и фабрики, в том числе и знаменитая Кренгольмская мануфактура в Нарве. Он был политиком и биржевиком, собирателем картин, многие из которых сейчас выставлены в Третьяковской галерее и в Русском музее, и владельцем издательства с книжным магазином. К тому же Солдатенков, за покровительство искусствам получивший от современников прозвище «Козьма Медичи» (по ассоциации с Козимо Медичи – так звали флорентийского герцога-филантропа), дружил с моими пращурами – писателем Василием Боткиным и искусствоведем Николаем Боткиным. Через них он познакомился и с моим прадедом Сергеем Петровичем Боткиным, знаменитым врачом.

На второй год XX столетия Козьма Терентьевич, купец первой гильдии, почетный гражданин Москвы, скончался и был похоронен на Рогожском кладбище. Согласно его завещанию, из огромного солдатенковского капитала было выделено два миллиона рублей (по тем временам сумма невероятная!) для постройки в Москве бесплатной больницы для бедных. Причем людей всех религий, любых сословий и званий... Так указывалось в завещании. Специально под этот проект Московское городское управление выделило в 1903 году десять десятин земли

на Ходынском поле. Строительство начали в 1908 году, а в 1910 году состоялось официальное открытие больницы.

Мы сидим в маленькой квартирке Мельника-Боткина в парижском Пятнадцатом округе, некогда столь любимом русской эмиграцией. В двух шагах от нас – храм Святого Серафима Саровского, что на улице Лекурб, где по выходным раздавали бумажные пакеты с продуктами для бедных... Нам, грешным, и невдомек, что внук доктора Евгения Сергеевича Боткина, причисленного впоследствии к лику святых за верность профессиональному долгу и душевную щедрость, неизлечимо болен. Что буквально через несколько месяцев Константин Константинович уйдет из земной жизни... А пока он все говорит и говорит, словно торопится успеть поделиться со мной сокровенным:

– Дед вспоминал, как строилась Солдатенковская больница. Распорядителем огромной суммы, оставленной «Козьмой Медичи», стало Московское управление городом. Апрельским днем 1908 года был заложен первый камень в основание будущего медицинского заведения. А уже в конце 1910 года больница открыла двери всем страждущим. В день «инаугурации» – так это тогда называли – больница еще не имела достаточно мест, чтобы обслуживать всех обращающихся за помощью. Всего через год, к 1911 году, было организовано 245 коек в шести корпусах из запланированных двенадцати. Помимо стационара, больница имела приемное отделение, амбулаторию, кухню, прачечную, кладовую, баню, аптеку, котельную и, конечно же, свой анатомический театр.

Не удивительно, что Солдатенковское заведение быстро обрело популярность в Белокаменной и за ее пределами. А к десятилетию

больницы власти Москвы, чтобы почтить память Сергея Петровича Боткина, одного из основоположников русской клинической медицины, основателя военно-полевой терапии, приняли указ, согласно которому больнице было присвоено его имя.

Это, впрочем, факты известные. Но мало кто знает, что у нас, Боткиных, была в Санкт-Петербурге и собственная маленькая больница для бедных – в семье ее ласково называли «больничкой». Все лечение и обслуживание в ней происходило даром. Боткины, от мала до велика, работали в ней, помогали моему деду, как могли. В годы Второй Отечественной – так у нас называли Первую мировую – все палаты были отданы раненым. Там, кстати, мой находившийся на излечении отец, парень из-под Полтавы, геройствовавший на фронте и получивший за это Георгиевский крест, впервые увидел мою мать. Увидел и, можно сказать, пропал на всю оставшуюся жизнь...

Но уже тогда, к концу XIX столетия, когда Россия развивалась стремительными темпами, не доступными другим странам, периодически возникала необходимость... «регуляции» (Константин Константинович, чувствуете, порой думает по-французски и не без труда подбирает русские слова. – К.П.), точнее – координации усилий отечественных филантропов. Надо сказать: при минимуме административных инстанций – по сравнению с нашими временами – и при тогдашней близости бизнеса к институтам власти в Санкт-Петербурге и Москве условия для этого были. Меценатство позволяло вчерашним крестьянам и их детям завязывать полезные связи на самом высоком уровне. Потомки крепостных на филантропическом лифте взлетали в великосветское общество российских столиц, пополняли

Константин Константинович Мельник-Боткин

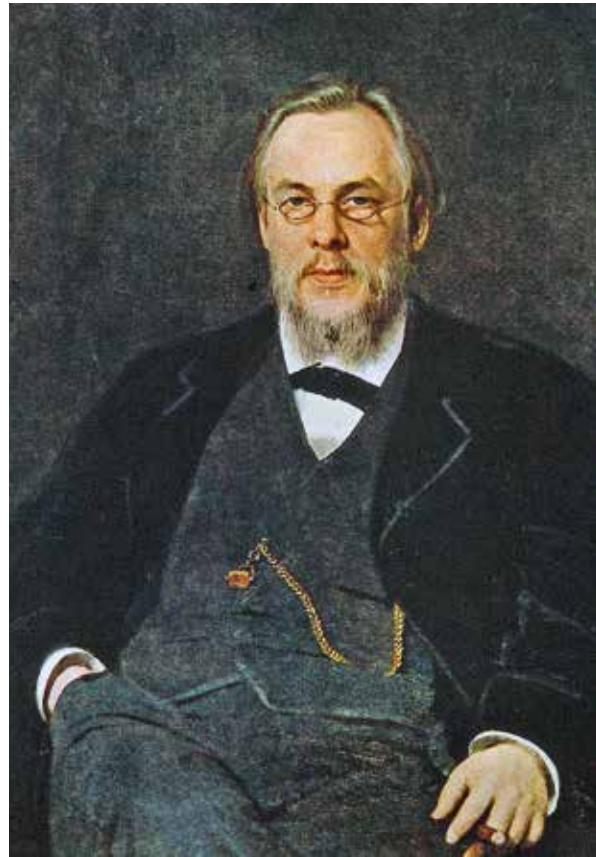
национальную элиту, разбавляли ее свежей кровью. Вспомните, как говаривал генерал де Голль: «Стремитесь подняться, как можно выше. Там меньше народа...»

Что означает эта сентенция президента, рядом с которым Константин Мельник-Боткин проработал столько лет в трудные времена французской истории: война в Алжире, заговор ОАС? Впрочем, ответ на поверхности. Еще Александр I выпустил закон (обратите внимание на формулировку!) «О неприятии от порочных людей пожертвований и ненаграждении их за оные». Этот документ дополняли особые указы, по которым запрещались государственные награды и казенные чины в благодарность за благотворительность. Но... И тут в России было одно очень немаловажное «но»!

– Хрестоматийная история – это получение дворянства московским купцом Гаврилой Гавриловичем Солодовниковым, прославившимся огромным богатством и одновременно своей фантастической скупостью, – Константин Константинович хитровато улыбается лисьими глазами. – Солодовников,

будучи потомственным серпуховским купцом третьей гильдии, составил огромный капитал на оптовой торговле. Перебрался в Москву, поднялся в купцы первой гильдии, занимался парходами, банками, железными дорогами, но скромного образа жизни не поменял. Питался вчерашней гречневой кашей и растапливал печь в доме товарными ящиками, которые заставляла подрядчиков-арендаторов возвращать ему из его же собственных магазинов.

Иными словами, Солодовников быстро превратился в Москве в фигуру символическую: карикатурный нувориш, достойный пера Салтыкова-Щедрина. И в суд иск не подашь о защите достоинства: в ту пору оно могло быть в России лишь дворянским... Мечтой сына купца третьей гильдии было втереться в дворянское сословие. Например, стать советником, статским! Но для этого требовалось совершить какой-нибудь славный подвиг на ниве благотворительности. Как поступали? Желая получить благородный титул приходил в городскую управу и спрашивал, чем он мог бы помочь

Портрет Сергея Петровича Боткина работы И. Н. Крамского. 1880

«любимому городу». Соискателю давали задание, он его благополучно выполнял, а город направлял прошение на высочайшее имя...

Так вот, предприниматель обратился к московским властям, и те предложили ему возвести... венерологическую клинику! Деликатность ситуации заключалась в том, что по тогдашним российским законам объекту, подаренному городу, присваивалось имя дарителя. А значит, построенная Гаврилой Гавриловичем больница должна была бы называться «Клиникой венерических болезней Солодовникова». Наш герой взвыл! Представив вывеску на фронтоне учреждения, купец решил повременить с вхождением с черного входа в привилегированный класс.

Два битых года Гаврила Гаврилович обтирал коридоры власти

в поисках нужного «человечка», чтобы раз и навсегда решить проблему, но чиновники на этот раз оказались неподкупными: Москве позарез нужна клиника кожных и венерических болезней! Солодовникову оставалось только сдаться, но он милостиво попросил, чтобы в названии медицинского заведения его имени и фамилии не стояло.

В феврале 1895 года на Девичьем поле появилось заведение, построенное на средства купца Солодовникова, которое вскоре вошло в состав клинического городка Московского университета. Упорный Гаврила Гаврилович все же

получил дворянство... А в клинике при Первом медицинском институте люди лечатся и сегодня.

– И что же получается? Дал 200–300 тысяч целковых на то дело, которое ты считаешь добрым, и вмиг сокращаешь, скажем, пять лет, которые официально необходимы для продвижения в чине.

– Но разве это плохо? Ведь от такой системы в выигрыше оставалось все общество, – успокаивает меня Константин Константинович. – И купцам-меценатам вольготнее. Заработной платы, полагающейся по чину, они, конечно, не получали. Да им этого и не требовалось! Их выигрыш был в другом: получив право носить мундир чиновника, они обрели возможность с поднятой головой входить в высокие казенные кабинеты. Расширяли круг

знакомств, начинали проникать в свет... Появились предпосылки для создания сообщества благотворителей, составленного из купцов, чиновников, политиков. К началу XX столетия благотворительность превратилась в России в поистине народное движение. Купеческие династии, породнившиеся с благородными дворянскими кланами, соревновались, кто больше пожертвует на добрые дела.

Как утверждала моя мать, Евгений Сергеевич Боткин считал, что война с немцами, абсурдная по своим причинам, но при этом обреченная на победу могучей России, непременно послужила бы постепенному объединению отечественного благотворительного движения. Если бы не германские интриги, большевистский переворот и предательство Западном Романовых, так бы все и произошло. Устроив в России семнадцатый год со всеми его ужасами и дикостями, завистливые Европа, Америка и Япония сорвали русскую общенациональную модернизацию, которой могли бы придать мощный импульс готовые к объединению филантропические силы.

– Благотворительным силам страны не дали объединиться. В этом вина и русской интеллигенции, потерявшей патриотическую идею на фоне марксистствующей демагогии, и мягкотелых властей, не осознавших требований времени, да и самих благотворителей, порой слишком активно и увлеченно влезавших в сомнительные, псевдолиберальные политические игры. Вспомним хотя бы миллионщиков Морозова и Мамонтова, активно спонсировавших большевиков и даже бравировавших этим... Не учли и опыт, который показывает, что вовремя предпринятые благотворительные инициативы нередко предупреждают появление точек социальной напряженности.

Больница имени К. Т. Солдатенкова на Ходынском поле. Москва. 1913

– Да, как бы рассасывают их, – соглашается Константин Константинович. – Но война и вызванный ею экономико-политический кризис не дали предохранительным механизмам сработать. Дело в том, что масштабная благотворительная активность требует от действующих лиц таких же предпринимательских талантов, как и обретение первоначального капитала. В России век назад филантропией занимались – и со стороны бизнеса, и со стороны власти – самые одаренные люди общества. Идея их объединения во имя спасения страны явственно витала век назад в питерском воздухе.

Константин Константинович был прав. Все верно: предпосылки для этого в России прослеживались. Причем начиная с конца XIX столетия. Взять хотя бы «дорогу жизни». Так коренные москвичи называют Большую Пироговскую улицу. А ведь еще одно ее название – «Аллея меценатов». Поверьте, нигде в мире сегодня не найти такого масштабного примера коллективной филантропии, как застройка и переоборудование этого квартала в Хамовниках. Со стародавних времен это место – от Садового кольца до Новодевичьего монастыря, – куда далекие предки нынешних москвичей ходили на луга на сенокос, называлось Девичьим полем.

В 1885 году на пустырях Девичьего поля было выделено более 18 гектаров земли под

строительство новых клиник медицинского факультета Московского Императорского университета. Инициатором выступил знаменитый хирург Николай Васильевич Склифосовский. Средства в строительство вложили городские власти и, прежде всего, частные благотворители – так появились Морозовская, Хлудовская, Шелапутинская, Базановская больницы, Алексеевская амбулатория...

Всего на Девичьем поле было построено 13 зданий, в которых разместились 15 клинических учреждений. Лучших по оснащению и оборудованию для своего времени не только в России, но порой и в Европе...

Но суть не в Zahlen и материальных историях о российских меценатах и их подвигах (другим, менее громким, словом их благотворительные акции не назовешь), а в тех уроках, которые дает нам прошлое. Тут не поспоришь.

Помнить об этом нелишним было бы и сегодняшним российским меценатам-олигархам и иже с ними.

Как писал Пушкин: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». Только история благотворительности в России – это не сказка, а поучительное сказание о тех, кто воспринимал благо нации как свой долг.

Евгений Сергеевич Боткин, лейб-медик семьи Николая II. 1917

СЛОВО РЕДАКТОРА

3 БЛАГО КАК ДОЛГ

Российский историк Василий Ключевский считал, что «истинная цель дела благотворительности не в том, чтобы благотворить, а чтобы некому было благотворить».

ИСТОРИЯ

10 КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Окончание. Начало в № 156/07–08.

22 ИЗБУШКА РУССКОГО ЦАРЯ

В Дании сохранилась вилла «Ласточкино гнездо», некогда принадлежавшая русскому императору Александру III.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

30 ЛИКИ ПОКРОВА

14 октября православные церкви, следующие юлианскому календарю, празднуют Покров Божией Матери.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

36 «ШЛИ ДРОЗДОВЦЫ ТВЕРДЫМ ШАГОМ...»

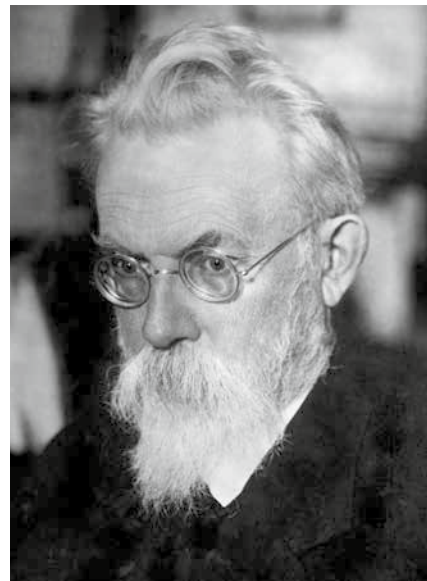
Открывая в нашем издании новую рубрику «Страницы прошлого», мы обращаемся к читателям «Русской мысли» с предложением присылать нам материалы с рассказами о людях белой эмиграции.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

44 ПЕВЕЦ БРОДВЕЯ

К 100-летию со дня рождения С. Л. Голлербаха.

48 ЭФФЕКТ ВЕРНАДСКОГО

Гениальный ученый много раз оказывался провидцем.

ДИАЛОГ

56 ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Представляем вниманию читателей беседу-размышление художников Марии Сивковой и Николая Сенкевича.

КУЛЬТУРА

64 «ДОН КИХОТ»: РЫЦАРЬ БАЛЕТНОГО ОБРАЗА

Кредо балета – не война, а мир, не тяжеловесность, а легкость, не бой с ветряными мельницами, а танец...

68 МУЗЫКА ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ!..

VI Музыкальный фестиваль на открытом воздухе «Лето. Музыка. Музей».

ОЧЕРК

70 РОЗЫ И... КРЕСТ

Продолжение. Начало в № 155/05–06 (5026) и 156/07–08 (5027).

76 СУДЬБА ЛЕГЕНДАРНОГО ФЛОТОВОДЦА

Адмирал Нельсон не раз использовал тактический прием русского адмирала Ушакова.

ЛИТЕРАТУРА

82 ВЕЛИКИЙ ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

К 195-летию со дня рождения Льва Толстого.

86 ПУЛЬС ПОЮЩЕГО СЕРДЦА

150 лет со дня рождения Ивана Шмелева.

88 ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова.

90 «ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ»

Глава из книги Алисы Даншох «Истории из пропавшего чемодана».

96 «В ТЕНИ ТРОНА» ВАСИЛИЯ ЗУБАКИНА

Заключительная глава (начало читайте в № 149/09, 150/10, 152/12, 153/03–04 и 156/07–08).

101 ПЯТНЫШКО

Рассказ Владимира Малышева из книги «Возвращение».

104 «ВСЛЕД ЗА ВОЛХВАМИ ИДТИ ЗА ЗВЕЗДОЙ...»

Представляем вниманию читателей стихи Олега Селецкова.

ТОЛЬКО У НАС

106 «ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»»

Продолжение публикации повести Валерия Полежаева «Одинокий «Юнкерс»» (начало в № 153/01–02, 154/03–04 и 156/07–08).

110 СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Героическая оборона Севастополя длилась почти год
(начало статьи – в № 156/07–08)

ТЕО ГУРИЕЛИ

Франц Рубо. Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя». 1904

С высадкой войск коалиции в Крыму война из наступательной становилась чисто оборонительной. Еще до осуществления высадки Наполеон III приказал сформулировать «четыре пункта», сообщить их Австрии, Пруссии и, конечно, Англии и затем от имени четырех держав предъявить их Николаю I.

Пункты были приняты Англией и Австрией. Но прусский король долго не хотел принимать участия в этом враждебном выступлении всех великих держав против России. Когда же он узнал, что Австрия начала постепенно занимать своими войсками те части

Молдавии и Валахии, которые оставались уходящей русской армией, Фридрих-Вильгельм IV внезапно ощутил раскаяние и переметнулся на сторону Николая I, объявив, что разрывает подписанное с Австрией 20 апреля соглашение. Тогда на него опять нажали из Парижа и Лондона, и король, хотя и не подписал «четыре пункта», согласился не протестовать против того, что говорилось в них о Пруссии. Нота была отправлена в Петербург.

Вот эти пункты, сформулированные окончательно 18 июля 1854 года: 1) дунайские княжества поступают под общий

протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии, причем временно оккупируются австрийскими войсками; 2) все эти пять держав объявляются коллективно покровительницами всех христианских подданных султана; 3) эти же пять держав получают коллективно верховный надзор и контроль над устьями Дуная; 4) договор держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы, заключенный в 1841 года, должен быть коренным образом пересмотрен.

Николай I получил «четыре пункта», но ответа не давал. Срок ему не был поставлен. Наполеон

и Англия решили перевести силы из Варны в Крым и с этого времени до известной степени ослабили свое подавляющее влияние на Австрию. В Вене жаловались, что, перебрасывая свои войска в Крым, союзники оставляют Австрию лицом к лицу с грозным русским соседом. Там продолжали опасаться России, несмотря ни на что; считали, что Россию можно разбить, но нельзя ее ослабить на длительное время. И горе тем соседям, которые соблазняются ее временной слабостью!

После объявления Турцией войны России 4 (16) октября 1853 года активные действия велись на суше и на море. На Дунае русские войска неудачно провели сражение у Ольтеницы 23 октября (4 ноября), но дали отпор туркам 25 декабря 1853 года (6 января 1854 г.) при Четати. На Кавказе в сражении под Ахалцихом 14 (26) ноября 1853 года 7-тысячный гарнизон генерала И. М. Андроникова отбросил 15-тысячное войско Али-паши. 19 ноября (1 декабря) под Башкадыкларом 10-тысячный отряд генерала В. О. Бебутова разгромил 36-тысячное войско Ахмет-паши. В Турции значительные потери в войсках вызывали все большую озабоченность.

Поражения Турции ускорили вступление в войну Великобритании и Франции. 23 декабря 1853 года (4 января 1854 г.) англо-французский флот вошел в Черное море. 9 (21) февраля Россия объявила войну Великобритании и Франции. 11 (23) марта 1854 года русские войска форсировали Дунай у Браилова, Галаца и Измаила и сосредоточились в Северной Добрудже. 10 (22) апреля англо-французская эскадра бомбардировала Одессу. В июне-июле англо-французские войска высадились в Варне, а превосходящие силы англо-франко-турецкого флота (34 линейных корабля

и 55 фрегатов, в основном паровых) блокировали в Севастополе русский флот (14 линейных парусных кораблей, 6 фрегатов и 6 пароходофрегатов).

В конце августа соединенный флот Англии и Франции в составе 89 военных кораблей и 300 транспортов подошел к Евпатории. 1 (13) сентября союзники беспрепятственно начали высадку экспедиционного корпуса из 28 тыс. французов, 24 тыс. англичан и 7 тыс. турок при 122 орудиях. Высадка продолжалась шесть дней. Главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь А. С. Меншиков решил дать бой неприятельской армии на заранее выбранной позиции на реке Альме – на пути от Евпатории к Севастополю. У реки Альмы было сосредоточено до 30 тыс. русских войск при 96 орудиях.

8 (20) сентября состоялось кровопролитное сражение, которое русские проиграли. Меншиков с армией отошел сначала к Севастополю, но затем, опасаясь, что противник отрежет его от центральных районов России, а также с целью свободы маневра и возможности угрожать флангу и тылу неприятеля 12 (24) сентября отвел войска к Бахчисараю. Почти одновременно союзники предприняли фланговый марш на Балаклаву, откуда намеревались вести наступление на Севастополь.

Настала страшная осень 1854 года с жестокими битвами под Балаклавой и Инкерманом, с первыми бомбардировками

Адмирал Владимир Алексеевич Корнилов

Севастополя. Дипломатия бездействовала. Союзники с беспокойством следили за неожиданно затягивающейся осадой Севастополя, сдачи которого ожидали через несколько дней после высадки. Между тем экспедиционный корпус в Крыму рос не только за счет англичан и французов, которые доставляли туда все больше войск, лошадей и пушек, но и за счет турецких вассалов: в Крым привезли наемников из Монтенегро, Хорватии, Месопотамии. Что же касается русских солдат и матросов, то им пришлось на протяжении более 11 месяцев в борьбе с численно превосходящим противником отстаивать Севастополь.

К вечеру 12 (24) сентября союзная армия подошла к реке Бельбек и отсюда на следующий день начала фланговое движение на южную сторону города. Утром 14 (26) сентября французы заняли позиции на Федюхиных высотах, а англичане заняли Балаклаву. Флот союзников вошел в Балаклавскую гавань.

С уходом армии Меншикова из Севастополя над городом нависла грозная опасность. Севастопольские моряки во главе с В. А. Корниловым

Уильям Симпсон. «Атака легкой бригады под Балаклавой». 1855

и П. С. Нахимовым, оставленные без поддержки армии перед лицом возможного в любой момент удара со стороны армии и флота противника, начали подготовку обороны города собственными силами. Местность, на которой расположен Севастополь, удобна для организации сильной обороны с моря, однако неудобна для обороны с суши. Для обороны северной стороны города и рейда было построено еще в 1818 году Северное укрепление, имевшее вид восьмиугольного форта с четырьмя небольшими бастионами. Форт имел 50 орудий.

Оборона Севастопольского рейда с моря состояла из восьми сильных каменных и земляных батарей. К весне 1854 года береговая оборона была усиена. Она имела 14 батарей с 610 орудиями, в том числе 28 бомбических. Относительно обороны Севастополя с суши существовало мнение о невозможности высадки крупного десанта

и, следовательно, невозможности нападения на Севастополь крупными силами с суши. С южной стороны Севастополь был укреплен слабо. Всего на южной оборонительной линии протяженностью 7 км имелось только 145 орудий, установленных в недостроенных укреплениях.

Англо-французское командование не решилось сходу атаковать Севастополь, что позволило принять срочные меры по усилению обороны города. 11 (23) сентября, чтобы не допустить прорыва кораблей противника на внутренний Севастопольский рейд, было решено затопить поперек входа в бухту пять парусных линейных кораблей и два фрегата. Другие парусные суда, все пароходы и пароходофрегаты были оставлены для обороны Севастополя и отведены в бухту под защиту батарей. С них на берег были сняты артиллерия и корабельные экипажи (около 18 тыс. человек),

из которых сформировали 22 батальона.

13 (25) сентября 1854 года в Севастополе было объявлено осадное положение. Оборону города возглавил вице-адмирал В. А. Корнилов, официально считавшийся начальником штаба обороны. Его ближайшими помощниками являлись командующий эскадрой вице-адмирал П. С. Нахимов, назначенный начальником Южной стороны, и контр-адмирал В. И. Истомин (начальник обороны Малахова кургана). Общее руководство инженерными работами осуществлял инженер-полковник Э. И. Тотлебен. Гарнизон Севастополя после ухода полевой армии к Бахчисараю вместе со списанными на берег морскими офицерами и матросами насчитывал более 16 тысяч человек.

Горячий патриот своей Родины, Корнилов вложил в дело обороны Севастополя все свои знания, энергию и незаурядные

организаторские способности. Строгий и требовательный в делах, но справедливый по отношению к подчиненным, он пользовался всеобщим уважением и любовью. По признанию современников, Корнилов был творцом того воинского духа, энтузиазма, храбрости и самоотверженности, которые не покидали защитников Севастополя до последних дней осады.

Защитники Севастополя, в том числе женщины и дети, работали без усталы днем и ночью. Строительством укреплений на северных подступах к городу руководил сам Корнилов. С кораблей было свежено на берег все, что могло быть использовано. Мужчины долбили каменистый грунт, а женщины издалека носили землю в корзинах и мешках. Батарея, которая была возведена одними женщинами, стала называться «Девичьей».

В результате самоотверженного труда защитников Севастополя город был подготовлен к отражению атак противника.

Фортификационная оборона под Севастополем состояла из четырех позиций. Три позиции были оборудованы на Южной стороне и одна на Северной. На Южной стороне города работами руководил вице-адмирал Нахимов. Укрепления сухопутного (южного) фронта составили семь бастионов и Малахов курган (Корниловский бастион). Это была главная оборонительная линия. За время осады был сооружен ряд укреплений (передовых и промежуточных), усиливших эту главную линию. Редуты и бастионы главной оборонительной линии были связаны между собой траншеями. Впервые в истории перед главной оборонительной линией была создана зона сплошного артиллерийского и ружейного огня (глубиной в 200 м), позволявшая вести сосредоточенный огонь на заданных направлениях. Система огня дополнялась системой

инженерных заграждений (рвы, мины, фугасы, волчьи ямы). За главной оборонительной линией шла вторая линия, служившая для отвода войск на время артиллерийского обстрела. Третья линия, проходившая частично в черте города, состояла из приспособленных под опорные пункты домов и служила для укрытия главных резервов. На второй позиции, как и на главной, для обеспечения действий отдельных артиллерийских батарей были возведены бастионы и редуты.

За первые три недели Севастопольской обороны под руководством Э. И. Тотлебена, В. П. Ползикова, А. В. Мельникова и других военных инженеров защитниками города было построено свыше 20 укреплений (батарей), а численность артиллерии только на Южной стороне доведена до 341 орудия (в том числе 118 тяжелых) против 144, имевшихся у противника. В Севастополе в короткий срок была создана глубоко эшелонированная оборона, в основу которой легли идеи выдающегося русского теоретика фортификации А. З. Теляковского. Севастопольцы, творчески подходя к положениям Теляковского, развили их дальше. Созданная под Севастополем оборона являлась лучшим образцом полевой фортификации того времени. Она полностью отвечала условиям местности и требованиям тактики.

18 (30) сентября англо-франко-турецкие войска (всего 67 тыс. человек, из них 41 тыс. французов, 20 тыс. англичан, 6 тыс. турок) вышли на подступы к Севастополю с юга. Флот неприятеля состоял из 34 линейных кораблей и 55 фрегатов. Гарнизон Севастополя к этому времени насчитывал 36 600 человек.

Увеличение численного состава войск, находившихся в Севастополе, объяснялось тем, что Меншиков

с армией перешел из Бахчисараю к Севастополю, при этом часть войск была выделена для усиления обороны города. На Севастопольском рейде находилось 16 парусных линейных кораблей, шесть паровых и четыре фрегата. Всего в Севастополе было сосредоточено 3904 орудия, 1 млн снарядов и 325 тыс. зарядов пороха.

5 (17) октября 1854 года, в 6 часов 30 минут, началась первая бомбардировка крепости. Противник открыл огонь по всем оборонительным сооружениям из 126 тяжелых орудий, а к полудню к ним присоединились еще 1340 орудий кораблей. Он рассчитывал мощной бомбардировкой с моря и суши разрушить сухопутные укрепления крепости и штурмом овладеть ею. Севастопольцы ответили мощным артиллерийским огнем из 250 орудий. И этот свирепый бой, не смолкая ни на минуту, продолжался ровно 12 часов и прекратился лишь с наступлением темноты.

Защитники Севастополя проявляли высокую стойкость и мужество. В этот день погибло много защитников города и среди них – талантливый организатор и руководитель обороны Севастополя адмирал Корнилов. На месте, где он был убит, сложили из ядер крест.

Моряки и население города всю ночь с 5 (17) на 6 (18) октября провели в напряженной работе по исправлению повреждений. К изумлению противника, к утру севастопольские укрепления были восстановлены и готовы к отражению новых атак врага.

Первая попытка противника овладеть Севастополем потерпела крах. Замысел англо-французского командования был сорван героической обороной русских войск.

Пока союзники готовились к новым штурмам, английские войска постиг жестокий удар: была разгромлена легкая кавалерийская бригада британской «Восточной

Адмирал Павел Степанович Нахимов

армии». Она стояла лагерем в Балаклавской долине, охраняя пути, соединяющие английскую армию, осаждающую Севастополь, с морской базой в Балаклаве. На глазах у английского командования отряд российского генерала Липранди штурмом взял турецкий редут на Кадыкейских высотах; турки бежали, бросив еще три редута. Англичане в этом бою потеряли девять орудий. Когда об этом сообщили главнокомандующему лорду Рагану, он велел передать командиру кавалерии лорду Лукану следующий приказ: «Лорд Раган желает, чтобы кавалерия быстро выдвинулась к линии фронта, преследуя противника, и попыталась воспрепятствовать неприятелю увезти прочь орудия. Отряд конной артиллерии также может присоединиться. Французская кавалерия

находится на нашем левом фланге. Немедленно».

Лорд Лукан приказал графу Кардигану, командиру легкой бригады численностью в 673 человека, атаковать вдоль долины между горами и редутами, захваченными русскими. Пытаясь возразить, Кардиган говорил, что в конце долины расположены тяжелые русские пушки, которые прикрыты с обоих флангов другими пушечными батареями и стрелками. На что Лукан буркнул: «У нас нет иного выбора, кроме как под-

чиниться». И Кардиган скомандовал: «В атаку!»

Русские встретили бригаду огнем пушек с редута справа, ружейными и штуцерными залпами, а затем ее еще атаковали с фланга три эскадрона Сводного уланского полка подполковника Еропкина. Отступая, англичане понесли новые потери, так как опять оказались под перекрестным огнем русской артиллерии и пехоты. Англичане потеряли более 300 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, а также 396 лошадей (серьезная потеря для экспедиционного корпуса). Надо заметить, что, очевидно, во всей этой истории сыграло свою роль то, что командир кавалерийской дивизии лорд Лукан и командир легкой бригады граф Кардиган ненавидели друг друга; Лукан женился на одной из сестер

Кардигана и, как считал граф, плохо с ней обращался. Свои взаимоотношения генералы не скрывали, часто пререкаясь на людях. Вместо того чтобы точнее выяснить, что имеется в виду в приказе, они предпочли снова переругиваться, обрекая этим на смерть сотни своих воинов...

После смерти Корнилова оборону Севастополя возглавил вице-адмирал Нахимов. Под его непосредственным руководством велись работы по укреплению оборонительных линий, строительству дополнительных береговых батарей и их защите, были сформированы боевые батальоны из моряков. Он знал все, что делается на бастионах: кому нужны снаряды, куда нужно послать подкрепление, и всегда вовремя оказывал помощь. Ночевал, где придется, спал, часто не раздеваясь. Свою квартиру отдал под лазарет. Адмирал пользовался огромным авторитетом и любовью среди защитников города. Нахимов был всюду и везде, воодушевлял своим примером, помогал словом и делом. Герой Синопа, любимец матросов и всего населения Севастополя, горячий патриот своей Родины, он был душой героической обороны Севастополя.

Бомбардировка города с суши осадными батареями продолжалась еще несколько дней, но безуспешно: севастопольцы успевали за ночь исправить все, что было разбито за день. Благодаря неустанной деятельности талантливого русского инженера В. П. Ползиков и контр-адмирала В. И. Истомина, руководившего обороной Малахова кургана, последний был превращен в мощное укрепление, до конца остававшееся главным опорным пунктом Севастопольской обороны.

Упорное сопротивление гарнизона заставило английского главнокомандующего Раглана и французского генерала Канробера

отложить штурм и перейти к медленной осаде.

Новый штурм Севастополя союзное командование планировало начать через две недели. Готовясь к нему, противник все ближе продвигался к линии укреплений города.

После выигранного 4 (16) августа 1855 года сражения на Черной речке союзные войска стали активно готовиться к генеральному штурму Севастополя. Англо-французское командование в лице генералов Ж. Пелисье и Дж. Симпсона провело очередную бомбардировку города из 800 орудий, которая велась с 5 (17) по 8 (20) августа. За это время противником было выпущено 56 500 снарядов. Следующая, шестая, самая мощная, бомбардировка Севастополя из 807 орудий, в том числе 300 мортир, проводилась с 24 по 27 августа (5–8 сентября). По городу было выпущено до 150 тыс. снарядов! Особенно сильной бомбардировке подвергся Малахов курган, против которого действовали 110 орудий, из них 40 мортир. Эта невероятная канонада, потрясая и сокрушая русские укрепления, осыпала их защитников градом бомб, гранатной картечи и пуль. Кроме обыкновенных снарядов, неприятель пускал ракеты и бросал бочки, наполненные порохом. Все, что было создано в мире смертоносного и разрушительного, весь военный опыт прошедших веков враг использовал для уничтожения севастопольских укреплений и их защитников.

В результате многодневного ожесточенного обстрела 2-й и 3-й бастионы и укрепления Малахова кургана были разрушены. Потери русских составили 7561 человек убитыми и 89 орудий.

27 августа (8 сентября) в 12 часов дня 13 дивизий и одна бригада противника начали последний штурм

Севастополя. Главный удар был направлен на 2-й бастион и Малахов курган. Для штурма было выделено 57 500 человек.

После артиллерийского обстрела французские войска (около 39 тыс. штыков) атаковали Корабельную сторону. Штурм проводился одновременно по всей оборонительной линии Севастополя. 10 тыс. французов внезапно атаковали Малахов курган, на котором находилось всего 1400 солдат и 500 артиллеристов. Между тем силы французов все прибывали. Вскоре в русских полках были убиты или ранены все командиры, однако, лишившись управления, солдаты продолжали сражаться. После ожесточенных боев защитники Малахова кургана все же были вынуждены отступить под давлением превосходящих сил противника.

Все это время продолжались атаки противника и на 2-й бастион, где 7 тыс. русских бились с 18 тыс. французов. Эти атаки неприятеля были трижды отбиты защитниками бастиона, пока огонь из орудий противника, установленных на Малаховом кургане, не заставил защитников отступить.

Штурм 3-го бастиона вели англичане (11 тыс. человек). Однако после первой же неудачной атаки англичане их больше не возобновляли. Также неудачно для противника окончилось и его наступление на городскую сторону Севастополя, начавшееся уже после того, как был взят Малахов курган.

Таким образом, французам удалось овладеть Малаховым курганом и 2-м бастионом. На других пунктах все атаки были отбиты. Но с потерей Малахова кургана и 2-го бастиона линия обороны Севастополя оказалась прорванной как раз в том пункте, от которого зависела ее прочность в целом. Взятие Малахова кургана, представлявшего ключевую позицию в системе обороны Севастополя,

явилось поворотным моментом в ходе осады.

Ознакомившись с положением дел, русское командование решило отказаться от дальнейшей борьбы за город и приказало отвести войска на Северную сторону. 27 августа (8 сентября) русские войска, взорвав склады и укрепления на Южной стороне, переправились частью на судах, частью по сооруженному наплавному мосту на Северную сторону, а затем соединились с армией Меншикова. Одновременно с переправой войск были затоплены в бухте оставшиеся корабли Черноморского флота. Организованный отход всей русской армии с артиллерией и тылами в течение одной ночи явился уникальным случаем в истории войн.

Так закончилась героическая оборона Севастополя. Союзники не добились его капитуляции. Русская армия в Крыму сохранилась и была готова к дальнейшим боям.

Пришла зима с ужасающим штормом, с болезнями и колоссальной смертностью в лагере союзников. В Вене русским послом был уже не Мейендорф, а Александр Михайлович Горчаков, и по мере роста бедствий, которые французам и англичанам приходилось испытывать зимой под Севастополем, Буоль становился все дружелюбнее и сердечнее к Горчакову.

Внезапная весть о смерти Николая I (в феврале 1855 г.) ненадолго оживила надежды на мир. Франц-Иосиф и Буоль получили очень смутившее их странное и неприятное известие из Парижа. Оказалось, что, как только Наполеон III получил известие о смерти русского императора, он тотчас же пригласил во дворец саксонского посланника фон Зеебаха, женатого на дочери русского канцлера Нессельроде, и выразил (для передачи новому царю Александру II) свое соболезнование. В Петербурге, конечно, ухватились за это. Через

Портрет князя Александра Михайловича Горчакова работы Е. И. Ботмана. 1874

посредство того же Зеебаха тотчас было доведено до сведения Наполеона III письмо Нессельроде к Зеебаху, в котором Нессельроде передавал благодарность Александра II Наполеону и тут же распространялся о том, что России и Франции решительно не из-за чего воевать и что мир наступит в тот же день, когда этого пожелает Наполеон III.

Все эти неожиданные и неприятные в дипломатическом обиходе воюющих стран любезности, казалось, открывали пропасть перед Австрией, да и перед Пруссией; там уже давно с беспокойством говорили, что страшнее всего для государств Центральной Европы станет возможный в будущем союз между Французской и Российской империями. Что если оба императора, как давно советовал А. Ф. Орлов, в самом деле примирятся, а затем вдвоем раздерут Австрию на части?

легкомыслием болтали при ком угодно об отчаянном положении Севастополя, об ужасающих донесениях главнокомандующих, сначала Меншикова, потом Михаила Горчакова. Даже сам Николай был крайне неосторожен и перед своей загадочной кончиной откровенно делился своими горестями и тревогами и с прусским послом фон Роховым, и с прусским военным атташе графом Мюнстером, которых продолжал считать близкими друзьями. Граф Мюнстер писал обо всем, что слышал в Зимнем дворце и других дворцах Петербурга, своему другу генералу Леопольду фон Герлаху, любимцу короля Фридриха-Вильгельма IV. Но за Герлахом шпионил другой любимец короля, первый министр Пруссии Мантейфель. А его секретный агент Техен аккуратно выкрадывал из письменного стола Герлаха эти письма. Однако Техен, недовольный слишком скромным

вознаграждением, получаемым от Мантейфеля, решил подыскать еще и другого покупателя; такового, и притом несравненно более щедрого, он нашел в лице маркиза де Мустье, французского посла в Берлине. Все это выяснилось лишь много времени спустя.

Французский император, к своей радости, узнал таким образом, насколько безнадежны, по мнению главнокомандующего Михаила Горчакова, перспективы обороны, насколько новый царь мало надеется отстоять крепость, как убийственно обстоит дело со снабжением русских войск боеприпасами и т. д.

Ввиду всего этого всякие попытки заключить мир до падения Севастополя были прекращены: решено было с удвоенной силой добиваться сдачи Севастополя. Когда же в августе 1855 года Севастополь пал, опять возобновилась большая дипломатическая игра. Россия не заключала мира – переговоры в Вене велись на конференции послов, в которой принимал участие и Александр Горчаков, русский посол в Австрии. Но дело не двигалось с мертвой точки. Пальмерстон, сделавшийся в начале февраля 1855 года премьер-министром Англии, вовсе не был заинтересован в том, чтобы война окончилась тотчас после взятия Севастополя. В Англии и во всем мире Пальмерстона вообще считали одним из главных виновников долгой, кровопролитной и разорительной войны.

Запросы в парламенте и материалы расследования, произведенного парламентской комиссией Робака, выяснили немало упущений в материальном снабжении английской армии под Севастополем; особых лавров во время осады англичане себе не снискали; взяли Севастополь не они, а французы. И при этом Пальмерстон полагал, что только после падения Севастополя

нужно развернуть большую войну! Это для Пальмерстона означало, во-первых, что необходимо привлечь новых союзников; во-вторых, что следует поощрить французского императора к усилению своей армии путем новых и новых наборов. Только тогда можно будет «поставить Россию на колени» и добыть для Англии плоды этих новых французских побед. А то, что в Вене заседают конференция послов, которая никак не может договориться насчет «четырех пунктов», это, с точки зрения Пальмерстона, даже хорошо: упорство русской дипломатии ведет к затягиванию войны на неопределенный срок, что даст возможность британскому премьеру осуществить свою программу отторжения от России некоторых территорий. В первое время после падения Севастополя Пальмерстону даже казалось, что все идет великолепно.

Наполеон также не думал о мире, а вел переговоры со шведским королем Оскаром I о вступлении Швеции в войну против России. Эти переговоры оказались безрезультатными. Оскар требовал отправки в Финляндию 50 тысяч солдат из Франции и Англии, обеспечения завоевания Швецией Финляндии и, главное, гарантии со стороны Англии и Франции вечного владения Финляндией после ее включения в состав Шведского королевства. Пока русские в Петербурге, ни одна страна не может спокойно владеть Финляндией: так категорически заявил король Оскар I маршалу Канроберу, чрезвычайному посланцу Наполеона III, осенью 1855 года. Совершенно с этим Оскар и хотел иметь гарантию двух западных держав против России.

Пальмерстон не видел никаких препятствий к тому, чтобы Наполеон III послал в Финляндию вспомогательную армию в 50 тысяч

человек и дал требуемую Оскаром гарантию. Но от обещаний помощи со стороны самой Англии Пальмерстон воздерживался. Переговоры были безрезультатными. Оскар I отказался примкнуть к союзникам. Наполеон III равнодушно принял эту неудачу.

Однако после падения Севастополя с совершенной ясностью выявились истинные намерения Англии. Пальмерстон, душа кабинета лорда Эбердина, считал, что война может основательно ослабить Россию. Раз у Англии есть такой союзник, как Французская империя, в перспективе можно, обещая компенсации за счет России, заполучить еще трех союзников: Австрию, Пруссию и Швецию. Он считал, что более благоприятная комбинация никогда уже не повторится. «Нет страны на свете, которая так мало проигрывала бы от войн, как Англия!» – восхищался Пальмерстон, настойчиво повторяя эту фразу.

Цели, которые ставило перед собой английское правительство, неоднократно объявлялись и в английской прессе. Но планы Пальмерстона были гораздо радикальнее идей любого члена правительства. Его точка зрения, наиболее полно изложенная им лорду Джону Расселу, сводилась к следующему: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено как барьер между Россией и Германией (не Пруссией, а Германией); Молдавия и Валахия, а также все устье Дуная отходят к Австрии.

Но Наполеону III отнюдь не хотелось ни слишком усиливать Англию, ни сверх меры ослаблять Россию. Поэтому, как только союзниками была одержана победа, Наполеон III начал критически относиться к программе Пальмерстона и быстро свел ее к нулю.

Еще безразличнее отнесся Наполеон III после падения Севастополя к проектам Пальмерстона насчет Польши, прибалтийских стран, Крыма, Кавказа. Мало того, уже в октябре распространились слухи, что французский император не желает больше воевать и что если Александр II согласится начать переговоры о мире на основе «четырех пунктов», то мирный конгресс может открыться хоть сейчас.

Тут союзники опять вернулись к мысли об использовании Австрии. В их распоряжении было одно сильное средство воздействия, так как еще 2 декабря 1854 года Австрия подписала союзный договор с Англией и Францией, согласно которому должна была охранять от нового вторжения русских занятые ее войсками Молдавию и Валахию. Кроме того, Австрия обязывалась оказывать содействие западным державам «решительными мерами». Этот договор оставался мертвой буквой, и никаких «решительных мер» Австрия не предпринимала. Тогда 26 января 1855 года Наполеон III решился на давно подготовленный шаг, очень всполошивший Австрию: он заключил договор с королем сардинским Виктором-Эммануилом II, и 15 тысяч пьемонтских солдат отправились под Севастополь. Открыто Сардинское королевство ровно ничего за это от Наполеона III не получило. Это заставляло предполагать, что было какое-то тайное обязательство, данное французским императором Виктору-Эммануилу и его министру, искусному дипломату графу Камилло ди Кавуру. Не подлежало сомнению, что это обязательство заключалось в изгнании Австрии из Ломбардии и Венеции французскими силами и в присоединении этих двух австрийских провинций к Пьемонту. Несмотря на успокоительные заверения Наполеона III, австрийцы окончательно впали

Луи Эдуард Дюбуаф. «Участники Парижского конгресса». 1856.

Стоят слева направо: министр иностранных дел Сардинского королевства Камилло Бенцо ди Кавур; Генри Уэлсли, первый граф Коули; граф Карл-Фердинанд фон Буоль; Франсуа-Адольф де Буркени; граф Йозеф-Александр Губнер; Мехмет Эмин Али-паша; Филипп фон Бруннов; Макс фон Гатсфельдт; император Наполеон III. Сидят слева направо: граф Алексей Федорович Орлов; Отто Теодор фон Мантейфель; граф Александр Колонна-Валевский; Сальваторе Пес-ди-Вийямарина; Джордж Вильерс, 4-й граф Кларендон; Мехеммед Джермил-бей

в панику. Тогда Наполеон III, желавший скорее завершить войну, категорически потребовал от Австрии выступления, которое должно было заставить Александра II пойти на мир.

По настоянию Буоля, который не смел ослушаться французского императора, Александр II был уведомлен, что Австрия заключила военный союз с западными державами и что если Россия откажется начать переговоры на основании «четырех пунктов», то Австрия принуждена будет объявить войну.

Решающую роль сыграли полученные Буолем сведения о том, что между Тюильрийским и Зимним дворцами налаживаются какие-то непосредственные сношения. Предчувствие российского посла

Павла Киселева, заставившее его просить в феврале 1854 года личной аудиенции у Наполеона III, оказалось верным: сношения с Францией возобновились без особых усилий.

Военные действия прекратились. Началась подготовка к дипломатической ликвидации долгого кровавого побоища. В середине октября 1855 года пришло известие, что Наполеон III желал бы начать с царем Александром непосредственные сношения. Другими словами, император француз, с одной стороны, давал понять, что он несколько не стеснен союзом с Англией, а с другой – что он тоже (подобно Александру) не очень доволен венскими конференциями. Уже очень скоро после отказа Швеции примкнуть

к коалиции Наполеон III пришел к заключению, что воевать дальше ему незачем, да и шансов на успех немного.

Англичане хотели бы продолжать войну. «Нам грозит мир», – откровенно писал Пальмерстон своему брату. Английская дипломатия не прочь была, во-первых, отхватить весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию, отобрать весь юго-восточный Кавказ, создать для Шамиля «Черкессию», а самого Шамиля обратить в покровительствуемого Турцией и Англией вассала, призванного преграждать дорогу русскому продвижению в Персию.

Но Наполеон III совсем не желал такого усиления Англии; напротив, в России он уже как будто начинал

усматривать полезный в некоторых случаях противовес англичанам. Проливать французскую кровь на Кавказе с целью защиты Индии от русского нашествия казалось Наполеону совершенно излишним. И он дал разрешение графу Морни завязать «частным порядком» сношения с Россией. К Александру Михайловичу Горчакову, русскому послу в Вене, явился в один прекрасный день глава большого банкирского дома Сипа и сообщил ему, что получил от своего парижского друга и тоже банкира Эрлангера письмо, в котором Эрлангер сообщает об интересном разговоре, бывшем у него с графом Морни. Граф находит, что пора бы французам и русским прекратить бесполезную бойню. Горчаков немедленно уведомил об этом царя и, даже не дожидаясь ответа, заявил банкиру Сипа, что тот может от его имени написать своему другу Эрлангеру в Париж, что не только мир, но и прямое сближение между Францией и Россией после заключения мира может быть в высшей степени полезно для этих держав. Но условия мира не должны затрагивать чувства национального достоинства России.

Морни понял, что это прямой намек на грозящее России требование об обязательном ограничении военного флота на Черном море. Он ответил Горчакову мягким отказом: нельзя требовать от Наполеона III и от Англии, после всех жертв, понесенных ими под Севастополем, чтобы они отказались от этого требования. За этим первым обоюдным зондированием последовали уже официальные, хотя и тайные, переговоры в самом Париже.

Но тут русский канцлер Нессельроде совершил бестактность, которая очень повредила делу. Он сообщил венскому двору о начавшихся сношениях России с Парижем. Зачем он это сделал, понять трудно.

Видимо, Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной «дружественной» Австрии. Конечно, Франц-Иосиф и граф Буоль сильно всполошились, узнав о внезапной перемене настроений Наполеона III, который мог теперь договориться с Александром без участия Австрии. Такой оборот дела грозил Австрии опаснейшей изоляцией. Немедленно Буоль сообщил Наполеону о полной готовности Австрии окончательно примкнуть к западным державам и предъявить России нечто вроде ультиматума. Наполеон III был удивлен и раздосадован странной откровенностью русской дипломатии и прервал начавшиеся было переговоры.

Все это значительно ухудшило дипломатическое положение России. Наполеону III отныне становилось еще труднее, чем прежде, препятствовать захватническим стремлениям Англии. Буоль торопился, и уже в середине декабря австрийские предложения были вручены Нессельроде. В этих предложениях России предъявлялись следующие требования:

- 1) замена русского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией протекторатом всех великих держав;
- 2) установление свободы плавания в устьях Дуная;
- 3) недопущение прохода чужих-либо эскадр через Дарданеллы и Босфор в Черное море, воспреещение России и Турции держать на Черном море военный флот и иметь на берегах этого моря арсеналы и военные укрепления;
- 4) отказ России от покровительства православным подданным султана;
- 5) уступка Россией в пользу Молдавии участка Бессарабии, прилегающего к Дунаю.

Эти условия были гораздо тяжелее и унижительнее для России, чем прежние «четыре пункта», на которые ни Николай I, ни Александр II не соглашались в свое время. Австрийские «предложения» были предъявлены ультимативно, хотя и без обозначения точного срока. Но категорически было дано понять, что непринятие условий повлечет за собой объявление Австрией войны России.

Спустя несколько дней после предъявления австрийской ноты Александр получил письмо от Фридриха-Вильгельма. Письмо, написанное по явному наущению со стороны Буоля и Франца-Иосифа, в любезных тонах содержало прямую угрозу: король приглашал царя взвесить «последствия, которые могут не отвечать истинным интересам России и самой Пруссии», если Александр отвергнет австрийские предложения. Итак, предвиделось присоединение к Франции и Англии уже не только Австрии, но и Пруссии.

Какой был выход?

Вечером 20 декабря 1855 года в кабинете царя состоялось созванное им совещание. Присутствовало девять человек: Александр II, великий князь Константин, Карл Нессельроде, Василий Долгоруков, Павел Киселев, Михаил Воронцов, Алексей Орлов, Дмитрий Блудов и Петр Мейендорф.

Прения были не очень продолжительны. Все, кроме Блудова, высказывались за решительную необходимость поскорее заключить мир. Царь своего мнения ясно не высказал. Остановились на том, чтобы согласиться на предъявленные условия, кроме уступки Бессарабии. Не соглашались также принять неопределенную, но чреватую последствиями статью австрийской ноты, в которой говорилось о праве союзников предъявлять России, сверх «четырех пунктов», еще «особые условия», если

этого потребуют «интересы Европы». 10 января Буоль получил в Вене русский ответ, и так как пункт о Бессарабии был включен именно им, то он прибег на этот раз уже к формальному ультиматуму: он заявил, что если по истечении шести дней (после 10 января) Россия не примет всех предъявленных ей условий, то австрийский император порвет с ней дипломатические отношения.

Александр II созвал 15 января второе совещание. На этом совещании Нессельроде прочел записку, в которой на сей раз возлагал все упования на расположение Наполеона III. На Австрию он махнул рукой, догадавшись, наконец, с большим опозданием, что она не меньший враг России, чем Англия. Собрание единогласно решило принять ультиматум в качестве предварительных условий мира.

Александр II отправил в Париж на мирный конгресс графа Орлова, дав ему в помощники бывшего русского посла в Лондоне барона Бруннова. Орлов с первого до последнего момента своего пребывания в Париже всю свою дипломатическую деятельность основал на сближении с императором французов и на поддержке, которую с самого начала переговоров Наполеон III стал оказывать русскому уполномоченному.

Парижский конгресс начался 25 февраля и окончился подписанием мирного трактата 30 марта 1856 года. Председательствовал граф Валуевский, министр иностранных дел Франции, сын Наполеона I Бонапарта от графини

Граф Алексей Федорович Орлов. Портрет работы Франца Крюгера. 1951

Валуевской. Уже с первых заседаний конгресса всем его участникам стало ясно, что Валуевский будет поддерживать англичан только формально. А вскоре в дипломатических кругах узнали и о конфиденциальных беседах, которые вел император Наполеон III с графом Орловым тотчас после прибытия Орлова в Париж.

Граф Орлов принадлежал к числу наиболее одаренных дипломатическими способностями людей, какие были при дворе Николая I, а потом Александра II. В свое время ради карьеры Орлов без колебаний принял после смерти Бенкендорфа должность шефа жандармов, но шпионскими делами лично не занимался. У него был брат Владимир, близкий к декабристам,

и Орлов от него не отрекся, а поддержал его в трудную минуту. Он же велел снять надзор с Герцена и выдать ему заграничный паспорт (по ходатайству О. А. Жеребцовой, на внучке которой Орлов был женат).

Прибыв в Париж, Орлов сумел с первой же беседы договориться с Наполеоном о том, что отныне возможно тесное сближение России с Францией, между которыми нет никаких коренных противоречий. Наполеон склонен был всецело пойти ему навстречу, ведь он достиг всего, чего хотел: Турция была спасена от русского захвата; оружие Франции покрыто новой славой; взят «реванш» за 1812 год; французский император укрепил свой трон внутри страны и занял первое место в Европе. Наполеону III от России ничего больше не требовалось.

Но совсем не так обстояло дело с Англией. Еще до открытия конгресса Пальмерстон, к великому своему огорчению, убедился, во-первых, в том, что Наполеон III не намерен продолжать войну и, во-вторых, что на конгрессе он будет вести себя уклончиво и двусмысленно в отношении своей союзницы Англии. Пальмерстон понял это, когда зимой 1856 года шел спор, допускать ли Пруссии на конгресс или нет. Ее присутствия желал Александр II, потому что рассчитывал на ее дружественную поддержку. Но именно поэтому Пальмерстон и отказывался допустить прусских уполномоченных. Он мотивировал это тем, что Пруссия не принимала никакого участия в войне и не желала даже выступить так, как

выступила Австрия. В этом очень щекотливом вопросе Наполеон III крайне вяло поддерживал Пальмерстона. Пруссии не допустили, но Пальмерстон уже до начала заседаний понял, что в Париже предстоит нелегкая игра. Его наихудшие опасения оправдались.

Наполеон III ни одним словом не скомпрометировал перед Орловым своей «дружбы с союзниками» и не сказал ничего, что Орлов мог бы потом, со ссылкой на него, пустить в ход перед англичанами. Но Орлову это вовсе и не требовалось: ему важно было не то, что говорит Наполеон, а то, как он слушает русского уполномоченного, почему он не прерывает его, в какие минуты он молчит, а когда улыбается. Орлов был неплохим физиогномистом. В сущности, он выполнил всю свою работу в ходе трех послеобеденных бесед в императорском кабинете с глазу на глаз с Наполеоном III, за чашкой кофе, и торжественные заседания пленума конгресса уже ничего существенного не изменили и изменить не могли.

Сила Орлова заключалась именно в том, в чем Пальмерстон с раздражением усматривал свою слабость: Орлов знал, что Англия один на один продолжать войну не станет. Следовательно, по всем тем пунктам, по которым существует единство взглядов между Англией и Наполеоном III, России приходится уступать; зато по всем вопросам, по которым между ними чувствуется расхождение, русским уполномоченным нужно упорствовать и отказывать в своей подписи; англичане ровно ничего с ними не поделают.

Очень удачно выбрал себе Орлов помощника: то был барон Филипп Бруннов, долго служивший русским послом в Великобритании. Роли распределились так: там, где требовалась решающая работа дипломатической мысли, выступал Орлов; там, где необходимо было терпеливо выслушивать и оспаривать

противника, шаг за шагом отстаивая интересы России, главная роль выпадала на долю Бруннова, очень неглупого, пусть даже излишне самоуверенного, но опытного и трудолюбивого сановника, посевшего в дипломатических прениях. Все капитально важное, что достигалось Орловым в секретных беседах с императором Наполеоном III, передавалось барону Бруннову, а тот, уже стоя на твердой почве, знал, как ему разговаривать на торжественных заседаниях конгресса с англичанами.

Так, например, лорд Кларендон и другие английские представители требуют срытия русских укреплений по Черноморскому побережью. Орлов отказывает наотрез. Англичане грозят. Орлов снова отказывает. Австрийский делегат Буоль всецело присоединяется к англичанам. Орлов в третий раз отказывает. Председатель граф Валуевский говорит, что поддерживает англичан и австрийцев. Но не только Валуевский знал, какова позиция Наполеона III в этом вопросе, — это знал и Орлов. Поэтому он снова отказывает, а Валуевский беспомощно разводит руками. В конце концов Орлов побеждает.

Далее возникает вопрос о нейтрализации Черного моря. Тут Орлов, зная мнение Наполеона, уступает. Но, когда англичане ставят вопрос о нейтрализации также и Азовского моря, Орлов отказывает. Повторяется та же комедия с Валуевским, и снова Орлов одерживает победу. Ставится вопрос о Молдавии и Валахии. Русские уже ушли отсюда, но Орлов не желает, чтобы эти провинции оставались оккупированными Австрией. И русские интересы, а также нежелание, чтобы Австрия получила такую награду за свое поведение во время Крымской войны, — все это заставляло Александра II и Орлова противиться требованию австрийского уполномоченного

Буоля. Орлов, зная, что Наполеон III не желает отдавать Австрии Молдавию и Валахию, противился этому требованию Буоля на конгрессе. Если России и пришлось уступить Бессарабию, то и Австрия должна была навсегда проститься с мечтой о бескровном приобретении Молдавии и Валахии. Ровно за три дня до окончания конгресса Буоль убедился, что Орлов и Бруннов достигли своей цели. Буоль оттягивал вопрос о Дунайских княжествах, рассчитывая под самый конец конгресса вырвать как-нибудь между делом желанное разрешение: оставить без изменений оккупацию Молдавии и Валахии австрийскими войсками. И вдруг 27 марта председатель конгресса Валуевский холодным, строго официальным тоном предлагает Буолю осведомить конгресс: когда именно австрийцы освободят Молдавию и Валахию от своих войск? Делать было нечего. Австрия ушла с конгресса, не получив от союзников уплаты за свой ультиматум России от 2 декабря 1855 года.

Возвращение туркам Карса, взятого русскими в конце 1855 года, нейтрализация Черного моря и уступка Бессарабии — таковы были главные потери России. На отмену исключительного русского протектората над Валахией, Молдавией и Сербией Орлов согласился без возражений.

Современники объясняли причины сравнительно сносных условий мира не только поворотом политики Наполеона III, не желавшего дальше ослаблять Россию и этим помогать Англии, но и тем сильным впечатлением, которое произвела на весь мир длившаяся почти год героическая оборона Севастополя. Это сказалось и в том, что могущественнейший на тот момент монарх Европы Наполеон III немедленно после подписания 30 марта 1856 года Парижского мира стал искать союза с Россией.

«ИЗБУШКА» РУССКОГО ЦАРЯ

В Дании сохранилась вилла «Ласточкино гнездо», некогда принадлежавшая русскому императору Александру III

НАДЯ КНУДСЕН,
журналист, Международный пресс-центр, Дания

Портрет Александра III работы И. Н. Крамского. 1886

Вопреки расхожему мнению о любви к невероятной роскоши убранства летних дворцов и замков, где проводили свои вакансии император Александр III и его супруга Мария Федоровна, в Дании венценосная чета жила

в своей собственной «избушке», построенной вблизи дворца Фреденсборг, летней резиденции датских королев династии Глюксбургов, сменивших род Ольденбургов. Чудесный домик этот, что при- таился на холмике у кромки леса

вблизи роскошного дворца, по- началу присмотрели для много- численной охраны Александра III. Он приезжал сюда провести ле- том пару недель в обществе своих датских родственников – короля Кристиана IX, которого по праву называли «тестем и свекром всей Европы», и его супруги короле- вы Луизы, в девичестве принцес- сы Гессен-Дармштадской. Любил император и рыбу поудить на озе- ре Эзрум вблизи дворца. И сразу приходит на память фраза: «Пока русский царь ловит рыбу, Европа подождет!»

Svalereden («Ласточкино гнез- до») – так называлась вилла, построенная в модном тогда швейцарском стиле. Она была куплена Александром III и затем перестроена на русский лад – с причудливыми резными узорами по фасаду, с позолотой дверных проемов и дивным внутренним убранством. Стояла она на возвы- шении, на гранитных валунах, на- дежно укрытая за буковой рощей от чужих глаз.

А королевский дворец Фреденсборг был в то время официальной летней резиденцией датских коро- лей династии Глюксбургов, сме- нивших род Ольденбургов. Дворец этот был возведен в 1721 году архи- тектором Йоханом Корнелиусом Кригером по приказу датского ко- роля Фредерика IV и назван «Двор- цом мира» в честь окончания Ве- ликой Северной войны, которая длилась почти два десятка лет.

Великая Северная война от- нуюдь не помешала Фредерику IV

совершить длительное путеше- ствие по Италии и, любуясь кра- сотой дивных пейзажей и картин средневековых мастеров кисти, собрать великолепную коллекцию венецианского стекла. Следуя му- дрым советам своих гесантов (так называли в то время послов ино- странных держав), он оставался в стороне от сражений. И лишь когда русские разбили шведов, ко- роль Дании объявил Швеции вой- ну и 12 ноября 1709 года вторгся с 15 000 войском в ее южные зем- ли. Однако, потерпев поражение в марте 1710 года, бежал в Данию и, передав командование войсками своим доблестным полководцам, вернулся к своим привычным за- нятиям: правил королевством, строил великолепный дворец Фре- денсборг, завоевывал сердца пре- лестных дам – здесь победы ему давались гораздо легче, чем в сра- жениях на поле боя.

Притом что король был с 1695 года женат на Луизе Мек- ленбургской, королеве и матери наследника трона кронпринца Кристиана (VI), он увлекался все- рьез и надолго, а в 1703 году даже обвенчался с аристократкой Элиза- бет Виерегг, став двоеженцем, или бигамистом, как говорили в Евро- пе. Та, к несчастью, умерла при ро- дах годом позже. А король вскоре обзавелся новой пассией.

В 1711 году в Дании случилась вспышка бубонной чумы, которая скосила треть населения Копен- гагена, почти 20 000 человек. Ко- роль со свитой и бо́льшая часть аристократов и знатных вельмож уехали заблаговременно на полу- остров Ютландия, где и пережи- ли эпидемию.

И там, в средневековом замке Колдингхус, на одном из велико- светских балов-маскарадов король Фредерик IV влюбился в юную Анну Софию Ревентлов, дочь ригс- канцлера. Ее матушка, зная о лег- комысленности короля, увезла ее

Православный храм Св. Александра Невского в Копенгагене

в свое родовое имение Клаусхольм, чтобы та не стала очередной его фавориткой. Но это только подо- грело кураж короля, и он просто похитил 19-летнюю красавицу, позднее с ней обвенчался и вновь стал бигамистом. В Дании это на- зывается «быть женатым с левой руки» и, к слову сказать, по закону 1683 года, «тому, кто имеет при законном муже или жене другого, обвенчанного с ним, голову поло- жено отрубить».

Но король ведь выше всех за- конов, потому Фредерик IV свил себе дивное семейное гнездышко

в глухой провинции, дворец Фре- денсборг, и там в любви и счастье, вдали от сплетен света надеялся до- живать свои дни.

Вот и получается, что назвал он свою новую роскошную ре- зиденцию «Дворцом мира» еще и потому, что желал мира в душе. И там Фредерик IV, уже дважды прославивший бигамистом, про- сто ждал ухода из жизни своей супруги-королевы. Что и случи- лось в 1721 году. И на второй же день после ее смерти он венчал свою пассию на датский трон. Анна София стала королевой.

Александр III и Мария Федоровна. 1890

Ровно через девять лет любвеобильный монарх ушел в мир иной, не дожив до 60. На престол вступил его сын от первого брака кронпринц Кристиан, который тут же выслал свою мачеху Анну Софию в ее родовое поместье Клаусхольм, лишив короны и всех привилегий, где та и коротала свой вдовий век до 1743 года, правда, с неплохим денежным обеспечением.

А замок Фреденсбург был забыт и, словно в сказке, заснул на столетном спящей красавицы. Монархи его обходили стороной,

пока однажды не случился пожар в другом старинном королевском дворце – Фредериксбург. Дело в том, что тогдашний датский король Фредерик VII, женатый третьим браком на балерине Луизе Рассмуссен с 1850 года, облюбовал себе этот красивый средневековый дворец в качестве зимней резиденции и, как многие датские монархи из рода Ольденбургов, что правили 400 лет Данией, старался не перечить своей супруге, взбалмошной балерине. Она приказала слугам затопить все каминные

в морозную ночь на 17 декабря 1859 года, и вспыхнули гардины в рыцарской зале, а озеро у дворца уже подо льдом, заливать нечем! Спешно побросав в кареты свои наряды, король и его супруга бежали в тот самый «Дворец мира», что находился в 15 км. А через пару дней они вернулись в Копенгаген, в изящество и негу официальной резиденции Амалиенбург.

В 1863 году король Кристиан IX, отец принцессы Дагмар, оценил роскошь и изящество интерьера дворца, сделав его летней резиденцией, где с радушием принимал своих взрослых уже дочерей и сыновей.

Луиза Гессенская, супруга Кристиана IX, знала толк в сложных пасьянсах королевских браков и сумела породниться не только с английской и шведской королевскими семьями, но и завязать крепкие семейные узы с русским императорским двором, выдав в 1866 году принцессу Дагмар за цесаревича Александра, а среднего своего сына Вильгельма (с 1863 года короля Греции Георга I) обвенчав в 1867 году с русской великой княгиней Ольгой Константиновной Романовой, кузиной цесаревича. Дагмар стала в 1881 году русской императрицей Марией Федоровной, а Ольга Константиновна – королевой Греции в 1867 году.

Судите сами, как удачно сложились браки и других детей Кристиана IX.

Старшую дочь, красавицу Александру, в 1864 году выдали замуж за принца Уэльского Эдуарда, который, вступив на престол в 1901 году, подарил ей корону Великобритании. Младший сын, принц датский Вальдемар, обвенчался в 1885 году с французской принцессой Марией из рода Орлеанских, а дочь Тюра в 1878 году была выдана за немецкого герцога Эрнста

Августа Ганноверского. Кронпринц Фредерик в 1869 году обвенчался с принцессой Луизой, дочерью шведского короля, дабы сильнее скрепить узами брака мир с соседней могучей державой, извечным своим врагом.

Потому подчас и вершились здесь, в загородном дворце Фреденсбург, судьбы Европы, когда все собирались летом погостить в родных датских пенатах.

К примеру, пока был жив Александр III, императрица Мария Федоровна традиционно проводила летние вакансии с супругом и детьми в королевской резиденции Фреденсбург, в 35 км от датской столицы.

И вот как об этом писала младшая дочь Александра III, великая княгиня Ольга Александровна, в своих воспоминаниях: «Мы ехали в конце лета либо в Крым, в Ливадию, либо в Данию, на родину мамы. Туда в Копенгаген мы добирались на царской яхте-корабле. Помню с детства, что сперва это был красивый пароход, который качало сильно, как только море слегка штормило, что, впрочем, было почти всегда на Балтике!

Путь из Кронштадта или из Петергофа занимал обычно в том раннем моем детстве от 4 до 5 дней. Позже на яхте “Полярная звезда” мы добирались уже за 36 часов. Императорский корабль шел всегда в сопровождении двух военных эсминцев или более, которые шли конвоем.

Но больше всего меня в детстве удивляло не это, а поражаало то, что мы всегда имели на корабле живую корову на борту. Она должна была нас, детей царских, по утрам парным молоком снабжать, что буренка и делала, как правило, притом что ее страшно укачивало, она страдала в пути от морской болезни, как, впрочем, и некоторые другие пассажиры на царском корабле.

Когда наша яхта входила в гавань Копенгагена, минуя древние форты, и вставала уже на якорь у старинной королевской таможни Тольдболден, то сразу раздавался пушечный салют и к нам спускали от берега королевскую шлюпку, на веслах. На ней шли король Дании Кристиан IX с королевой Луизой, они поднимались на палубу, чтобы поприветствовать нас с прибытием и затем, забрав всех, отправляли нас в резиденцию Фреденсбург, что в 35 км к северо-востоку от Копенгагена. Там мы могли резвиться и играть с нашим дедушкой королем Кристианом, которому это было в радость, и делал он это часто, в отличие от королевны Луизы, нашей бабушки, она не позволяла себе такого, но я все равно очень любила ее.

Как правило, нас, детей, в гости к “дедушке всей Европы” приезжало много. Мы собирались все вместе из России, Англии, Греции, Австрии, Швеции. Не считая маленьких датских принцев и принцесс. Набиралось зачастую больше 20, а то и пара дюжин внуков и внучек. Моя бабушка, королева Луиза, брала меня с собой иногда в парк, где было море роз, и там она учила меня, как собирать красивый букет из них.

Более всего в детстве я была привязана к дядюшке принцу Вальдемару и его супруге француженке Марии, детей которых я обожала. Они жили неподалеку во дворце Бернсторфф и часто бывали на званых ужинах у нас. Их малышка Вигго я сажала себе на закорки и носилась с ним от души, он был очень мил.

Но и если мы, дети, болели, то уж все две дюжины разом. Как-то раз мой кузен датский принц, будущий король Кристиан X, “подхватил ветрянку” и привез ее с собой во дворец Фреденсбург, где все мы, детвора, заразились ею один за другим. Три мои английские

кузины лежали в одной зале, больные, с высокой температурой, два их старших брата и пара греческих кузенов лежали в постелях в другой гостиной дворца и т.д. А нам, здоровым, позволено было навещать их, чтобы быстрее подхватить и переболеть ею. Мы с Мишей (великий князь Михаил, младший сын Александра III и Марии Федоровны – Н.К.) были самые последние, кто заразился ветрянкой тогда. И как ни странно, впечатления у всех нас были при этом самые радостные».

А вот как о летних вакансиях русской венценосной пары писала историк Инге-Лизе Клаусен, ссылаясь на дневниковые записи камергера датского королевского двора Питера Рердама: «25 августа 1883 года дворец Фреденсбург, все и вся при королевском дворе готовы принять гостей и членов королевской семьи из стран Европы. Представители богатой аристократии в небольшом городке, где находится сам дворец, с радостью передают эту весть друг другу и поговаривают о том, что, мол, со временем станет он летней резиденцией самого русского кайзера (так датчане называли русского царя – Н.К.). 30 августа 1883 года на борту царской яхты император Александр III с императрицей Марией Федоровной и детьми прибыли в гавань города Копенгаген. Их радушно встретили король Дании Кристиан IX с супругой королевой Луизой, а также король эллинов Георг I и принц датский Вальдемар, которые некоторое время шли рядом на королевском корабле *Dannebrog*, сопровождающая в порт датской столицы».

В тот же вечер после банкета королевский камергер отметил в дневнике: «Лету в резиденции Фреденсбург положено начало, венценосная царская чета притягивает взгляды всех гостей, Мария Федоровна очаровательно молода

Семья императора Александра III. 1889

и свежа, а император русский, по-прежнему высок и строен, как рыцарь, с голубыми глазами и чувствует себя привольно здесь, хотя я отметил своим опытным взглядом приличную свиту его личной охраны, которая следует за ним столь дискретно, что заметить их подчас довольно трудно. А в целом это “индийское лето” вновь задалось солнечным и бурлит весельем, улыбками, радостными встречами в родных пенатах. Настолько все живописно, что королева Луиза,

после удачного фото-сеанса на ступенях дворца, уже послала за известным датским художником Лауридс Туксенем в Амстердам, чтобы он смог приехать и запечатлеть всех вместе на полотне в садовой гостинной *Havesalen*».

И далее:

«9 сентября 1883 года все так тихо и спокойно во дворце Фреденсборг. Королевская чета и большинство гостей уехали с утра в Копенгаген, чтобы принять участие в церемонии освящения русской православной

церкви, которую император Александр III построил в центре города в дар своей супруге императрице. Назвали храмом святого Александра Невского и своими тремя позолоченными маковками куполов он сразу же стал эдакой экзотической диковинкой среди серых фасадов особняков аристократов.

И весьма дорого, в 300 000 рублей обошлось его возведение русскому правительству, причем 70 000 рублей – из личных карманов царя.

11 сентября 1883 года вся королевская семья вновь в русской церкви, на этот раз чтобы отметить день тезоименитства Александра III. А к вечеру все в полном сборе на так называемый “таффель”, роскошный званый ужин во дворце Фреденсборг по такому случаю. И открывал его король Кристиан IX. С бокалом шампанского в руке он приветствует своего дорого зятя словами: “Отпразднуем же этот прекрасный день все вместе с радостью, согласием и счастьем!” Музыканты при этих словах заиграли национальный гимн русской империи – “Боже, царя храни!”. А 18 сентября 1883 г. прибыло много гостей из Англии во Фреденсборг, не считая уже находящихся там наследника трона принца Уэльского Эдуарда (VII) с супругой Александрой и сыном 19 лет принцем Альбертом. В том числе премьер-министр Великобритании мистер Уильям Гладстон с супругой, дочерьми и свитой джентльменов, причем на своем английском парохоме *Pembroke Castle*.

После званого ужина во дворце Фреденсборг всех пригласили

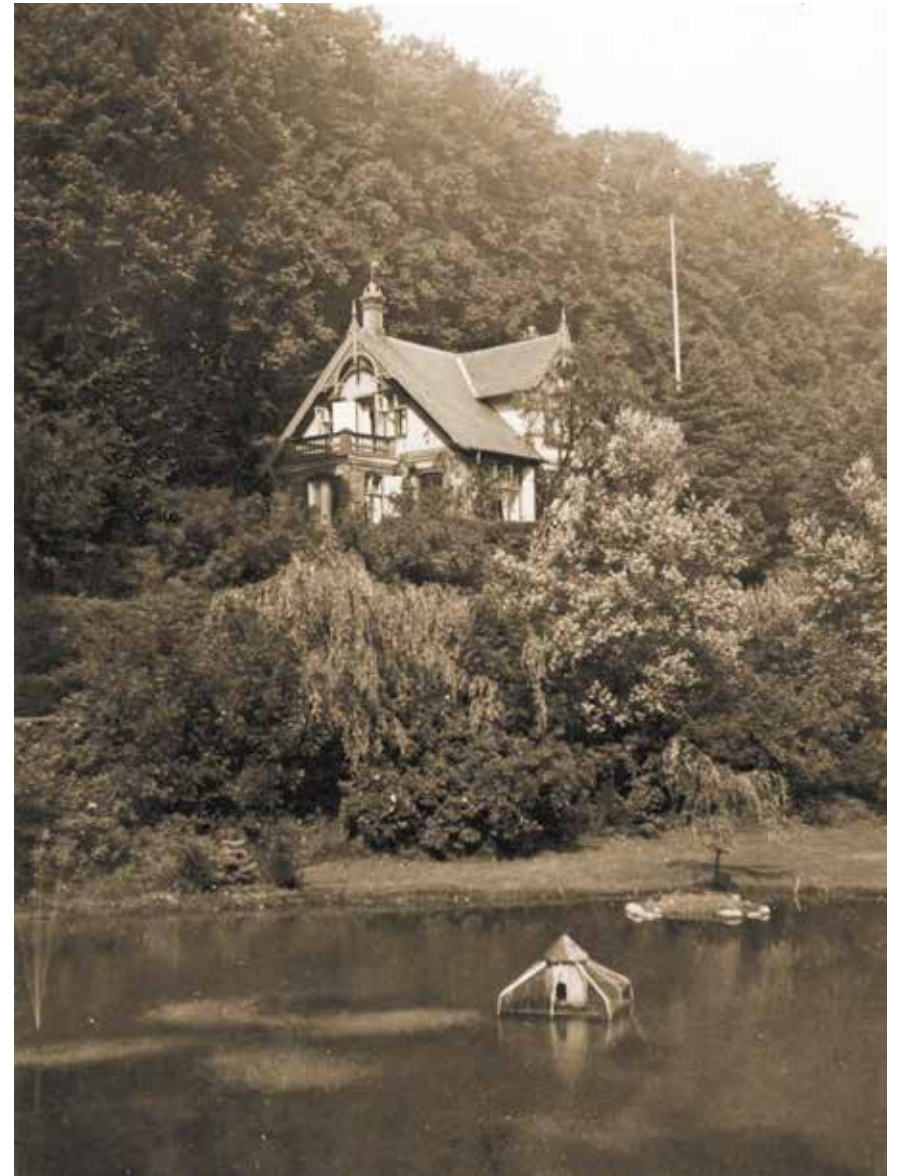
на следующий день на не менее изысканный прием на борту его английского корабля, где шампанское и *Rule Britannia* улаживали гостей несказанно и в огромных количествах.

Лето явно задалось, и только в начале октября гости разъехались из летней резиденции Фреденсборг. К тому же все 32 члена большой королевской семьи успели попозировать с чадами и домочадцами для художника Л. Туксена, который каким-то чудом сумел самого русского императора уговорить постоять 45 минут для его эскиза, а очаровательную малышку Ольгу (ей чуть больше года) в розовом писал по памяти».

Столь сильный интерес к личности русского царя Александра III вполне понятен, ведь 15 марта 1883 года в Москве, в Успенском соборе Кремля, состоялась пышная церемония его коронации на престол. И датская принцесса Дагмар, вышедшая замуж за цесаревича Александра в 1866 году, сменив веру на православие и имя на цесаревну Марию Федоровну, обрела спустя 15 лет царский венец. К великой гордости короля Кристиана IX и королевы Луизы, породнившихся со столь великой державой.

Сам же государь император Александр III, по свидетельству датских историков, с удовольствием гостил в Дании у своих европейских родственников.

Тот же камергер записал в дневнике: «Малышня его просто обожала, и он умел с ней обходиться. Они окружали его толпой, когда он только выходил после завтрака на прогулку по парку, и следовали за ним по аллее к мостику шкипера, где потом мастерили вместе со шкипером Петерсеном игрушечные кораблики и яхты, рисовали их на бумаге, а затем пускали в ручейке на воду. Высокий (рост 1 м 87 см), крепкий император

«Избушка» Александра III в Дании

всегда рассекал фарватер дворцовых аллей с гроздью племянников, державших его за руки, остальные принцы и принцессы бежали вдогонку, принаравливаясь к его размашистому шагу, и слушали заворуженно его рассказы. Когда он переходил на галоп, то стайка принцев и принцесс неслась за ним наперегонки и, не догнав, валилась на травку со смехом. Тогда он садился на скамейку в парке и самых маленьких сажал к себе на коленку, катая, как на лошадке.

Иногда те, кто постарше, догоняли его на детских повозках, запряженных двумя осликами. И когда они приглашали его тоже проехаться с ними, он соглашался, садился в повозку, и тут все валилось от смеху, потому что бедным осликам не под силу было просто даже с места сдвинуться. Государь русский был богатырь! И дети его обожали».

Однажды император принял решение купить себе в Дании виллу. И как пишут датские историки,

Дворец Фреденсборг, летняя резиденция датской королевской семьи

10 сентября 1885 года во время летнего отдыха во дворце Фреденсборг он объявил об этом на королевском банкете, обращаясь к королю Кристиану IX: «Так мил мне и дорог радушный прием здесь, что захотелось мне приобрести в собственность здесь неподалеку землю с виллой, чтобы владеть этим. Нет ли такой на примете?» И облюбовал себе кайзер виллу «Ласточкино гнездо». Когда-то она предназначалась в качестве свадебного подарка датскому принцу Вальдемару, младшему брату Марии Федоровны, который в июне 1885 года женился на принцессе Марии Орлеанской. Но он получил в собственность английский коттедж Вернстоффской, ближе к взморью. Со временем вилла стала принадлежать королевскому судье по имени А. Грове, который поначалу ни в какую не хотел с ней расставаться. Но 20 октября 1885 года, через два месяца торгов и уговоров, русский император, добавив к цене щедрой

рукой золотых монет, получил виллу в свое распоряжение за 25 000 крон.

Некоторое время ушло на ее перестройку. Мастера украсили мансарды и фронтоны изящной узорной вязью по дереву, и датское «Ласточкино гнездо» внешне явно «обрусело». Гостиные обставили изящной мебелью, полы устлали дивными персидскими коврами, а стены украсили роскошными живописными полотнами.

Вилла сменила тут же свое имя на «виллу кайзера» и после всех переделок уже в 1889 году была готова принять на летние вакансии русского царя с семьей. Мария Федоровна была в восторге от виллы и сразу окрестила ее своей «Гатчиной в миниатюре».

Сам же русский император Александр III настолько полюбил свою «избушку», что в 1890 году на Пасху подарил своей супруге императрице Марии Федоровне, по уже установившейся традиции, золотое яйцо работы Карла Фаберже с копией этой виллы внутри!

рогим гостям галантно разносил сам, облачившись в фартук вместе со своим свояком кронпринцем датским Фредериком и тремя его дочерьми принцессами – 16-летней Луизой, 13-летней Ингеборг и 11-летней Тюррой. Они кухарничали, как заправские повара, накрывали на стол и с шутками прибаутками обносили гостей изысканной едой. Пир стоял горой, вино лилось рекой. Веселье удалось на славу!

В тот год, который при дворе позднее окрестили «годом кайзера», царская венценосная чета гостила в Дании, как обычно, почти шесть недель. Прибыли на двух царских яхтах «Полярная звезда» и «Царевна», которые 24 августа 1891 года встречали в гавани Копенгагена король датский Кристиан IX с королем Греции Георгом I и наследником датского престола кронпринцем Фредериком (VIII). И все трое, короли и королевич, прибывшие в столицу спецпоездом из дворца Фреденсборг, были неузнаваемы, как отметил в своем дневнике камергер датского

королевского двора: «Батюшки-светы, не пойму, кто есть кто, форма-то на них русских военных кавалеристов, а сам русский император Александр III вышел на палубу в голубой униформе королевского датского гвардейца! Вот те на».

Дело в том, что в свое время Александр III присвоил своему датскому тестю чин почетного полковника Северского драгунского полка и подарил ему униформу (темный сюртук полковника и фуражку с красным околышем), которая в настоящее время хранится в Военном музее в Копенгагене.

Король Кристиан IX, судя по датским историческим документам, любил щеголять в этой униформе на приемах и званых ужинах, очень им гордился и обычно донашивал до дыр. Вот как об этом писала императрица Мария Федоровна в письме своей матери королеве Дании Луизе 29 января (10 февраля) 1898 года: «...*Bitte*, пришли мне тотчас же папины размеры, так как я обещала ему новую форму, которую я хочу достать ему к Дню Рождения, а он все время забывает прислать мне свои размеры и объемом головы для фуражки, которую, кстати, съела моль, и в которой он выходил к столу и везде; к моему ужасу, прямо посреди красного эта дырка была заштопана черным шелком, это не по-королевски!»

К слову сказать, яхту царская венценосная чета позже сменила на новую, причем заказали они ее, конечно же, в Дании, что славилась своими верфями и мастерами судостроителями. Выбор пал на знаменитую тогда фирму «Бурмайстер и Вейн» (*B&W, Burmeister & Wain*).

В 1893 году Александр III заказал этот корабль, который назвали «Штандарт» и сам принимал участие в закладке его на верфи. Вот как об этом событии писал в своем дневнике королевский камергер: «Высочайшие господа присутствовали на закладке

судна на *Refshaleøen*, в доках верфи, и на празднике, который прошел с большой пышностью под музыку русского оркестра.

Императрица Дагмар торжественно приложила к килью серебряную пластину с надписью; талисман, освященный такими руками, будет, несомненно, призывать добрых духов охранять новое роскошное судно, что по плану должно превзойти «Полярную звезду» и по размеру, и по роскоши, что само по себе уже немало.

Затем император Александр III высочайшею рукою забил в киль пару гвоздей. Многие присутствовавшие там высочайшие особы последовали его примеру и забili каждый по гвоздю в киль и напутствовали «Штандарт» пожеланиями удачи. Когда торжества закончились, все высочайшие особы вернулись во Фреденсборг».

Александр III так и не увидел своей яхты в законченном виде. Он ушел из жизни 20 октября 1894 года. Николай II решил, что корабль должен сойти со стапеля в день рождения отца, 26 февраля.

После смерти супруга вдовствующая императрица Мария Федоровна уже никогда не возвращалась в свою датскую «Гатчину в миниатюре». Как и сам дворец Фреденсборг, вилла эта была слишком полна воспоминаний, которые тревожили душу и не давали ранам заживать. И хотя стараниями персонала и слуг вилла была готова принять царских гостей из России, тем не менее вдовствующая императрица предпочитала обходить виллу стороной. Приезжая на летние вакансии в родную Данию, она с младшими детьми – дочерью Ольгой и сыном Мишей – первое время гостила во дворце Бернсторфф, где жил ее брат принц Вальдемар, с которым она была дружна.

Вернувшись после революции и гражданской войны в 1919 году на свою историческую родину,

вдовствующая императрица обстроилась в своей резиденции – вилле Ведере на взморье, где 13 октября 1928 года ушла в мир иной на 81 году жизни.

А «вилла кайзера», согласно завещанию, перешла по наследству к великой княгине Ольге Александровне. Но и Ольге, любимице русского царя Александра III, эта вилла была не по душе, и в 1929 году она была продана ео другому хозяину. Новые владельцы сразу же переделали ее на свой лад и внутри, и снаружи и затем продали. Позднее она переходила из рук в руки еще не раз, до тех пор пока в 2010 году ее не приобрели супруги Хенрик и Мария Кристенсен, нынешние владельцы, стараниями которых историческая вилла почти вернула свой прежний облик, хотя и без следов царской роскоши.

Что касается дворца Фреденсборг, который так любили король Кристиан IX и его супруга королева Луиза, то статус его не изменился с той поры. И так же, как они, ныне правящая 83-летняя королева Дании Маргрет II, праправнучка того самого датского короля Кристиана IX, использует роскошные его покои в качестве своей летней резиденции и собирает здесь по традиции своих сыновей с их семьями. И все непременно позируют для датской прессы и художникам. И всегда королева угощает гостей чаем, используя старинный чайный сервиз тонкого русского фарфора темно-синих оттенков с позолотой, который, как писали в далеком 1889 году в датской газете *Illustreret Tidende*, «так изумителен, что глаз не отвести!»

Благодаря бережливости датчан, которую иногда путают со скарденностью, сохранились в далекой Дании уникальный чайный сервиз русского фабриканта Корнилова и «избушка» русского царя Александра III.

ЛИКИ ПОКРОВА

14 октября православные церкви, следующие юлианскому календарю, празднуют Покров Божией Матери

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Икона «Покров Пресвятой Богородицы», Новгород, 1401–1425

Само слово «покров» означает покровительство, защиту и помощь. Покров – это избавление и постоянное его присутствие рядом с нами и вверху, в Небесах. Бережное отношение к Богу и к воспоминанию Его дел в истории помогает по-иному видеть дарованные человеку времена. Важно помнить, что, согласно Евангелию, Царство Небесное приблизилось, и оно внутри нас есть (ср. Лк. 17:21). Время, и особенно время Церкви, то есть замысел богослужебного года, – это тот музыкальный инструмент Духа Святого, при помощи которого Бог приближается к нам.

Установление каждого праздника, а таковых в православной традиции весьма много, связано с определенными обстоятельствами в истории. Как правило, та или иная местная Церковь вначале устанавливала празднование у себя. Со временем оно могло распространяться на другие страны и территории. Так, празднование Рождества Христова первоначально было установлено в Церкви Рима, а Сретение – в Иерусалиме.

Изучением этих процессов занимается научная дисциплина – литургическое богословие. Происхождение Праздника Покрова было исследовано достаточно подробно. Гораздо меньше внимания было уделено изучению его теологической составляющей.

Исследователи богослужения говорят нам о том, что праздник обязан своим происхождением Константинопольской Церкви.

В этом нет ничего необычного, поскольку примерно половину своей тысячелетней истории Русская Церковь была митрополией Вселенского Патриархата. В 1589 году по ходатайству русского государя греческие православные патриархи учредили Патриархат в Москве. Таким образом, наша Церковь стала одним из титулярных патриархатов православия.

Слово «титулярный» в данном случае – это простая констатация того факта, что епархия города Москвы не была основана апостолами и не была утверждена римскими императорами. Она возникла гораздо позднее в истории, но значение ее в судьбах мира и веры поистине колоссально.

Обретение Русской Церковью статуса патриаршей не следует воспринимать по аналогии с современной независимостью государств друг от друга. Общение церквей – греческих, балканских, русской, грузинской и иных – продолжалось. Свидетельством тому служат сохранившиеся в богослужебных календарях прежние празднования.

Чрезвычайно интересно, что по своему изначальному смысловому значению Покров представляет собой благодарение Богу за Покров Богородицы, ее покровительство, помощь и защиту, которые были явлены на протяжении многовековой истории Константинополя. «Град Твой», – как в обращении к Богородице говорит читаемый в начале поста Великий канон Андрея Критского. Римская столица на Босфоре считала себя городом Богородицы.

Само освящение этого города состоялось 11 мая 330 года. Это событие, несомненно, является не только светским, но и церковным воспоминанием и празднованием.

Во времена Римской империи столичными бывали многие города. Ибо столицей тот или иной град

становился, когда в нем достаточно долгое время пребывал император. Однако император Константин, несомненно, желал большего. Ибо основал не просто город, но Новый Рим. В отличие от языческого Рима, полного идолов на берегах Тибра, Новый Рим на Босфоре должен был быть изначально христианским.

Фактическое признание христианства государственной религией было подлинной революцией. У этой уникальной Революции во Христе было три основных этапа: легализация христианства; проведение Вселенского Собора; принятие крещения самим Константином на смертном одре в соответствии с практикой того времени.

Дело в том, что в начале правления Константина христиан в империи было абсолютное меньшинство. Однако император сделал свой выбор. В 313 году он подписал Миланский эдикт, по которому христианство становилось дозволенной религией и более не подлежало преследованию.

Спустя всего двенадцать лет, в 325 году, в городе Никее состоялся Вселенский Собор. В нем приняли участие важнейшие христианские епископы того времени. Константин активно участвовал в написании его догматических постановлений. Это событие стало началом новой эры.

Согласно преданию, в Соборе приняли участие 318 Отцов. Это число вряд ли является историческим, поскольку буквально соответствует библейской символике. Ведь именно 318 домохозяев Праотца Авраама участвовало в библейском сражении с нечестивыми племенами, целью которого было освобождение из плена его племянника Лота (ср. Быт. 14:14). Современники «константиновских событий», а также их потомки стремились придать событиям

светской римской истории библейское измерение. Отметим, что позднейшее теологическое осмысление праздника Покрова следовало подобной логике.

Православие получало таким образом новое измерение. Отныне оно означало официально утвержденную в империи формулировку догматического учения. Этот период в истории Церкви, именуемый Константиновским, был чрезвычайно долгим и закончился лишь в 1917 году с падением Российской империи. Определение православия как официального учения до сих пор сохранило свое значение.

Отцы Церкви того времени верили, что переход Константина на сторону христиан, а затем его собственное крещение в 337 году, по традиции того времени перед смертью, произошло Духом Святым. Вслед за Отцом церковной истории Евсевием Кесарийским (265–339) они утверждали в своих трудах, что император был вдохновлен Самим Богом. Вселенная становилась христианской, а христианство, не только в теории, но и на практике, становилось всемирным, то есть кафолическим исповеданием для всех. Основание Града призвано было служить этой промыслительной цели.

Важно отметить, что освящение Нового Рима первоначально не имело церковного значения. Местный епископ был простым архиереем в подчинении соседнему митрополиту. Лишь IV Вселенский Собор в Халкидоне в 451 году придал епископу новой столицы статус первого епископа в Восточной Церкви. По сути, это был парадоксальный аналог будущего положения римского епископа на Западе. Однако тогда это решение (так называемое 28 правило) было принято при отсутствии необходимого кворума, а потом столетиями не получало одобрения Вселенской Церкви.

«Покров Пресвятой Богородицы» работы Михаила Несторова. 1914

Среди Отцов Церкви того времени, одобрявших и восхвалявших деяние Константина, был лишь один единственный, высказывавший иное мнение. Поистине это был невероятный, ибо слишком ранний пример так называемого «латерального мышления»! По степени своего отличия от консенсуса прочих голос этот, пожалуй, был сродни современному модернизму. Так, святитель Августин Иппонский (354–430) в своем политологическом труде «О Граде Божьем» писал о том, что Константин, несомненно, совершил много доброго. Однако он основал город своего имени. И в этом, если руководствоваться словами Писания, он... уподобился протцам, жившим задолго до Христа. Напомним, что они, согласно первым главам Библии, стали основателями

городов, названных в честь себя (ср. Быт. 4:17).

Возможно, именно это пророческое прозрение Августина отчасти помогает осмыслить связанную с историей этого великого города противоречивость и трагичность. Константинополь имел огромное значение в становлении православия в качестве Вселенской Веры и одновременно способствовал постепенному разделению этого единого исповедания на общение пяти патриархатов, а затем их взаимное отчуждение.

В 1930 году новые турецкие власти переименовали Константинополь в Стамбул. Но, несмотря на это, основанный императором Константином Новый Рим на Босфоре просто не мог перестать существовать. Ибо «рукописи не горят», а Град Константинополь – драгоценная страница истории, написанная служением и общением в таинстве Тела и Крови Христовых бесчисленного сонма святых, просиявших в Великом Городе. Пожалуй, самое удивительное заключается в том, что Константинополь продолжает жить в «рукописях» русского православного богослужения. Празднование Покрова – самое важное тому подтверждение.

Хотя Покров – не единственный константинопольский праздник в русской традиции, но среди прочих «столичных» праздников нашего богослужебного календаря Покров – самый важный. Причем, в отличие от места своего происхождения, где этот праздник никогда не занимал особого положения, именно в Русской Церкви ему было суждено стать понастоящему значимым.

Знакомое нам из церковного обихода слово «литургия» обозначает общее дело, или просто служение. Совместное служение Богу в молитве является исключительной особенностью ветхозаветного

библейского и христианского наследия. Оно основано на убеждении в том, что Бог – личность и живое существо, которое слышит, любит и ждет обращения созданного Им человека. Именно в Библии прописано то правило молитвы, на котором должна строиться духовная жизнь христиан: «Если ты вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, то пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси Богу дар твой» (Мф. 5:23, 24). Человек зависит от Бога, от Его милости и прощения. Но само это прощение Иисус в Новом Завете ставит в зависимость от того, простил ли человек своего ближнего и, что самое главное и, пожалуй, сложное, – прощен ли он им. Получается, что Сам Бог ставит Себя в зависимость от решений человека. И такое провозвестие свойственно лишь христианству. В свете этой перспективы литургические праздники, как тоπος общей молитвы верующих, становятся весьма значимыми.

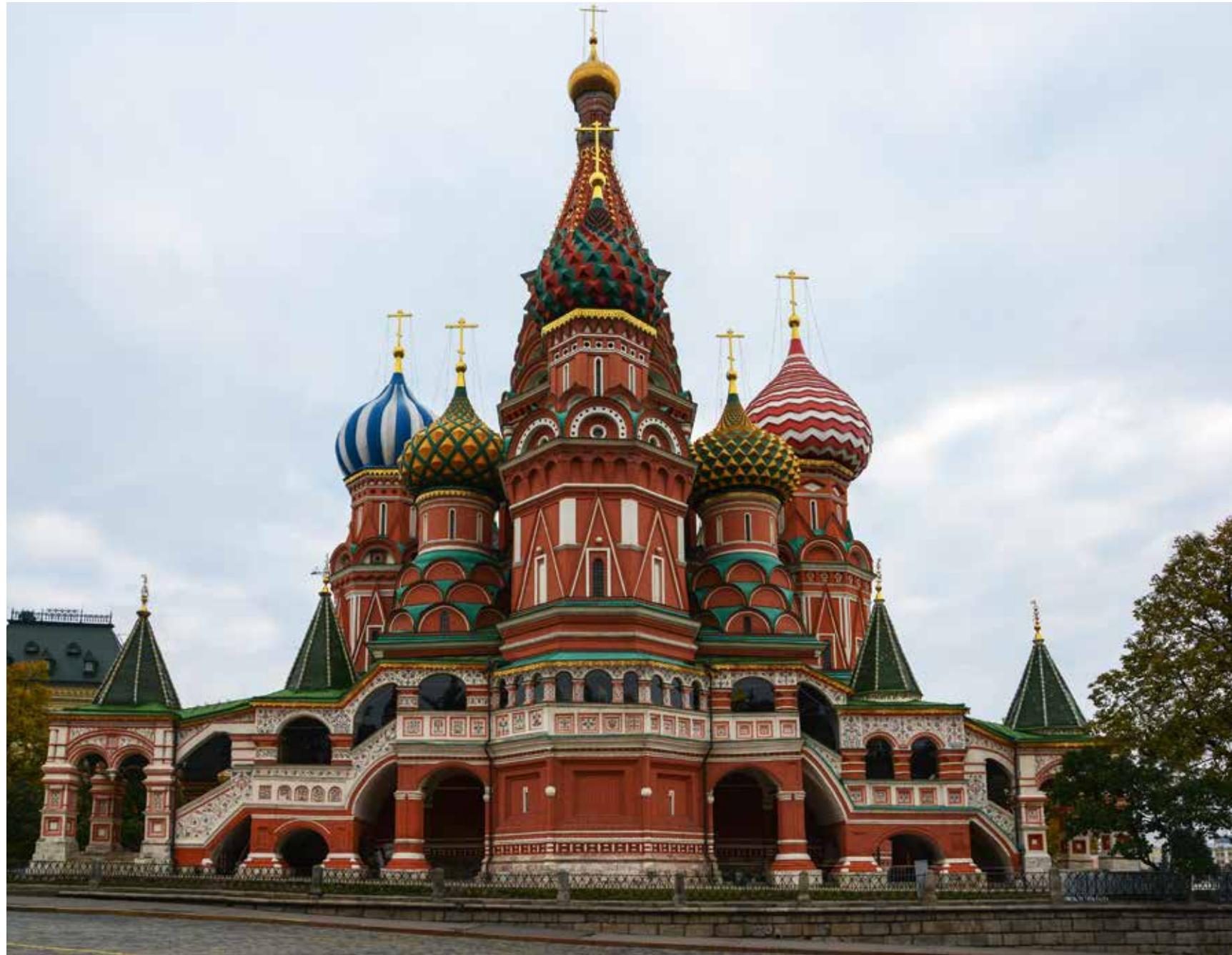
Особое общее служение всей Русской Церкви совершалось во второй половине прошлого века именно на Праздник Покрова. Дело в том, что на всем необъятном пространстве России существовало тогда лишь две духовные академии. И все будущее православное духовенство обучалось в одной из этих богословских институций, знало друг друга еще со времен обучения и помнило те общие традиции, которые некогда определяли их строгий семинарский образ жизни на протяжении долгих лет. Главный храм Московской академии, а следовательно, и главный академический праздник преподавателей и студентов был посвящен Покрову Богородицы.

По сути, во времена гонений на верующих, когда Церковь была предельно маргинализована в советском обществе, Покров был единственным днем года, когда

двери Академии на территории Троице-Сергиевой Лавры приоткрывались. В гости к студентам, или, как тогда по уставу именовались семинаристы, к воспитанникам, приезжал Патриарх. Епископат Русской Церкви был весьма немногочислен, многие из иерархов приезжали на праздник помолиться в родных стенах. Это было общее служение Церкви, литургия как она есть, в благодарение Богу за дар духовного образования, которое тогда, в эпоху гонений, было поистине уникальным даром. Об этом ныне уже забытом лике Русского Покрова не следует забывать!

В отличие от самых главных богослужебных празднований Православной Церкви, которые в соответствии с библейской практикой продолжаются несколько дней, Покров празднуется всего один день. Получается, что празднование Покрова, которое было столь исключительным в недавнем прошлом, ежегодно становилось для всех, кто служил Русской Церкви после окончания Московской академии, одновременно прощанием с этим днем и друг с другом до следующего года. При этом в самой символике этого праздника есть сильная богословская составляющая. Она говорит о том, что к мысли о покрове, то есть покровительстве Богородицы в истории Божьего народа, можно возвращаться всегда. В связи с этим в Московской духовной академии по сей день сохраняется традиция еженедельного пения Акафиста Покрову Божьей Матери по средам.

«Прошлого уже нет, а будущее еще не наступило», – некогда писал святой Августин (354–430). Считается, что именно этому святому и мыслителю удалось приоткрыть для будущих поколений саму суть библейского понимания времени. В противоположность этому магическое сознание предполагает

Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, также известный как собор Василия Блаженного. 1555—1561

принципиальный отказ признать прошлое прошлым. Оно настаивает на возможности вернуть прошедшее путем определенных душевных или физических манипуляций. Пророчески обозначая возвращение западного человечества к этому дохристианскому типу мышления, Фридрих Ницше

(1844–1900) провозгласил идею «вечного возвращения». В библейской перспективе прошлое должно понимать как невозвратимость.

В России с ее суровым климатом, когда лето, как святость, как бы прорывает сырую и холодную повседневность, чтобы вскоре

попрощаться до следующего года, день Покрова приобрел особенную семантику. Ведь по старому церковному календарю, которого придерживается наша Церковь, он приходится на 14 октября и тем самым завершает первую половину осени. Очень часто прежде именно на Покров выпадал первый снег.

Белоснежный покров как бы подчеркивал, что небо, сквозь окна церковных праздников, участвует в наших делах. В XXI веке такая временная локализация воспоминаний становится все менее понятной. Ведь дни давно перестали ассоциироваться с библейскими событиями. Они проходят незаметно и стали всего лишь числами. В своей попытке придать времени новое, дополнительное измерение церковные праздники по-настоящему нужны.

Время дано нам для того, чтобы научиться прощаться. Откровение Иоанна Богослова напоминает о том, что Христос уже стоит за порогом. «Се, стою у двери и стучу; если кто услышит голос Мой и отворит мне, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мной» (Апок. 3:20). Эти слова Апокалипсиса говорят о Вечере. Тема трапезы – одна из ключевых библейских тем. Она напоминает об общении человека и Бога, напоминает и о той, последней земной вечере, называемой тайной, которую Христос совершил с учениками. Зная о предстоящей Ему

смерти, Господь взял в руки хлеб и питье. Он наименовал Хлеб – Телом, а Вино – Своей Кровью. Тем самым Он явил, что Страдание Его было совершенно добровольным. Одновременно Он предварил свою собственную смерть этой передачей всего себя ученикам и миру.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Эта ключевая для понимания сути Евангелия от Иоанна цитата также сказана в обстоятельствах Тайной вечери. Как и все событие Вечери, слова эти указывают на добровольность страдания Господа. Предваряя свое распятие в тайнах Своих Тела и Крови, Иисус возвестил, что Он будет распят на Кресте не по причине неудачно сложившихся обстоятельств, но отдаст жизнь свою во спасение мира, который Бог возлюбил (Ин. 3:16).

Христос был распят в Палестине, бывшей тогда частью Римской империи. Несмотря на стремление библейского народа к собственной независимости, именно римские представления определяли тогда всеобщую повседневность. Важно, что по убеждению римлян того времени, безвинно испытывавший глубину страдания, особенным образом постигал истину. Так весть о Христе уже готова была распространяться там, где прежде господствовало язычество.

Иисус – Жнец Печали, чтобы мы возрадовались. Так парадоксально и неожиданно римское общество того времени поспело к жатве благовестия (Ин. 4:35). Так, в удивительном преемстве чудес, знамений и, что важно, всесильной слабости Бога, Который, во исполнение слов Исаии, Сам перековал меч Гнева Своего на милость Евхаристии (ср. Ис. 22:4), Дух Святой сделал людей участниками гостеприимства Слова. В Тайной вечере Господь преподал ученикам свои Тело и Кровь. Это означает, что

после того, как Он взял на Себя все наше, Он Сам отдал нам все Свое. Так и Дева Мария, Иосиф, апостолы, все близкие люди, бывшие рядом с ним в Его земной жизни и, главное, в моменты страданий, стали по дару благодати близкими нам. В такой новой родственности к нам Бога раскрывается библейская суть празднования Покрова.

Несмотря на то что Праздник Покрова – константинопольского происхождения, по мнению некоторых, он был изначально русским праздником. Введенный на заре истории Русской Церкви, он стал отмечаться и в других церквях, в первую очередь в грузинской и балканских православных.

В этом смысле удивительный дар русской традиции в приложении к Празднованию Покрова заключается прежде всего в способности увидеть сквозь призму исторических событий спасения города глубокое идейное содержание. Политический смысл почитания Богородицы как покровительницы восточно-римского государства был заменен богословским осмыслением ходатайства Марии Девы за весь Народ Божий. Многократное избавление столицы от осады со стороны неприятелей приобрело черты постоянного участия Богородицы в судьбах человеческой истории. За первые столетия своей богатой событиями истории Русская Церковь не породила ни одного крупного мыслителя или богослова. Однако умозрение в красках, как впоследствии была названа древняя русская иконопись, стала великой заменой несформулированной в словах философии. Подобным образом Праздник Покрова, который для современников событий в истории Константинополя и их потомков был просто чудом Богородицы, в русской традиции раскрылся как олицетворение Ее приобщенности домостроительству Бога.

«ШЛИ ДРОЗДОВЦЫ ТВЕРДЫМ ШАГОМ...»

Открывая в нашем издании новую рубрику «Страницы прошлого», мы обращаемся к читателям «Русской мысли» с предложением присылать нам материалы с рассказами о людях белой эмиграции вне зависимости от того, в какой стране российского рассеяния они нашли свое пристанище, — о тех, кого с нами больше нет и о ком мы всегда будем помнить

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Михаил Гордеевич Дроздовский в 1917 году

«Пока я помню, я живу...» — блокноты помогают сохранять память и дают новую жизнь русской песне. Журналистские полужабытым репортерским

впечатлениям. Этот очерк — дань нескольким давним встречам с удивительными людьми русской эмиграции во Франции: с Верой Львовной и Владимиром Ивановичем Лабунскими. С сокровенными людьми, трогательными до последней венки на шее, искренними и солнечными...

— Что ты варишь, государыня?
— Кашицу, кашицу...
— А какая будет кашица?
— Крутенькая, крутенькая...
— А кто будет ее расхлебывать?
— Детушки, детушки!

— Вот и расхлебываем! — Вера Львовна подпирала подбородок и замирает на мгновение. А потом, будто спохватившись, срывается с места и опять принимается потчевать:

— Что ж вы ничего не берете? Варенье, булочки... Что Бог послал, у нас все попросту, по-русски...

Образа в углу. Плоская деревянная с крашеными яйцами. На стене — шашка в ножнах.

— Много?

Владимир Иванович понимает, не заставляя меня договаривать:

— Не считал. Как-никак два с лишним года отмотал в седле... И моя кровь в России осталась. Правда, и тут шашка спасла: срикошетила пулю, она до кости не достала... А вот и табакерка полковая... Такие только

у нас были — с гербом и эмблемой. А вот и чарочка! Подносили мы ее в полку только самым почетным гостям. Помню, налил я в нее на три четверти шампанского и поднес генералу Деникину. Он вот тут, на вашем месте сидел.

Деникин, Врангель, Слащев, Барбович, Романовский... В тесной, совсем советской по размерам квартире Веры Львовны и Владимира Ивановича Лабунских эти фамилии звучат не как ссылки на учебник, а как часть биографии. Часть жизни.

Корнет Лабунский — последний дроздовец...

— Кадровых офицеров у нас было по пальцам сосчитать. Три года шла война. Страшная война! Самая деятельная часть населения была уничтожена огненным молохом. А русский офицер, испокон веку известно, всегда в атаку первым ходил... В дивизии нашей были только добровольцы. В основном молодежь. Такие, как я. Когда началась революция, я учился в последнем классе гимназии. Дело было в Полтаве, где отец мой служил священником. Политикой я не интересовался, но когда пали устои, вера, выход для меня оставался один — постоять за Россию! Когда я уходил к Дроздовскому, отец благословил меня.

*Шли дроздовцы твердым шагом.
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом
Славу полк себе снискал...*

— Постойте, Владимир Иванович, что-то очень мелодия знакомая.

— А-а-а, узнаете? И песню у нас украли вместе с Родиной. Комиссары потом переписали слова, и получилось «По долинам и по взгорьям...», музыка народная. Правильно! Мы и есть народ.

Он смотрит на меня изучающе. И вдруг как-то обмякает.

Дроздовский и марковский белые офицеры на позиции возле бронепоезда. Рисунок из французского журнала «Иллюстрация». 1919

— Можно я вас расцелую, дорогой вы мой? Вы же родной. Вы же из дома, из России... Верю, что жертвы наши — с двух сторон! — были не напрасны. Верю, что народ наш еще более могучим станет. Только пусть он будет счастливым! А слово свое в истории он скажет, и не раз. Верьте мне. Перед вами — один из последних белых воинов.

Восемьдесят девять лет. Последний из могикан. И место себе уже заранее заказал на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Рядом с боевыми товарищами — семеновцами, преображенцами, эриванцами... У дроздовцев на русском погосте под Парижем — свой участок, с витиеватой буквой «Д» на надгробных плитах.

Плакат Добровольческой армии. В правом верхнем углу – бело-сине-красный армейский нарукавный шеврон. 1919

Генерал-майор Дроздовский умер от гангрены после легкого ранения под Ставрополем. На пирамиде (уменьшенной копии разрушенного землетрясением галлиполийского памятника в честь вождей Белого движения), что на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, дроздовцы поминаются вместе с марковцами, колчаковцами, деникинцами... По-разному сложилась жизнь полководцев разрозненных воинств армии, случайно названной Добровольческой и никогда не ставшей единой регулярной.

– Кем только ни были, когда потеряли Родину, – вспоминает Владимир Иванович. – Полный

А генерал Черемисов вместе со мной работал на такси. Многие русские воины стали во Франции шоферами такси. Когда в 1940-м сдали Париж, у французов появилась грустная шутка: «Надо было наших офицеров посадить на такси, а русских – отправить на фронт».

*Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты.
Мы смело двинемся вперед!
Мы – русские солдаты.*

Несильным, но верным голосом («Когда мы стояли в Болгарии, пел в казачьем хоре») запевает

адмирал русского флота Диков устроился швейцаром в госпитале. Генерал Яковлев кремнатурал и разносил его по ресторанам. Генерал Матюфанов научился стричь: бывало, стрижет час, а руки его уже не слушаются, дрожат. Потом начал делать «лосьоны для красоты»... И смех и грех!

Владимир Иванович. Потом из-под стола, со шкафа, из-за дивана появляются альбомы с аккуратно уложенными под целлофан фотографиями, полковыми документами, вырезками из журнала «Часовой»: – Это работа нашего полкового художника. Вся история 2-го конного Дроздовского полка: от Яссы до Галлиполи. Слева в нижнем углу – полковник Дмитрий Силкин, последний командир полка. Казак был, воевал рядом со своей женой в одном строю. Потом жил возле нас в Медонске (так Лабунский называет парижский пригород Медон. – К. П.). В 1944 году решил отправиться к Власову в РОА. Я, помню, ему говорю: «Куда ты едешь? Все уже кончено!» А он: «Я военный, политикой не занимаюсь. Генерал Краснов бросил клич, значит, надо идти. Я не против России хочу воевать – она войну уже выиграла, а против Сталина...» В мае 1945 года англичане выдали Силкина вместе с другими казаками в Линце... (На самом деле Силкин покончил с собой, чтобы не попасть в плен. – К. П.).

Читаю: «Краткая выписка из боевой жизни 2-го конного имени генерала Дроздовского полка». Наивно-проникновенное повествование фронтового писателя о боевом пути воинской части. Сколько подобных бумаг прошло через мои руки в свое время, когда я занимался изучением архивов ЦГАСА – Центрального государственного архива Советской Армии! «Н-ская часть прошла покрытый боевой славой путь от Дона до Праги... От Москвы до Берлина...» На этот раз ощущение было совсем иным, незнакомым ранее, словно зазеркальным: говорилось о нас и вроде бы не о нас. «Переброска в район Юзовки и высадка на станции Воюноваха. Борьба с бандами Махно. 5 января 1919 года бои за Федоровку; бои под Гуляй-Поле-Гусарка. Отход

на Крым...» И тут же: «Изрублен 4-й пехотинский советский полк и загнан в Сиваш... 14 мая полк по приказу выступил в Керчь для ликвидации банд красных, засевших в каменоломнях города».

Какой язык похожий! Одни: «Банды красных, предатели России». Другие: «Белогвардейские каратели, свора офицеры». Одни: «Буденовщина, сталинщина». Другие: «Деникинщина, врангелевщина...» Более чем полувековое перетягивание нервного, режущего руки каната между двумя Россиями, образы которых сегодня, как изображения, увиденные одновременно разными глазами – левым и правым, – складываются воедино. И все-таки: кто первым бросил камень? Как там у Артема Веселого в «России, кровью умытой»?

«Ну, а как, сынок, русскому русского бить-то не страшно?» – спрашивают солдаты Кавказского фронта, возвращающиеся домой, молодого большевика, уговаривающего их вступить в Красную гвардию. – Сперва оно, действительно, вроде неловко, – ответил красногвардеец, – а потом, ежели распалится сердце, нет, ништо» (Геллер М. Я., Некрич А. М. «Утопия у власти». 1982).

– Проснулся зверь, стихия! – вступает в разговор Вера Львовна. – Жестокость была с двух сторон, а кто первым прибежит к насилию? Разве не Троцкий? Эполеты штыком вырезали на плечах царских офицеров! Троцкий называл это «устрашением».

«Устрашение есть могущественное средство политики, и международной, и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает

единицы, устрашает тысячи» (Троцкий Л. Д. «Терроризм и коммунизм». 1920 г.).

– Но есть, Вера Львовна, и немало свидетельств белого террора. Да вы об этом и сами знаете.

– Было, было! Насилие порождает насилие. Порочный круг. Но у белых террор был делом рук отдельных ожесточившихся людей, порой даже садистов. У красных же он обрел государственный характер, получил теоретическое обоснование. Так же, впрочем, как и безответственно обещанные утопии. Неизвестное новое всегда кажется более заманчивым, чем хорошо знакомое старое.

«Ну, я простой человек, – исповедовался председатель полтавской ЧК Долгополов Владимиру Галактионовичу Короленко. – Признаться, я ничего не читал о коммунизме. Но знаю, что дело идет о том, чтобы не было денег. В России уже денег и нет... Всякий трудящийся получает карточку, работал столько-то часов... Ему нужно платье. Идет в магазин, дает свою карточку. Ему дают платье, которое стоит столько-то часов работы... Теперь приходится делать много жестокостей... Но когда мы победим...» (Короленко В. Г. Из дневников 1917–1921 гг.).

– Эх, Полтава, Полтава!.. До 1928 года я с отцом переписывался, он был благочинным уезда. И из Болгарии ему писал, и из Югославии, и из Франции. А в 1928 году отца сослали на лесозаготовки в Северодвинский край. Мать сама поехала за отцом, знала, что он без нее не выживет... Обо всем этом я узнал случайно: когда встретил уехавших со второй эмиграцией вековых друзей нашего дома... Теперь все прошло и былым поросло.

– А я, Володенька, забыть не могу. Не могу! Помню, отступали мы с папой из Ростова. Ночь. Ростовский вокзал. И сотни людей

лежат на полу вповалку, ожидая теплушки, – эвакуация! И вдруг чей-то голос затягивает: «Стоит гора высока-а-а-я...» Один за другим все запели. Мощно, слитно. Так поют только один раз – перед смертью. Все, что прожито, ушло в эту песню. «Стоит гора высокая...» Что нам, кроме нее, еще оставалось?

Молчим. Тишина эта кажется еще более пронзительной оттого, что в скверике под окном щебечут дети. Много лет назад потеряла Вера Львовна от менингита свою Милочку – единственную девочку, ненаглядную! – а больше Господь деток не дал.

– Есть страх перед смертью. А есть и другой – когда вы видите, как на глазах у вас все рушится: устои, идеалы, принципы. Такой страх бывает перед лавиной... Мой отец был кадровым офицером. Служил в Персии, потом – в Закавказье. Когда сформировалась Добровольческая армия, пошел к Антону Ивановичу Деникину. На передовые позиции! Отца звали Лев Иванович Иванов.

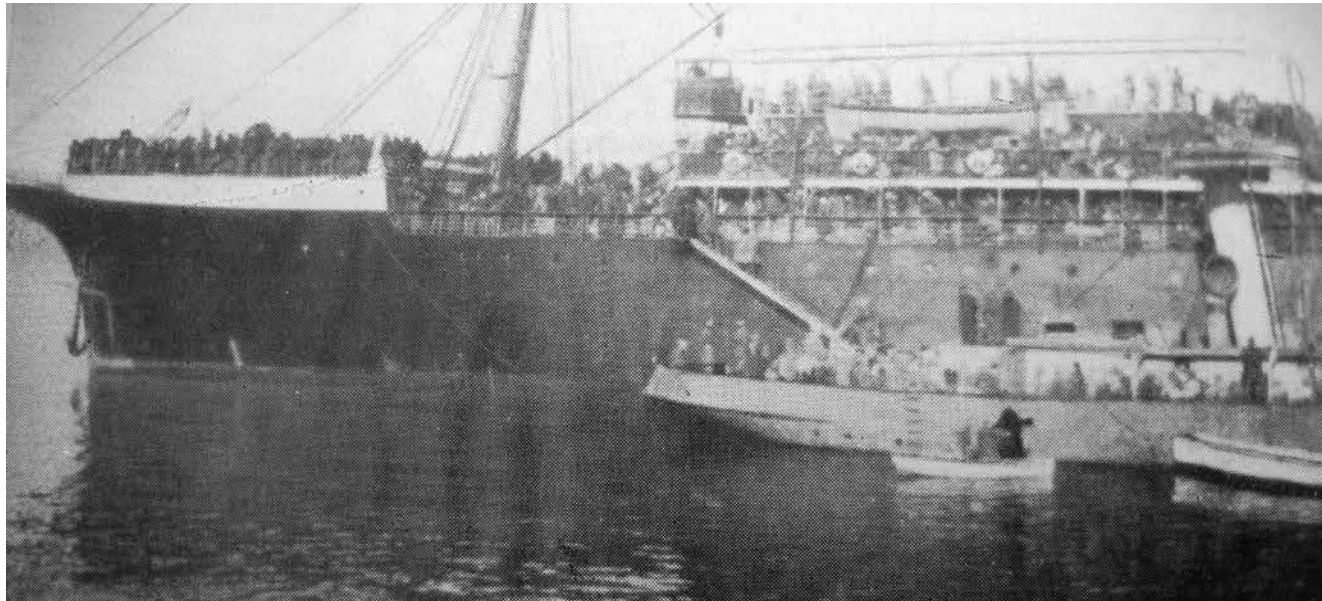
– Как?

– Полковник Иванов. Что вы так удивились? На Ивановых, мой милый, вся Россия до сих пор держится!

– Уж я-то знаю, Вера Львовна... Дело в том, что мой прадед тоже полковник Иванов. Кстати, воевал в Первую мировую вместе с моим дедом, который был его адъютантом, на Румынском фронте, – там же, где и полковник Дроздовский.

– Надо же! А где же ваш Иванов в гражданскую воевал?

– Против вашего... Впрочем, думаю, два Ивановых, разделенных линией фронта, не встречались. Мой прадед, командир Красной армии Николай Николаевич Иванов, был на Северо-Западном фронте, против Юденича и атамана Булак-Балаховича.

Крымская эвакуация: посадка войск Русской армии генерала Врангеля на пароход «Саратов». Ноябрь 1920

– А как жизнь его потом сложилась? Мой отец после долгих скитаний наконец осел во Франции, организовал магазин молочных продуктов, рассылал по русским ресторанам творог и сметану. Я знаю, отчего он умер. От тоски по Родине.

– Мой прадед, как мне рассказывали, тоже прожил после революции недолго. В 1928 году был сослан «без права переписки». Умер оттого, что не хотел и не умел скрывать: та Россия, за которую он воевал, так и не родилась.

– Как рухнуло все быстро! Рухнуло... Как время не считай, оно все равно идет быстрее нас. – Лабунский раскладывает фотографии из альбома и комментирует их. – Это генерал Кутепов, глава нашего Общевоинского союза, на приеме в мэрии 15-го округа в Париже. Редкий был человек! С 1903 года по 1917-й прошел аттестации от первого офицерского чина до полковника. Трижды ранен. Все боевые награды до ордена Святого Георгия III степени! Расстрелян Сталиным после похищения из Парижа в 1930 году. А это генерал

Фок – крепыш, живчик! Во время испанской войны пришел на пункт вербовки добровольцев в Париже. Его спрашивают: «Есть опыт военных действий?» Он: «Есть! Я – русский генерал». – «Сколько же вам лет? Нам нужно воевать, а не парады принимать». – «А это вы видели?» И шестидесятилетний Фок сделал на руках стойку на стуле. Как и многие русские эмигранты, пришедшие на помощь Франко, он погиб в Испании. Не представляете, как было больно тогда: единственные в мире, кто выступил против террора и анархии сталинских агентов в Испании, были Гитлер и Муссолини. Чудовища восстали против чудовища! И все равно ведь друзьями оставались. Помню, как сновали друг к другу в 1937 году во время Всемирной выставки в Париже сталинисты и нацисты. Павильоны Германии и СССР стояли друг напротив друга.

На улице «взрывается» радио в припаркованной машине. Томный кастильский тенор поет: «Серая моя печаль, серая...» И моя печаль тоже серая. Ни красная,

ни белая, ни зеленая, ни черная. Серая. Ибо я сам сер, как мышинного цвета школьная форма, в которой меня обучали четверть века назад видеть мир только в двух цветах: «наши» – и «не наши». А ведь у белого цвета немало тонов и спектров.

А Владимир Иванович продолжает свои воспоминания. Он и не подозревает, сколько раз я тонул под пулеметным огнем вместе с Чапаевым, замерзал в степях вместе с Кочубеем, перевязывал раны вместе со Щорсом, передавал пламенные репортажи из осажденного Мадрида вместе с Кольцовым!..

– А вот и Чернецовец – Василий Чернецов, легендарный донской партизан: отряд его бил красных по тылам, расправлялся с предателями казачества. Потом Цветаева напишет в «Лебедином стане»: «Старого мира последний сон: Молодость – Доблесть – Вандея – Дон...». Впрочем, «российской Вандеей» Дон так и не стал. Слишком пассивным было казачество, сидящее на жирных землях.

А это Крым. Вскоре грянет наш последний бой.

*Кому Россия завещала
Свою печаль, свою тоску?
Среди храбрейших от начала
Второму конному полку...*

«Все кончено!..» Впрочем, все для белых было кончено гораздо раньше: уже осенью 1919 года победа Красной армии не оставляла сомнений. У контрреволюционного движения не нашлось ни признанного лидера, ни общей программы. Белые знали, за что воевали, но не представляли будущего России, кроме того что она будет «единая и неделимая». И еще – преимущества большевиков были чисто стратегическими.

«Преимущество нашего положения, – писал Троцкий, – заключалось в том, что мы занимали центральное положение и действовали по внутренним линиям. Как только противник обозначал направление своего удара, мы имели возможность подготовить контрудар. Мы могли концентрировать наши силы для наступления в наиболее важных направлениях и в необходимый момент».

– Когда подошли к Севастополю, последний пароход отчаливал. Мы под командованием полковника Михаила Кобарова прикрывали отход, плечом к плечу. Все погрузились, и пароход отошел. На рейде появился крейсер «Корнилов» с генералом Врангелем на борту. Облепленное людьми судно громким «Ура!» приветствовало главнокомандующего. Генерал поднялся на палубу и обратился к нам: «Господа! Мы отходим. Но ни одно государство до сих пор нас не приняло. Однако переговоры ведутся. Верю, что найдется в Европе страна, которая захочет дать нам приют. Благодарю за службу! Чтобы не было потом нареканий, обращаюсь ко всем: кто хочет остаться на родной земле, может вернуться в Севастополь. Для этого будет подан катер».

Около 70 человек сошло – те, у кого остались в Крыму семьи. Если бы знали они, что идут в объятия к самому Белу Куну. Потом мы узнали: все, кто сошел на берег, поверив в обещания красных об амнистии, были уничтожены.

«Троцкий сказал, что не придет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму; Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал за три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России...» – так заявлял Бела Кун, уважительно представленный в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» как «венгерский интернационалист». И не просто заявлял, но и весьма эффективно «подвигал» Крым «к общему революционному уровню России». До того как сталинские пропагандисты называли Крым Всероссийской здравницей, он был траурными буквами вписан в историю как Всероссийское кладбище. Замечательный русский писатель Иван Шмелев в своих показаниях лозаннскому суду, начатому в 1923 году над убийцами Вацлава Воровского, утверждал, что в Крыму уничтожено более 120 тысяч человек. Не только офицеров – штатских, в том числе женщин, детей, стариков. Специальная комиссия ВЦИКа расследовала крымскую резню 1920–1921 годов. Все «особо отличившиеся» коменданты городов представили в свое оправдание телеграммы «венгерского интернационалиста» Белы Куна и его помощницы Розалии Землячки-Самойловой, урна с прахом которой и по сей день почивает в Кремлевской стене.

В «Очерках русской смуты» генерал Деникин с беспощадной откровенностью говорит о причинах поражения Белой армии, как

он их понимал. Деникин пишет о моральном разложении армии, о грабежах, о еврейских погромах, которые развращали солдат и офицеров, подрывали дисциплину. Но не это было главным. Генерал Деникин с недоумением констатирует: «После освобождения нашими войсками огромной территории, мы ожидали восстания всех элементов, враждебных советской власти. Такого восстания не произошло...»

«Основная причина поражения русской контрреволюции заключалась в непонимании ее руководителями того, что гражданская война была войной политической. Первым выражением различного отношения к гражданской войне был тот факт, что революцией руководили политические деятели, контрреволюцией – военные», – считал Троцкий.

– А тут изображены русские легионеры. Те, кого уже в Галлиполи под охраной сенегальских стрелков принялись вербовать в Иностранный легион, – дрожит пожелтевшая фотография в восковой руке со вздутыми венами. – Немало из нас пошло туда. Стал легионером и убийца Воровского Георгиевский кавалер Мориц Конради, опасавшийся возмездия чекистов. А правда ли, что и сейчас слышна в Иностранном легионе русская речь? По радио говорили, телевизии-то у нас нету...

– Говорят, – я теряюсь, что ответить.

Как-то, будучи проездом в провансальском городе Оранже, где расквартирован дивизион легионеров, совершенно случайно я остановился в маленькой гостиничке. Ее хозяин – не расстающийся с овчаркой рослый человек с разноцветными татуировками и тщательно выбритой головой – не скрывал своих впечатлений от путешествий по свету в рядах многоязычного легиона. Рассказывал он и о том,

Главнокомандующий Русской армией генерал П. Н. Врангель, войсковые атаманы, члены правительства Юга России и войсковых казачьих правительств. Севастополь. 22 июля 1920 года. Из архива Марии Николаевны Апраксиной, дочери Николая Михайловича Котляревского, личного секретаря барона П. Н. Врангеля.

что есть сегодня в легионе представители последних волн российской эмиграции: легион дает надежный кусок хлеба, о прошлом же не спрашивает.

— Ой, да какие только встречи в Париже не бывали! — всплескивает руками Вера Львовна. — Было время, когда я работала сестрой милосердия. Дежурила в сумасшедшем доме — тут рядом, недалеко от Медона, в котором жило тысячи четыре русских. Однажды вызывает меня доктор и говорит: «Тут лежит княгиня, соотечественница ваша. Она морфинистка и в очень плохом состоянии... Надо провести рядом с нею ночь, ибо курс детоксикации протекает мучительно». Пошла я в ее комнату, которая располагалась в так называемом Красном павильоне — для особо буйных. Решетки повсюду, мебель привинчена. Больная спала после успокоительного укола. Я тоже прилегла на соседнюю постель. А под утро моя княгиня зашевелилась и вдруг начала декламировать: «Острою секирою

ранена береза, // По коре серебристой покатались слезы...»

Два часа декламировала, а потом очнулась:

— Здесь кто-то есть? Кто здесь?

Отвечаю по-русски:

— Это я, княгиня.

— Как, русская? Подумайте, как мне это приятно!

И начала я по ночам приходить к ней дежурить. Мы долго говорили в темноте, и княгиня рассказала мне свою историю:

— Вы знаете, почему я стала морфинисткой? Дело было еще в России. Я была очень богатой, мои драгоценности могли поспорить с драгоценностями царицы. Вслед за великой княгиней Елизаветой Федоровной я стала во время войны сестрой милосердия в военном госпитале. И тут началась революция! Глядя на то, что происходит, доктор дал нам по шприцу и по большой ампуле морфия: «Лучше уж вы покончите с собой, чем вас изнасилуют и убьют». Понемногу начала колотиться. Втянулась быстро:

уколешься и на время забываешь все вокруг...

— Какая блистательная была женщина! — продолжает Вера Львовна. — Не обижайтесь, голубчик, ни имени, ни фамилии ее я вам не назову. Это врачебная тайна. Скажу только, что род княгини восходил к истокам российской государственности, был воспет Пушкиным и связан с декабристами (Речь, как можно было догадаться, шла о Софье Долгоруковой-Бобринской, фрейлине Императорского двора. — К. П.). До войны она была одной из первых в России женщин-пилотов, владела языками, печаталась в английском журнале. В эмиграции стала водителем такси. Была едва ли не единственной в Париже, ее так и звали «мадам Такси». И вдруг этот скандал: оказывается, русские доктора-эмигранты выписывали ей морфий. Их теперь после ее показаний должны были судить.

— Я подвела людей, — корила себя княгиня. — Но ситуация поправима. Я не буду лишать своих врачей

ни работы, ни свободы. Суда не допущу: я покончу с собой.

— Помилюте, княгиня! Вы понимаете, что говорите?

— Понимаю, Верочка. В лечебнице этого все равно не сделать. Поэтому дождемся моего выхода на свободу. В первый же мой день на воле приглашаю вас на ужин.

В День всех Святых к ней явился муж (князь Петр Волконский, известный русский дипломат, второй супруг княгини. — К. П.). Она ему:

— Увези меня отсюда! Увези!

— Не могу, дорогая. Тебе надо еще вылечиться.

— Ты не любишь меня! Значит, ты меня не любишь!

А он смотрит на нее с обожанием:

— Вера Львовна, вы не представляете, что это за женщина! Когда мы переходили границу, красные меня задержали, а ее пропустили. Так она вернулась и высвободила меня. Господи, чего ей это стоило!

Она ему:

— Так ты меня не берешь? Тогда я тебя проклинаю!

— А я тебя обожаю!..

Он был поэт, ее муж, хотя из рода, давшего миру великого композитора. Он посвятил ей стихи:

*Я помню только жемчуг
первой встречи,
Жемчужный свет, жемчужное кольцо.
Жемчужный отблеск платья
только-леже,
Жемчужные трепещущие плечи...
Я помню только жемчуг
первой встречи.*

На четырнадцатый день после выхода на свободу она покончила с собой. Суд над врачами не состоялся.

— Вот такие женщины были в эмиграции! — смахивает слезу Владимир Иванович. — Странная все-таки страна, наша Россия! Чит жен декабристов, пошедших вслед за мужьями в Сибирь, а вот о наших женах, принявших куда

больше муки, говорить не желает. Ведь жен декабристов Родину покидать никто не заставлял.

«Кто знает, у кого участь была труднее — у тех, кто уехал, или у тех, кто остался», — хотел вставить я, но сдержался. Разве есть что-нибудь глупее, чем об этом судить? Тем более мне, моему поколению. Наш долг иной: учиться у Истории и жить по-настоящему, зная, как и для чего мы живем...

А Вера Львовна — маленькая, сухонькая, с влажными широко раскрытыми глазами — вся предалась воспоминаниям:

— Уезжали из Тифлиса в 1921 году. Накануне грузинские меньшевики кричали: «Пусть только большевики к нам сунутся! Мы им устроим новый Верден!» А как только увидели коней 11-й Красной армии, сразу принялись вязать чемоданы... Наш состав двинулся вечером. Есть такой Батумский туннель, очень опасный. Сначала поезд идет в гору, его толкают два локомотива. Потом начинается спуск, поезд выскакивает из туннеля как бешеный, и сразу — на резкий поворот. Наш же поезд, когда шел в гору, пятился: слишком большой был состав. Люди сидели друг на друге. И тут звонок: прошли середину туннеля! И понеслось! Все стали креститься, кто еще в Бога верил. Выехали — и вагоны чуть не легли. Но выстояли, Господь спас.

Приехали в Батум. Нас взяли на английский военный крейсер «Карадок». Бежала грузинская аристократия: Казбеги, Орбелиани... В 5–6 часов пополудни крейсер дрогнул и стал поворачивать в открытое море. Мы все бросились на палубу. В Батуме каждый вечер в 6 часов был благовест. И в это время, когда мы высыпали на палубу... — Вера Львовна не может сдержаться, плачет, — на берегу зазвонили колокола! Звон колоколов российских провожал нас. Все

стояли замершие. И у мужчин текли слезы. У кавказцев слезы текли!

Крейсер набирал ход. Поднимался туман, и постепенно Батум стал тонуть, как сон, в дымке тумана. Лишь издали доносилось: бом! бом! бом! Мы ушли прямым рейсом, не заходя никуда. День и ночь, день и ночь... Началась ужасная буря. Она так валяла крейсер, что даже английских матросов закачало. Словно Родина не хотела отпускать нас. А наутро море успокоилось, и мы увидели перед собой минареты Константинополя. Англичане высадили нас: идите на все четыре стороны! Мы сошли на берег — без денег, без связей, без языка. И впервые разумом — не сердцем, а разумом! — осознали: покинули мы Россию.

*... Казак все просил и молил, умирая,
Насыпать курганик ему в головы,
И пусть на кургане калина родная
Растет и красуется в ярких цветах.*

— Сколько же песен, Вера Львовна, вы знаете? И русских, и украинских, и казачьих!

— Много, дорогой мой... Только оставить их некому. На днях пошли мы с Владимиром Ивановичем продлевать «карт де сежур» — получать вид на жительство во Франции, как положено иностранцам. Смотрю: ба! А там написано — «советик», «советская».

— Э, нет, — говорю, — господа хорошие. Я российская подданная, ни дня советской не была. И французами вашими мы тоже быть не желаем...

Они мне в ответ:

— А у нас теперь иного бланка для русских нет.

— Ищите! — говорю. — Ищите! — Нашли-таки, в конце концов. Вот! Владимир Иванович достает из бумажника две закатанные в пластик карточки, на каждой из которых написано: «Национальность — русский беженец».

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

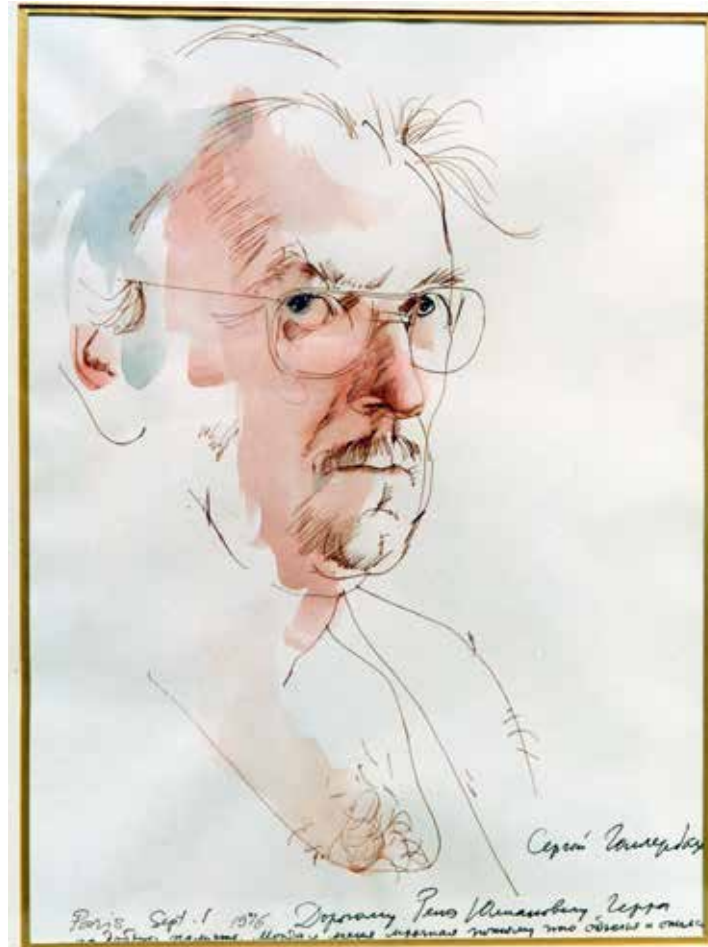
ПЕВЕЦ БРОДВЕЯ

К 100-летию со дня рождения Сергея Голлербаха

РЕНЭ ГЕРРА

Моя первая встреча с Сергеем Львовичем Голлербахом состоялась в Нью-Йорке. Летом 1975 года я перелетел через океан, чтобы встретиться с русскими эмигрантами – писателями и художниками. К Голлербаху я пришел с рекомендательным письмом от его старого друга, художника Сергея Петровича Иванова, переехавшего во второй половине 1960-х годов из США во Францию и осевшего в Париже. Голлербах дружил в Нью-Йорке с главным редактором «Нового журнала» Романом Гулем, которого называл своим «крестным отцом» в литературе. Ведь по его совету для этого журнала им была написана серия статей об искусстве. Так появилась первая книга Голлербаха «Заметки художника».

В США я провел почти два месяца. Мне удалось познакомиться с писателем и журналистом, личным секретарем И. А. Бунина Андреем Седых (настоящее имя Яков Цвибак), с философом Николаем Арсеньевым, с писательницей Ниной Берберовой, поэтессой Лидией Алексеевой, с писателем Николаем Ульяновым, с поэтами Иваном Елагиным, Николаем

Автопортрет С. Голлербаха. Париж. 1976

Моршеном, с учеником Репина художником Михаилом Вербовым. Моя встреча с Романом Гулем – событие незабываемое. По моей просьбе Сергей Львович в 1977 году написал в Нью-Йорке его портрет и, приехав в Париж, подарил мне эту работу.

Чуть ли не с первой встречи с Сергеем Львовичем обнаружилась общность наших душ и художественных пристрастий. Вот как об этом вспоминает сам художник:

«Ренэ Юлианович и я сразу же подружились, и в 1976 году мы с женой навестили его в Париже, в предместье Медон. Вскоре Ренэ Герра переехал на жительство в свой дом в Исси-ле-Мулино, тоже предместье Парижа, и там я имел возможность познакомиться со многими сокровищами его коллекции. Во Франции я часто бывал и до моего знакомства с Ренэ Герра, так как моя жена, дочь старых русских эмигрантов, родилась в Париже. Почти каждый год мы проводили наш отпуск в Париже или на юге Франции, в Каннах, где жил ее дядя... На своей маленькой машине Ренэ отвез меня в Барбизон, показал старинный замок в Рамбуйе, а главное, на юге Франции, го-

род Ниццу и все прекрасные места Лазурного Берега Франции, откуда семья Герра была родом. «Мы – из кулаков», – говорил он смеясь. Какие-то злые языки пустили слух, что он не француз, а русский и настоящая его фамилия – Герасимов, и поэтому он так хорошо говорит по-русски. Опровергну этот слух, так как я имел удовольствие познакомиться с его родителями, чистокровными французами...» (С. Голлербах. Встречи с академиком

Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Послесловие А. Сенкевича. Аврора. 2018. № 6. с. 172–179).

Впоследствии Сергей Львович Голлербах посвятил мне стихотворение:

Посвящается Ренэ Герра

О город прекрасный Ницца,
ты можешь собой гордиться,
ведь всем известно давно, что
имя тебе дано
в честь Ники, богини победы,
не страшны тебе всякие беды, как
она, ты всегда побеждаешь,
перед будущим страха не знаешь!
О Ницца, ты город французский,
но для нас тоже и русский,
тебя мы давно любили, у тебя подолгу
гостили, а берег небесный Лазури
смягчает душевные бури, его
живительный свет прибавляет всем
много лет.
О город прекрасный Ницца, в тебя
нельзя не влюбиться!

(С. Голлербах. Мысли в стихах...
Воронеж, 2017)

В 1980-м я основал в Париже издательство «Альбатрос». Марку для издательства сделал Сергей Голлербах, неизменный и бескорыстный оформитель всех обложек изданных мною книг: Дмитрий Кленовский. Собрание стихов (1980); Русский альманах (1981); Тамара Величковская. Цветок и камень: стихи (1981); Анатолий Величковский. Нерукотворный свет: стихи (1981); Александр Давыдов. Воспоминания 1881–1955 (1982); Ирина Одоевцева. На берегах Сены (1983); Сергей Рафаэльский. За чертой: стихи (1983); Николин бор (1984) и Их памяти... (1987); Борис Закович. Дождь идет над Сеной: стихи (1984); Екатерина Таубер. Верность: пятая книга стихов (1984); Сергей Мамонтов. Сказание (1986); Татьяна Фесенко.

Двойное зрение: стихи (1987); Валерий Перелешин. Три родины: стихи (1987); Юрий Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека 1924–1974 (1987); Николай Ульянов. Атосса: роман (1988); Александр Глезер. Миражи: стихи и венок сонетов (1989); Татьяна Фесенко. Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным: воспоминания (1991).

Сергей Голлербах – автор семи книг, выходящих на русском и английском языках в Лондоне, Нью-Йорке, Париже и Петербурге, и более ста статей и эссе, посвященных современному искусству, а также многочисленных литературных набросков мемуарного характера. Я горжусь тем, что в издательстве «Альбатрос» вышли три его книги: «Жаркие тени города» (1990), «Пляж» (1992), «Мой дом: воспоминания и эссе» (1994).

В 1991-м мы с братом Аленом создали в нашем родовом гнезде в маленьком средневековом городке Берлез-Альп на Лазурном Берегу первый в истории русско-французских отношений частный Дом творчества для писателей и художников и назвали его Франко-Русским Домом. С этой целью мы перестроили наш семейный дом в гостевой для проживания русских гостей. В результате получился своеобразный Дом творчества русских художников и писателей со всего мира, призванный содействовать встречам и культурному диалогу между постсоветской Россией и Францией.

Торжественное открытие Дома состоялось 3 июля 1992 года. Логотип Франко-Русского Дома спроектировал Сергей Голлербах. Этот фирменный знак, изображающий

Логотип Франко-Русского Дома работы С. Голлербаха. 1992

мольберт и палитру, олицетворяет место встречи двух культур: с одной стороны – французский живописный средневековый городок Берлез-Альп, с другой – православный русский собор Святого Николая в Ницце.

Под эгидой Франко-Русского Дома состоялись три замечательные выставки с участием Голлербаха: «150 лет русского присутствия в Ницце на Лазурном Берегу» (июль–август 1992, музей Жилетта Espace Jean Giletta), «Пляж: рисунки, акварели и акриловые картины Сергея Голлербаха» (к 75-летию художника, Вильфранш-сюр-Мер), «С. Голлербах» (муниципальный выставочный зал в порту Сен-Жан-Кап-Ферра Salle des fêtes).

Благодаря существованию Франко-Русского Дома городок Берлез-Альп, колыбель нашей семьи, стал, по словам Сергея Львовича, «Абрамцевом в Приморских Альпах».

С. Голлербах, Р. Герра, Д. Лихачев. 1997

В «Новом Журнале» были опубликованы четыре статьи С. Голлербаха: «Россия на юге Франции» (НЖ, 1992, № 189, с. 362–365); «Прогулки по русской Ницце» (НЖ, 1995, № 198–199, с. 456–463); «О встречах кратких и не только» (НЖ, 2001, № 223, с. 114–133); «На юге Франции: Ренэ Герра» (НЖ, 2006, № 243, с. 103–105).

В 1997 году на Лазурном Берегу произошла знаменательная встреча двух великих петербуржцев, которую Сергей Львович Голлербах увековечил в своей статье «Встречи с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым».

Обращусь к его воспоминаниям: «А теперь о моей встрече с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Оказалось, что Ренэ Герра познакомился с ним еще в 1992 году в Венеции, где открылась выставка «Русский символизм и Дягилев». Многие картины на ней поступили из коллекции Герра. Академик Лихачев был, по словам Герра, «петербургским потомственным интеллигентом» и сразу же покорила сердце французского слависта. Между ними завязались дружеские отношения, и Ренэ Герра был гостем у Дмитрия Сергеевича в Петербурге. Особенно

знаменательна была их встреча в 1997 году. Академик Лихачев был на юг Франции, на самую ее границу с Италией, для получения премии за его книгу «Поэзия садов». Она издана была годом раньше в Турине на итальянском языке в издательстве Giulio Eiraudi.

Вот что писал Ренэ Герра в своей статье, изданной в Петербурге по случаю Лихачевских чтений в 2008 году: «Церемония вручения происходила 12 июля в *Giardino Hanbury* в знаменитых садах Лигурийского побережья... Дмитрию Сергеевичу был тогда уже девяносто один год и приехал он вместе со своей внучкой, художницей Зинаидой Курбатовой, и малолетней правнучкой Верочкой. Остановился он в доме своей старой знакомой Марины Бенцони в маленьком городке Эз. Там я и встретил знаменитого гостя. Высокого роста, худощавый, он опирался на палочку, но держался прямо. Его манеры речь выявляли человека еще старой, дореволюционной формации, хотя всю свою жизнь он провел в Советском Союзе. По предложению Ренэ Герра, Дмитрий Сергеевич любезно согласился позировать мне для быстрых портретных

набросков акварелью. Один из них я подарил ему, другой – Ренэ Герра. Надо сказать, что Ренэ Герра был глубоко впечатлен личностью академика Лихачева и высоко ценил все его труды. Но и Дмитрий Сергеевич чувствовал глубокую симпатию к любящему русскую культуру француз. В письме, датированном 19 февраля 1998 года, он писал: «Дорогой Ренэ Юлианович, я восхищаюсь вашей деятельностью, вашим умом и принципиальностью». В письме рукой Лихачева были нарисованы два цветка. <... >

Знакомство со знаменитыми людьми обогащает человека, и я благодарен судьбе, что встретил этих двух людей. С Ренэ Юлиановичем Герра у меня продолжается крепкая дружба, а личность Дмитрия Сергеевича Лихачева для меня напоминание о том, что даже в самые тяжелые минуты жизни надо помнить о красоте природы, о цветах – и это помогает нам жить».

Портрет Дмитрия Сергеевича Лихачева я публиковал несколько раз: в статье-интервью под названием «На перекрестке культур: Д. С. Лихачев на Лазурном Берегу» в парижском еженедельнике «Русская мысль» от 28 августа 1997 года, а также в каталоге «Образы Пушкина в творчестве русских художников-эмигрантов» (1999) и в своих книгах: «Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920–1970)» (СПб.: Блиц, 2003); «Когда мы в Россию вернемся...» (СПб.: Росток, 2010); «Семь дней в марте: беседы об эмиграции с А. Ваксбергом» (СПб.: Русская культура, 2010).

В 1995 году Министерство культуры РФ предложило мне организовать в Государственной Третьяковской галерее выставку картин русских художников-эмигрантов из моей коллекции под патронатом Совета Федерации Федерального

Собрания РФ, при содействии Министерства культуры и франкофонии Французской Республики, под эгидой ЮНЕСКО. Я отправил в Москву 220 работ, среди которых было пять картин С. Л. Голлербаха. Выставка открылась 14 апреля и проходила до 15 мая. Для каталога этой выставки под названием «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции 1920-е – 1970-е: из собрания Ренэ Герра» Сергей Голлербах написал прекрасную статью «Встреча, предreshившая многое» и специально прилетел в Москву на открытие. Для ее каталога академиками Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и Дмитрием Владимировичем Сарабьяновым были написаны статьи.

В начале июня того же года выставка переехала в Париж – в Оранжерею Сената (Люксембургский дворец), а затем в Ниццу – в Музей современного искусства (МАМАС) и просуществовала там с 30 июня по 30 сентября. Был издан еще один каталог на французском языке: «Русская живопись в изгнании во Франции: 1920–1970». Его авторами стали академики Анри Труайя (Лев Тарасов), Дмитрий Лихачев, Дмитрий Сарабьянов и, конечно, Сергей Голлербах.

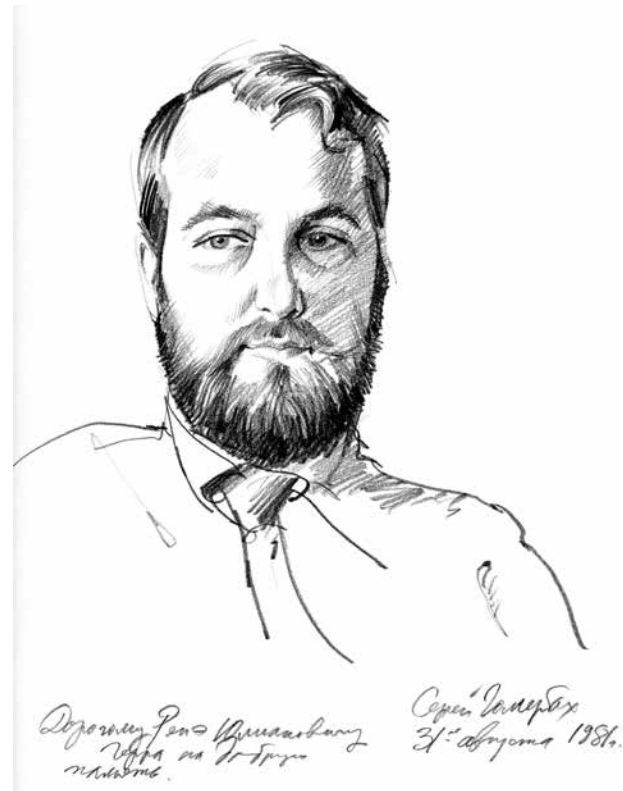
В 1999 году, к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, я представил из принадлежащих мне работ большую выставку *Images de Pouchkine dans l'œuvre des peintres russes émigrés* / «Образы Пушкина в творчестве русских художников-эмигрантов» в Исси-ле-Муино под Парижем. В каталоге выставки вместе с предисловием писателя Анри Труайя и моей беседой с Д. С. Лихачевым, представлены четыре работы Сергея Голлербаха.

В 2021 году в издательстве «Дэн» вышел в свет мой четырехтомник «Художники Русского Зарубежья в искусстве книги», над которым я работал несколько десятилетий.

В этом издании я представил созданную за пятьдесят лет книжную графику русских художников-эмигрантов, где работам Сергея Голлербаха посвящены несколько десятков страниц, увидеть которые он так мечтал. Как больно, что художник не дождал до выхода этого богатого иллюстрированного издания из печати.

В моем собрании хранятся десятки работ Сергея Голлербаха (масло, карандаш, акрил, акварели, гуаши, тушь), в том числе его автопортрет и два моих портрета (1981 и 1994 гг.), а также три его оригинальных экслибриса: с книжным натюрмортом (с кириллическими надписями), фантастическим пейзажем, объединяющим на двух берегах символической реки Эйфелеву башню и шпиль Петропавловской крепости (с надписью латиницей), и моим портретом.

Сергей Львович не только замечательный художник, но и уникальный писатель, автор очерков, заметок и воспоминаний о жизни русской эмиграции в США в послевоенный период. Он печатался в русской зарубежной прессе и периодике – газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж) и журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне, под псевдонимом Сергей Львов) с 1960 года, в «Новом Журнале» с 1976 года, в журнале «Стрелец» (Париж) с 1984 года.

Портрет Р. Герра работы С. Голлербаха. Париж. 1981

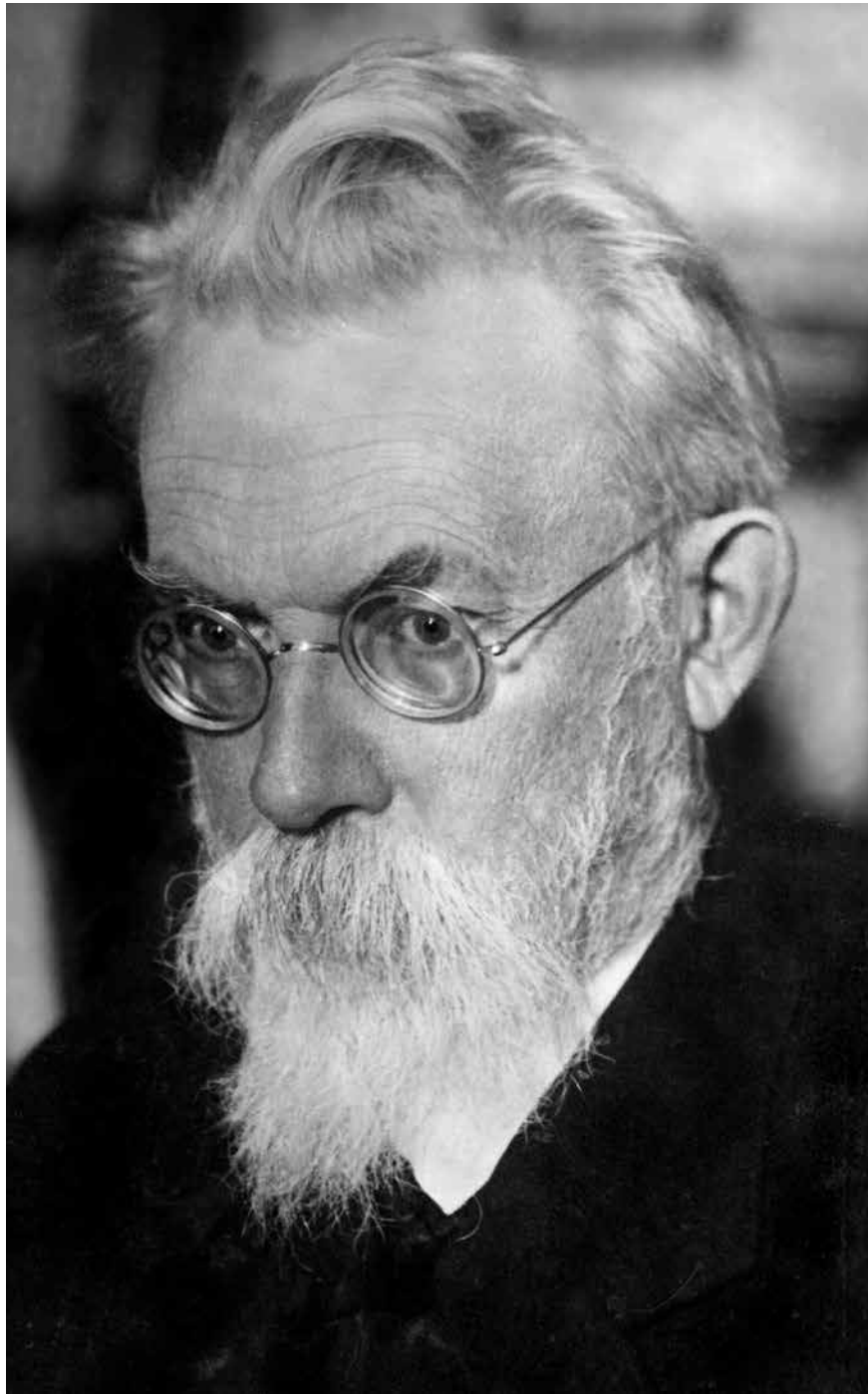
Живые рассказы Голлербаха, летописца жилых кварталов Нью-Йорка, похожи на красочные зарисовки и интересны для художников, историков, писателей и психологов. Об этих особенностях его прозы писал мой друг, поэт, прозаик и индолог А. Н. Сенкевич, в своих многочисленных статьях о Сергее Голлербахе.

Наша дружба длилась почти полвека, а в последние годы, когда Сергей Львович уже почти ничего не видел, мы часто звонили друг другу. До конца своих дней он сохранял ясный ум, тонкое чувство юмора и завидный оптимизм. Я благодарен судьбе, которая свела меня с Сергеем Голлербахом, выдающимся художником и писателем. Несмотря на широкую известность и награды от самых престижных художественных учреждений США, он мне всегда казался человеком не от мира сего. Таким и остался в моей памяти.

ЭФФЕКТ ВЕРНАДСКОГО

Гениальный ученый много раз оказывался провидцем

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

В. И. Вернадский в 1934 году. Архив АН СССР

Писать о Вернадском трудно: слишком велик, исключителен, всеобщ. Слишком много им сделано.

Ныне каждый пытается сделать его «своим». Либералы – врагом советской власти. А он вовсе им и не был. Коммунисты кричат, что он «наш». А он был членом партии кадетов. К марксизму относился скептически, коммунистов просто презирал.

Стало очевидным, что гигантские плотины водохранилищ несут не только пользу, но и вред. И вот стараются забыть, кто стоит за планами по созданию таких водохранилищ. А стоит за ними Владимир Иванович Вернадский – еще в 1915 году в Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) выдвигал он такие идеи. Электрификация России, план ГОЭЛРО – во многом дело его рук.

Вот что чистая правда: сын своей эпохи и своего сословия, Вернадский хотел изучать свою страну, хотел просвещать свой народ. Он не раз пенял царскому правительству, дававшему слишком мало средств на науку. Приводил Николаю II в пример его царственного родственника, германского императора Вильгельма II.

Советская власть вызывала у Вернадского сильнейшее раздражение. Но она создавала культ науки. Образование становилось социальным лифтом, и тысячи способных юношей пошли в науку. Он, Вернадский, только этого и хотел. Советская власть готова была вложить практически неограниченные средства в развитие

фундаментальных наук. Вернадский считал это правильным. Советская Академия наук прямо вырастала из институтов, лабораторий, экспедиций КЕПС.

Вернадский много раз оказывался провидцем, создавая целые направления науки и производства. Был он таковым и в отношении ядерной энергии. Основоположником атомной энергетики. О чем сегодня почему-то забывают.

Бомба для царя?

Осенью 1895 года Вильгельм Рентген, профессор физики в университете города Вюрцбурга, открыл новый вид излучения. Этими новыми лучами Рентген просветил сначала свою руку, потом руку своей жены. Увидев собственные кости, впечатлительная женщина вскричала: «Я увидела свою смерть!»

Это открытие положило начало созданию нового направления в медицине: попытки «заглянуть внутрь пациентов» начались спустя недели после доклада Рентгена. Скольким это спасло жизнь и здоровье! Миллионам людей вовремя диагностировали ранние формы туберкулеза, извлекли пули и всякие инородные предметы.

Долгое время никто не понимал, что Икс-лучи смертельно опасны. Радий даже считался полезным, радиоактивные вещества включались в состав многих продуктов и бытовых предметов: в хлеб, шоколад, питьевую воду, зубную пасту, пудры и кремы для лица, краску циферблатов наручных часов. Супруги Кюри все свои эксперименты ставили без всякой защиты. Мария носила в кармане пробирку с радиоактивным изотопом в кармане: как талисман. Ее останки излучают радиацию до сих пор, да так сильно, что потребуется полторы тысячи лет, чтобы излучение исчезло.

А еще стало известно: распад радия высвобождает колоссальную энергию. Вопрос: а куда ее направить?

Первый раз словосочетание «атомная бомба» прозвучало в 1907 году. В 1914 вышел роман Герберта Уэллса «Освобожденный мир». В нем описана ядерная граната; сброшенная с самолета, она «продолжала взрываться бесконечно». Среди близких знакомых Уэллса были Уинстон Черчилль и Лео Силард. В 1924 году в газете *Pall Mall* напечатали статью Черчилля об атомной бомбе под названием «Стоит ли нам совершать самоубийство?».

А Владимир Вернадский, выступая в 1910 году на общем собрании Академии наук с докладом «Задача дня в области радия», говорил: «Перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению... С надеждой и опасением всматриваемся мы в нового союзника и защитника».

Об источнике энергии тоже подумывали, но атомная бомба – это было ближе и понятнее.

Очень типичная ситуация. Когда весь мир мечтает, в России находится кто-то, кто ставит мечту как практическую инженерную задачу. «Когда-нибудь будем топить радием!» А почему не сейчас?

В 1902 году строятся первые заводы для получения радия, по всему миру ищут урановые руды. В России с 1910 года КЕПС проводит исследования на Урале, в Предуралье, Прибайкалье, Забайкалье. В 1915 году начинают разрабатывать Туя-Муюнское месторождение в современном Кыргызстане. Название этой местности – Табошар, то есть «место, не пригодное для жизни».

Химический завод в Бондюге, в современном Татарстане,

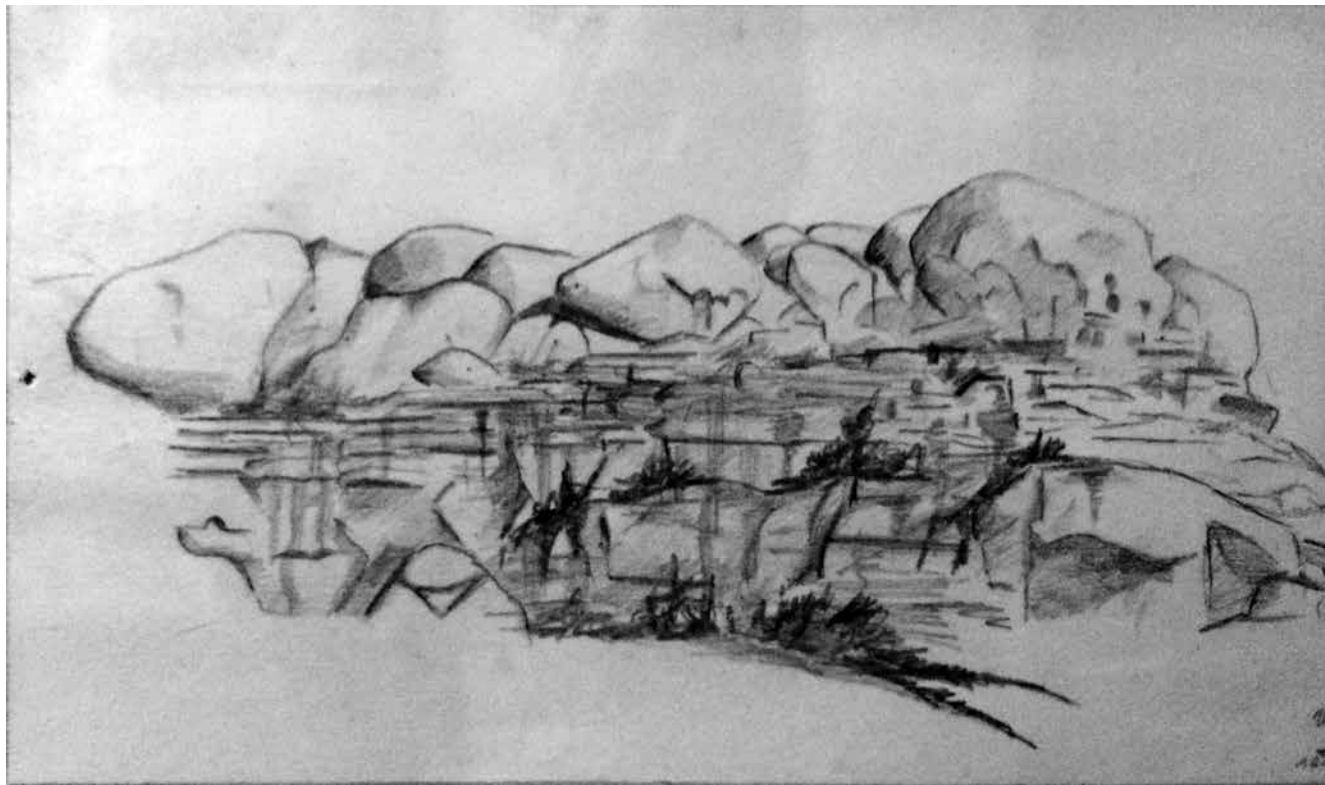
основан в 1868 году. Теперь это город Менделеевск. Здесь находилась экспериментальная база отечественной и мировой химической науки. Здесь трудился и Дмитрий Иванович Менделеев.

С 1916 года в составе Бондюжского завода появляется особый засекреченный цех. Сверхзасекреченный!.. Что делалось в этом цеху, до сих пор неизвестно. Но известно, что рабочие трудились в резиновых комбинезонах и должны были мыться после смены. Кроме того, в этот цех не раз доставляли детали металлической оболочки для огромной бомбы. Об этом говорили многие из тех, кого в 1918 году допрашивали в ЧК.

В первые годы советской власти в Бондюге велась добыча радия. В мае 1920 года здесь, у пристани Тихие Горы, разгрузили первые баржи с урановой рудой из Туркестана. 1 декабря 1921 года был получен первый препарат радия из туркестанских руд. Пробный радиевый завод просуществовал в Бондюге до 1925 года. Он послужил своего рода испытательным полигоном и, исчерпав свои ресурсы, был закрыт.

Где находился цех в 1921–1925 годах, известно. Его развалины смыкаются с одноэтажным зданием, построенным в традиционном стиле царской России. Совершенно другая архитектура. Колоннада в точности, как в сооружениях Академии наук начала XX века. Так могли строить позже, в 1930–1950-е, но не в 1921 году. Попросту говоря, в 1921 году пристроили новые цеха к уже бывшему, но заброшенному зданию. В 2019 году я нашел это место, снимая фильм «Русский приоритет мирного атома».

Одновременно военно-морское ведомство поставило задачу: создать громадный самолет, способный поднять бомбу невероятных для того времени размеров – 400 килограммов,

«Табошар». Рисунок В. Г. Хлопина, ученика В. И. Вернадского

а то и тонну. Официальная версия причин создания «Ильи Муромца»: военно-морскому флоту необходим был самолет, способный вовремя отследить движение вражеского флота Германии через проливы Скагеррак и Каттегат в Балтийское море и вернуться.

Однако ни один «Илья Муромец» никогда не выполнял именно такого задания. А вот на первую бомбардировку эти самолеты вылетели 14 февраля 1915 года. За Первую мировую войну они использовались как бомбардировщики больше 1700 раз.

Кстати, вот еще один российский приоритет мирового значения: мы первыми создали многомоторную тяжелую авиацию. Заложили основу для создания современных гражданских и транспортных самолетов.

22 ноября 1917 года по решению физико-математического отделения Академии наук Владимир

Иванович Вернадский был командирован на юг по состоянию здоровья и для продолжения работ. Странная формулировка... И таких «странностей» немало в биографии Вернадского, похожей на приключенческий роман.

Известно, что в январе 1918 года были уничтожены все документы Радиевой лаборатории Академии наук и секретного цеха завода в Бондюге. Тогда же в Бондюге сгорает прекрасно охраняемый секретный цех. Цеха для производства отравляющих газов стоят как стояли, а гибнет именно секретный цех. Что-то изготавлялось там в обстановке строжайшей тайны. Догадаться не очень трудно. Больше того – отгадка сразу объясняет все странности «Ильи Муромца» и все загадки поведения Вернадского.

Мне доводилось общаться с Александром Леонидовичем Яншиным, последним из живых

учеников Владимира Ивановича Вернадского. Этот человек и сам по себе преинтереснейшая личность, с которой связано немало загадок. Я задал Яншину прямой вопрос: мог ли Владимир Иванович делать атомную бомбу в 1915 году? Ведь считается, что до Лео Силарда это было принципиально невозможно. Александр Леонидович ответил своеобразно: «Когда речь идет о Вернадском, я могу поверить решительно во что угодно!»

Бомба на службе у царя? Но почему же только для царя? Бомба ради всей России во имя ее победы в войне.

Что до причин бегства на юг – патриот исторической России, Вернадский был готов создать страшное оружие. Такое страшное, чтобы даже его однократная демонстрация остановила бы все войны. И уже идущую войну, и любую возможную в будущем.

Но перевернулась страница истории, и кому теперь отдать атомную бомбу?! Беглым каторжникам? Политическим маргиналам и утопистам? Большевикам, которые прямо заявляют, что Россия – только первая держава, где началась мировая революция? Которые во славу ее готовы рвануть атомные бомбы над всей Европой? Если к лету 1917-го страшное оружие было готово или почти готово, то бегство Вернадского, уничтожение документации – к лучшему.

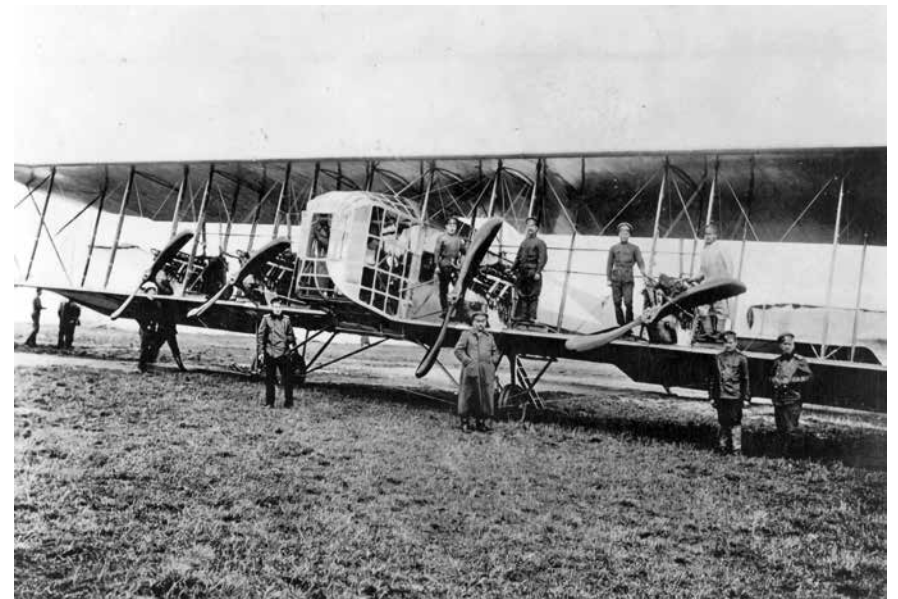
Вот сразу три важнейших приоритета России – уже к 1917 году.

Приоритет первый: поставлена задача овладения атомной энергией в мирных целях. Второй приоритет: создание ядерного оружия. И сразу же третий: мы могли его создать, но не создали. Могли бы применить – не применили. Помешал большевицкий переворот? Несомненно. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Опасные приключения

Вернадский создает Украинскую академию наук. Большевики входят в Киев – он бежит в Крым, там основывает Таврический университет. К отцу приезжает его сын Георгий, офицер-доброволец отрядов Пепеляева. Он с Белой армией брал Казань и Пермь. Когда большевики и махновцы занимают Крым, 14 ноября 1920 года Севастопольскую бухту покинули последние корабли Белого флота, увозящие в неизвестность многие тысячи военных и беженцев. Георгий Вернадский покидает Россию на одном из этих кораблей.

Владимир Иванович с женой остаются. Факт поистине невероятный – семья Вернадских чудесным образом пережила массовое истребление представителей «старого мира», учиненное Бела Куном и Залкинд-Землячкой. За зиму

«Илья Муромец». 1916

1920–1921 годов большевиками расстреляно, повешено и утоплено около 100 тысяч человек из 800 тысяч населения Крыма.

Людей уничтожали за дворянское происхождение, за работу в белом кооперативе, а то и вовсе за принадлежность к польской национальности. Как правило, для того чтобы угодить в «чрезвычайку», было достаточно иметь интеллигентную внешность и быть прилично одетым. По оценкам Максимилиана Волошина, террор 1920–1921 годов пережил только один из трех крымских интеллигентов.

Семья Вернадских пережила террор и даже вернулась в середине марта 1921 года в Петроград. Как?! Каким образом?!

В Петрограде Вернадский сразу вернулся к руководству КЕПС, возглавил Метеоритный отдел Минералогического музея (1921–1939) и Радиохимическую лабораторию.

14 июля 1921 Вернадского арестовали и привезли в знаменитую тюрьму на Шпалерной. Он долго не понимал причину ареста и только на допросе осознал, что его пытаются обвинить... в шпионаже!

Но к удивлению тюремщиков, пришел приказ освободить Вернадского: об этом президент Академии наук Карпинский просил лично Ленина и Луначарского.

В чем же причина такой необычной гуманности большевиков? Ведь Вернадский очень определенно показал, что не принимает их власти? Видимо, он был им совершенно необходим. Расспрашивали ли его о судьбе загадочного цеха в Бондюге? Наверняка мы этого не знаем, но знаем, что по инициативе Вернадского создан Радиевый институт, объединивший все имевшиеся к тому времени радиологические учреждения. 11 февраля 1922 года Вернадский определил цели нового института на его Ученом совете: «Радиевый институт должен быть сейчас организован так, чтобы он мог направлять работу на овладение атомной энергией – самым могучим источником силы, к которому подошло человечество в своей истории».

Цели поставлены – дело за их воплощением.

Вскоре Вернадский, еще вчера считавшийся у большевиков кандидатом на расстрел, был

Атомный ледокол «Ленин». / Фото: Дмитрий Хрыкин

командирован... во Францию! Читал лекции по курсу «Геохимия» в Сорбонне, работал в Музее естественной истории и в Институте Кюри, выпустил фундаментальные труды «Геохимия» и «Биосфера». В Париже Вернадские, отец и сын, опять встретились, а в 1926 году расстались уже навсегда. Георгий принял предложение выехать в США, в Йельский университет. Больше они никогда не увидятся.

А к Владимиру Ивановичу из Москвы приезжает некий посланец, и Вернадский-старший тут же выезжает в СССР. В 1935 году он опять поедет за границу, а вернувшись, уже навсегда останется в Советском Союзе. После перевода академических научных учреждений

в Москву в 1934 году Вернадские поселились на втором этаже двухэтажного особняка на Арбате.

В 1936 году Вернадский уходит со всех официальных постов — не хочет участвовать в чистках и репрессиях. Но сохраняет исключительный авторитет. Не раз встречается со Сталиным.

Мирный атом

В 1918 году Вернадский — на юге, в областях, занятых белыми. А в Петрограде его верный ученик, Виталий Григорьевич Хлопин, создает Технический совет по организации и эксплуатации пробного радиевого завода.

23 сентября 1918 года нарком просвещения А. В. Луначарский, подписал проект положения о создании первого в мире Государственного рентгенологического и радиологического института. Правительство выделило 50 тысяч рублей золотом для закупки за рубежом рентгеновской аппаратуры, книг, необходимого оборудования. И зачем?!

Не раз и не два Вернадский и его ученики А. Е. Ферсман и В. Г. Хлопин обращались к руководству Академии наук и правительству СССР, говоря о необходимости научиться использовать атомную энергию. Использовать исключительно в мирных целях. Вернадский и на международной арене

не раз выступал, уверяя, что не следует создавать атомную бомбу. Атом может и должен быть исключительно «мирным».

Исследования велись в двух направлениях: создание атомных двигателей для автомобилей, поездов, морских и речных судов и использование энергии атома для получения электроэнергии. С 1932 году в Радиевом институте начались работы по созданию первого в СССР и в Европе циклотрона — ускорителя заряженных частиц; его запустили в 1938-м. Он был в четыре раза больше первого в мире циклотрона, построенного Эрнестом Лоуренсом в США в 1930 году. Громадный циклотрон, диаметром в метр, активно использовался для научных исследований вплоть до 1950-х годов.

И все же Вернадский считал, что даже ученые недооценивают важности изучения урана. В своем дневнике он писал: «Огромное большинство не понимает исторического значения момента». Вернадский создал школу ученых, занятых созданием атомной энергетики. Благодаря Вернадскому СССР к концу 1930-х годов имел уникальный задел в этой области.

Об атомных двигателях мечтали во всем мире. Во французском журнале «Наука и жизнь» еще в 1927 году писали: «Достаточно овладеть этими излучениями, чтобы иметь мотор, почти вечный».

Поставить атомный двигатель на автомобиль не удастся. Но в 1935–1937 годах в Радиевом институте обсуждают идею атомного ледокола: судна с атомным двигателем, которому не страшны никакие льды Полярного бассейна.

Атомный ледокол «Ленин» был спроектирован уже после смерти Вернадского. Первый в мире ядерный реактор атомного ледокола был запущен 6 августа 1959 года. Сейчас трудно описать, какой ажиотаж

это вызвало во всем мире. На борту «Ленина» побывало множество делегаций и представителей разных стран мира, в том числе премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, вице-президент США Ричард Никсон, министры Китайской Народной Республики. Все понимали — совершается нечто исключительное.

«Ленин» ушел на заслуженный отдых в 1989 году и поставлен на вечную стоянку в Мурманске. Но его сменили намного более мощные атомные суда. Сейчас в России работают 11 атомоходов.

Ничего подобного нет ни у кого в мире. И не будет, пока другие государства не начнут перенимать передовой российский опыт. Проект атомных ледоколов для работы в бассейне Ледовитого океана разработан еще в 1930-е. Атомоходы есть только у России. И это четвертый атомный приоритет страны: ледокольные корабли с атомным двигателем.

Ядерная гонка

Стремление создать атомную энергетику в СССР 1930-х годов — вовсе не страшная тайна, не государственный секрет. 12 июня 1940 года «урановая тройка» — Ферсман и Хлопин во главе с Вернадским — направили специальную записку в Совнарком: «Мы считаем, что уже сейчас назрело время, чтобы правительство, учитывая важность вопроса о внутриатомной энергии, приняло ряд мер, которые бы обеспечили Советскому Союзу возможность не отстать в разрешении этой важнейшей задачи от зарубежных стран. Предлагаем срочно создать государственный фонд урана, выделить средства и приступить к выработке методов разделения изотопов урана, форсировать работы

по проектированию сверхмощного циклотрона в Физическом институте».

Между тем разработка атомного оружия уже началась и в Англии, и в США, и в Германии, самой технологически развитой стране тогдашнего мира. В СССР тоже была предпринята весьма интересная попытка — по инициативе беглеца из Третьего рейха Фрица Ланге (1899–1987). Ланге говорил, что от речей Геббельса у него болит живот, а от чтения газеты *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель») поднимается температура. В 1933 году он бежал в Англию, а в 1935-м переехал в СССР — в Англии возможностей работы было намного меньше.

В Харькове Ланге создал группу, в которую вошли инженер Виктор Алексеевич Маслов и физик-теоретик Владимир Семенович Шпинель. В 1940 году в Украинском физико-техническом институте группа подала заявку на изобретение «Об использовании урана в качестве взрывчатого и отравляющего вещества». В ней говорилось, что «построение урановой бомбы для разрушения таких городов, как Лондон или Берлин, очевидно, не явится проблемой».

В. Г. Хлопин дает этому документу отрицательную экспертизу: «В настоящее время заявка не имеет под собой реального фундамента. Кроме того, по существу в ней очень много фантастического». Фактически Советский Союз отказался от разработки атомного оружия еще до войны. Тогда как в Британии и в Германии работы начались еще в 1939 году.

Подчеркну: в Радиевом институте была заложена основа мирной атомной энергетики! Атомную бомбу в СССР в 1940 году объявляют фантомом, невероятной выдумкой. Единственное, чем можно объяснить этот «ядерный сон» СССР, так это сознательной

Памятная доска В. И. Вернадскому в Санкт-Петербурге на Каменноостровском проспекте

политикой Владимира Ивановича Вернадского. Он слишком хорошо понимал, что такое ядерное оружие. Знали про губительное радиоактивное излучение. Он не хотел вооружить кого бы то ни было этим страшным оружием. И сумел убедить Сталина, что создание атомной бомбы невозможно. Даже после того, как в 1938 году открыли расщепление ядра урана, началась разработка ядерного оружия, а в 1939 году Фредерик Жолио-Кюри запатентовал

конструкцию урановой бомбы, Вернадский уверял, что атомную бомбу создать невозможно.

В 1939 году Силард в переписке с Альбертом Эйнштейном и президентом Рузвельтом предупредил Америку, что Германия накапливает запасы урана. После этого родился Манхэттенский проект. В июне 1940 года в США был образован Национальный комитет по оборонным исследованиям. Комитет по урану вошел в его состав в качестве подкомитета.

Получается, что СССР – единственная страна, прилагавшая титанические усилия для того, чтобы не вступать в атомную гонку.

Все изменилось в одночасье! В июне 1940 года Владимир Иванович получает из США от сына Георгия вырезку из газеты, где сообщалось о развертывании работ по «новой ядерной энергии». На полях газеты Георгий написал: «Папа! Не опоздайте!» Видимо, Георгий был в курсе того, как относится его отец к созданию атомной бомбы.

3 июля 1940 года Вернадский переговорил с руководителями Радиевого института об организации масштабных государственных работ по урану, том числе и для создания ядерного оружия. Но инерция возникла колоссальная. Отношение к атомной бомбе и правительства СССР, и научного сообщества сложилось категорически отрицательное, независимо от реальности проекта.

12 октября 1941 года в Москве состоялся митинг, организованный Антифашистским комитетом советских ученых. И в газете «Правда» печатается речь академика Капицы: «Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба, даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения... Будущая война станет еще более нетерпимой. Поэтому ученые должны сейчас предупредить людей об этой опасности, чтобы все общественные деятели мира напрягли все свои силы, чтобы уничтожить возможность дальнейшей войны, войны будущего».

Многие считают: отношение Сталина к атомной бомбе изменилось после письма физика Георгия Николаевича Флерова. В апреле

1942 года раненый на фронте Флеров начал читать литературу по специальности. И убедился – множество сведений на английском и немецком языках засекречены. Он пишет письмо Сталину с тем же рефреном, что у Георгия Вернадского: «Мы опаздываем! Необходимо возобновить прерванные войной урановые проекты».

Как ни удивительно, письмо лейтенанта дошло до главнокомандующего.

Сначала Сталин спросил у ведущих оружейников, считают ли они реальным создание атомной бомбы. Большинство ответило утвердительно. И 28 сентября 1942 года, через полтора месяца после начала американской программы по созданию атомной бомбы («Проект Манхэттен»), в СССР было утверждено секретное постановление Государственного комитета обороны № 2352сс «Об организации работ по урану», в котором предписывалось: «Обязать Академию наук СССР возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана». 11 февраля 1943 года было принято постановление Государственного комитета обороны СССР № 2872сс «Об организации практических работ по использованию атомной энергии в военных целях».

С этого постановления официально начинается отсчет советской атомной программы. Однако, так ли это? Как мы видим, в постановлении ГКО № 2352сс говорится не о начале, а о возобновлении работ по урановой проблеме. А работы эти были начаты в Российской империи еще в 1908 году.

Уже в ноябре 1942 года Сталин вызвал к себе Вернадского и Иоффе. Помнили «отец народов», что Вернадский годами уверял его в невозможности создания сверхбомбы? Теперь у СССР не оставалось

другого выхода, кроме как принять участие в ядерной гонке – догнать и перегнать, иначе он бы просто перестал существовать.

Ответим на старое, постоянно повторяемое Западом обвинение: Советский Союз создал бомбу исключительно благодаря разведывательной информации, полученной из германских, английских и американских источников. Дескать, СССР «украл атомный секрет в США» руками супругов Розенберг. Конечно, было и это! И вообще, все крали секретную техническую информацию у всех. Но плутоний для бомбы выделялся по технологии, разработанной В. Г. Хлопиным.

Советская атомная бомба – созревший плод работы Владимира Ивановича, его учеников и учеников его учеников. Иоффе в профессиональной среде называли «папой». Тогда Вернадского следовало бы назвать «дедушкой».

Основные принципы создания атомной бомбы загодя «прощупывались» нашими физиками. Еще в 1926–1927 годах академиком Н. Н. Семеновым была создана теория цепных разветвленных химических реакций. В 1940 году Г. Н. Флеров и К. А. Петржак открыли спонтанное деление ядер урана. Советский Союз мог сделать атомную бомбу первым! Более того: фактически эти открытия были предсказаны Вернадским еще в 1913 году и могли быть сделаны еще ранее.

На войне как на войне! С 1949 по 1962 год сотрудники Радиевого института принимали непосредственное участие в подготовке и проведении до 40 наземных, подводных, надводных и воздушных ядерных взрывов, произведенных с военными, и в выполнении 55 мирных подземных ядерных взрывов на территории СССР.

И все же у советских людей оказались иначе устроены мозги.

Испытание первой советской ядерной бомбы состоялось 29 августа 1949 года. А запитать электроприборы с помощью электричества, полученного на графитовом реакторе, удалось 3 сентября 1948 года. Технологии советских ученых позволяли перерабатывать и топливо АЭС. Ведь атомную бомбу в СССР делали те же люди, которые планировали атомоходы и десятки лет готовились к созданию атомной энергетики. Подход совершенно другой. Школа Вернадского.

Советский Союз стал первой страной мира, в которой в 1948 году начались работы по практическому применению энергии атома для получения электроэнергии. В мае 1950 года в городе Обнинске Калужской области началось строительство первой в мире Обнинской АЭС. 20 декабря 1951 года в ходе эксперимента атомный реактор работал пригодное для использования электричество мощностью 800 Ватт. 27 июня Обнинская АЭС мощностью 5 МВт была запущена и стала первой в мире атомной электростанцией, подключенной к общей электрической сети.

Автором проекта первой в мире АЭС был Игорь Васильевич Курчатов – «отец» советской атомной бомбы. Но ведь и он – ученик учеников Вернадского, сотрудник Радиевого института и один из основоположников использования ядерной энергии в мирных целях. Когда он доложил о пуске АЭС в Обнинске, зал встал и начал рукоплескать. Шестой и самый главный, наверное, приоритет – в использовании атома в мирных целях. Фактически мы создали ту самую альтернативную энергетику, о которой столько говорят: альтернативу сжиганию углеводородов (угля или производных нефти).

К сожалению, о роли Вернадского в атомном проекте знают мало. Как несправедливо...

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Николай Сенкевич: «Если художник не меняет манеру и темы на протяжении десятилетий, то такой художник не движется, а значит, не обладает творческим потенциалом и лишь производит ненужные тиражные вещи»

Николай Сенкевич. «Осень. Бухара». 1971

Представляем вниманию читателей беседу-размышление художников Марии Сивковой и Николая Сенкевича.

М. С.: В последнее время мне представляется, что было бы более продуктивным рассматривать искусство не с позиции того, что главная задача художника – найти свой стиль и до конца своих дней делать похожие друг на друга произведения, где выражено одно неизменное понимание мира, а с той позиции, что творчество – самый продуктивный способ познания мира. С помощью искусства человек преобразует реальность, интеллектуально и духовно развивается. Близка ли вам эта мысль?

Н. С.: Я с этим полностью согласен, но мне важнее не высказывание о конечном продукте искусства (как принято сейчас), а сам процесс творчества. Окружающий мир оказывает влияние на самого художника, формирует его личность. Задача творческого человека – обнаружить свой Путь (следовать своему Дао). В 10 классе, когда я учился в Монголии, у меня был учитель, и он рассказал, почему ему понравилась одна из моих ученических работ, где было изображено дерево, упавшее в речку с быстрым течением (эта работа получилась случайно – из-за моего неумения рисовать волны). Мы сидели на берегу, где речной поток обтекал большой камень.

Можно было там сидеть бесконечно долго, слушая однообразный шум воды и наблюдая ее движение с однообразно повторяющимися завихрениями при столкновении с речным валуном.

И тогда я подумал: до чего же скучно на все это смотреть. Тем более на то, что я уже раньше рисовал. Мне тогда понравилось небо с облаком, а все остальное я рисовал просто потому, что это там было. Учитель спросил: «Смотри – камень движется против течения или течение обтекает камень?» С того разговора с моим монгольским учителем началось изменение моего сознания. Я тогда понял, что главное в живописи – размышление.

К тому же мне проще было это понять, потому что тогда я пристрастился к чтению книг. В тот момент рядом со мной был друг, на которого слова учителя не произвели никакого впечатления. Я осознал, что живопись имеет другие задачи, это не только создание иллюзии предметов на плоской поверхности картины при помощи разных приемов. Современная живопись уже давно не использует функцию остановившегося мгновения. Это раньше заказывали портрет, чтобы потомки лицезрели своих предков спустя века.

М. С.: Про смерть живописи писали многие. А среди аукционных продаж XXI века произведения живописи маслом на холсте по-прежнему дороже большинства NFT картин и видео-арта. Например, монументальная работа Дженни Савиль «Сдвиг» установила рекорд (как работа, созданная женщиной) на Sotheby's в 2015 году: ее удалось продать за 7 миллионов евро, а ее автопортрет *Propered* был продан за 12 миллионов долларов в 2018 году. Но это художники с мировым именем, таких единицы, а людей, живущих на этой планете и занимающихся живописью, много. Остальным ведь тоже надо себя чем-то порадовать, если у них, например, нет шансов поступить в Royal Academy of Art, чтобы их там заметил Чарльз Саатчи.

Н. С.: Все правильно. Планки высоки. Нынешнее занятие живописью напоминает занятие спортом. Это больше, чем конкуренция. Это настоящая пирамида. Чтобы попасть на ее вершину, необходимо обладать не только спортивными данными. Необходимо не только создать качественное и своеобразное произведение, но и сделать его по современным лекалам. Не только добиться известности в своем регионе, но и заинтересовать собой людей, которые сопровождают тебя на Олимп, где тебя ждет жесткая

Николай Сенкевич (1946 г.р.), художник. Уже в юные годы выделялся благодаря своим монгольским работам пастелью, созданным во время учебы в 9–10 классах. Его первая персональная выставка из 200 работ о Монголии состоялась в Москве, в библиотеке им. Фурманова, летом 1962 года, когда Николаю было 15 лет.

Сразу после школы Николай Сенкевич познакомился с поэтом Леонидом Губановым и какое-то время входил в творческое объединение «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» (СМОГ). Эту аббревиатуру участники объединения расшифровывали еще и по-другому: «Самое молодое общество гениев». Высшее образование Николай Сенкевич получил в Московском архитектурном институте (МАРХИ).

Николай занимался визуальным творчеством с 15 лет: менялись эпохи, тренды, предпочтения зрителей, и вместе с ними изменялись пристрастия Николая как художника. Натурные постановки 1960-х – начале 1970-х годов сменили композиции с элементами эротики и символическими образами. В конце 1970-х наступил период работы в разных видах монументального искусства. Его первые скульптуры появились в Воркуте и Свердловске. В начале 1980-х годов были созданы первые абстрактные скульптуры, а позже – монументальные, полуабстрактные декоративные керамические панно для заводов и фабрик Москвы с использованием стекловидной смальты. В 1990-х годах Николай Сенкевич создавал объемные холсты с включением графики, а также используя компиляции прежних своих работ и перерабатывая с помощью новых художественных приемов излюбленные мотивы.

С 2020 года Николай Сенкевич работает с компаньоном Марией Сивковой, молодой художницей, также занимающейся интеллектуальным искусством. Сенкевич пытается соединить западные формы искусства с восточным методом работы. Восточный художник сведущ в поэзии своего народа. Именно благодаря ей он приобретает мудрость – в его произведениях появляется особая глубина мысли и чувства.

Мария Сивкова (1993 г.р.), художник. Живет и работает в Москве. Искусствоведческое образование – аспирантура МГХПА им. С. Г. Строганова. Мария сотрудничает с художником Николаем Сенкевичем с 2016 года и с 2020 года является его компаньоном.

Создает живопись, графику, мозаичные скульптуры, в основе которых лежит творческое переосмысление современного пространства, жизни людей, своего опыта, искусства прошлого. Участие в выставках: «Метаморфозы», Фонд «Четверг», Москва (2022); Спецпроект VI Уральской биеннале современного искусства, Галерея «Синара Арт», Екатеринбург (2021); «Транссибирская магистраль». Галерея «Парк», Москва (2018). В 2019 году состоялась персональная выставка Марии Сивковой «101-й км» в «Галерее XXI века» Объединения «Выставочные залы Москвы», а в 2021 году персональная выставка в арт-центре «Модуль» в Брянске.

Произведения Сивковой находятся в частных коллекциях России, в собрании современной живописи и графики Ренэ Герра (Франция), в Музее печати (Москва) и музее «Садовое кольцо» (Москва), в публичной коллекции современной живописи бара Barell в ГЦСИ «Винзавод».

Мария Сивкова. «Меланхолия». 2021

конкурентная борьба. Меня больше интересуют решения собственных задач. Я не люблю повторы и тираж в любом их виде. Художником всегда овладевают вопросы, на которые нет ответа. А точнее, которые являются вопросами лишь для самого художника, ибо наталкивают его на поиски смыслов. Дело в том, что нужно правильно ставить вопросы, как говорят философы. Если правильно отвечать на неправильные вопросы – значит работать впустую. Я понял, что разработка концепций своего творчества имеет принципиальное значение, а работа по наитию приносит вред.

М. С.: Большинство художников утверждают, что их задача – это воздействие на зрителя на визуальном уровне или через игры разума. Вы говорите, что у художника должна быть своя личная творческая задача. Но получается, что эта творческая

Путь художника – это оставаться чутким к вибрациям, исходящим от мира и людей вокруг, а творчество – это еще и ответ на те задачи, которые ежедневно ставит тебе эпоха. Но сейчас имеет смысл создавать не направление, а систему творческого развития. Именно она поможет сотворить произведение должного уровня.

Начиная с 2010 года меня стали интересоваться проблемы синтетических искусств (театр, кино) и их смешения, как это делают ученые при создании новых видов веществ и материалов. Я глубоко убежден, что произведение современного искусства должно быть очень хорошо продумано, спроектировано перед тем, как его явить миру.

М. С.: Во времена Высокого Возрождения программы фресковых циклов писали люди, разбирающиеся в богословии и философии

задача – не его личное дело, а она связана с проблемами, которые художники решали в прошлом и будут решать в будущем?

Н. С.: Нет, художник в первую очередь ставит задачу для себя. Если она неправильная – он зря потратит время. Может быть, получит удовольствие. В лучшем случае кому-то поможет то, что он сделал в искусстве, и тогда этого автора будут вспоминать.

(аристократы или заказчики в лице Папы Римского и кардиналов), а воплощали художники. Заказчики были вовлечены в процесс создания работ. Я считаю, что произведения, которые делали много людей, гораздо сильнее, чем произведения одного автора. Я не видела ни одной картины, которая была бы равна по силе воздействия Кельнскому Собору или египетским храмам.

Вы организовали группу «РецептАрт», с какой целью это было сделано? Какова идея этой группы?

Н. С.: То, что сделано группой, всегда имеет больший потенциал, чем вопли одиночек. Благодаря тому, что я создал группу «РецептАрт», я понял очень многое в современном искусстве и избавился от ряда стереотипов и иллюзий. Название группы связано с понятием «рецепт». Сейчас направлений так много, что их стали называть приемами, и художник в своей работе сочетает эти приемы, как ингредиенты в блюде. Я не успевал делать все вариации одной темы, и эти вариации делали другие люди, которым понравилась моя идея и чьи амбиции были бы удовлетворены путем создания этих картин.

М. С.: Я считаю, что любое искусственное насаждение, наущение потом срабатывает как пружина и возвращает человека на тот же уровень, с которого он начинал и который есть его реальный уровень развития. Чтобы принять любое предложение (умное, выгодное), человек должен к этому прийти, дорасти до этого уровня понимания, а не бездумно верить.

Расскажите, пожалуйста, чем вы занимаетесь сейчас.

Н. С.: С 2019 года по настоящее время я создаю вариации на разные темы в графике форматом А4. Эти рисунки являются визуальным обозначением проекта по созданию множества вариаций картин на одну тему, наподобие музыкальных

вариаций. Система творчества здесь базируется на переводе притчи в визуальное понимание, а визуальных образов – обратно в текст, но в измененном виде, и так несколько раз – в итоге получается некий новый символ. Система эта не имеет никакого отношения к иллюстрации и не соотносится никак с классическим делением живописи на жанры.

М. С.: Очень напоминает идею Эрнста Гомбриха, высказанную в книге «Символические образы в искусстве Возрождения», где он пишет, что визуальный образ, созданный на основе эмблемы, всегда несет большее количество смыслов, чем этот знак и эмблема. Но, наверное, вам эта интерпретация не очень близка, как и вообще западное понимание современной живописи...

Н. С.: Законы природы очень просты. Все имеет начало и имеет конец. Западная культура мне менее близка, так как там много индивидуализма и любования собой. Иными словами, в ней фокус на себя, а восточная культура обладает коллективной сущностью. В ней принято недооценивать свои возможности (например, китайские правители в разговоре называли себя слабыми и сирыми). В восточной культуре главное следовать традиции и получать радость от творчества. На западе ученик входит не в свою реальность, а в реальность учителя, а потом тратит годы, чтобы выйти из этого обучения. На западе принято замыкать все на своей личности, а на востоке – отдавать. Недоделанный цикл, не до конца реализованная идея в итоге превратится в ничто. Невежеству нечего отдавать. Наполненному человеку нужно отдать свои накопления, чтобы заполниться снова. В западной культуре все зациклено на себе (даже мысли о Боге идут в контексте того, что он дает нам). Запад всегда искал всеобъемлющую истину. В восточной

культуре каждое мгновение имеет свою истину. В западном искусстве основная категория – свобода, а в восточном – единство понимания и размышление.

Традиция должна находиться в развитии и передаваться из поколения в поколение. Традиция становится продуктивной, когда находится в руках понимающих и талантливых людей.

М. С.: Но все же какова область применения искусства? Область применения математики, физики – это понятно. А для чего в жизни нужно искусство?

Н. С.: Искусство – это тренировка ума, но на уровне чувств. Благодаря этому обстоятельству ум остается гибким, пластичным. Фундаментом современного искусства является философия и психология. Большинство художников не волнуется поиск истины – для достижения успеха они желают получить готовые шаблоны, которые рассматривают в качестве идеала.

Я определяю творчество как ощущение удовольствия, когда возникает видение. Когда художник работает, он это должен делать легко, достигая лишь ощущения радости. Истину в эти моменты творчества ему не нужно искать, она находится в нем. Художник, если он полностью совпадает с пространством, в котором живет, счастлив. Постимпрессионисты создали образ художника как нищего страдальца-алкоголика, которого не признает общество и который борется за право своего существования и отстаивает своим творчеством какие-то идеалы. И даже этот образ не противоречит моей мысли, ведь такой художник был счастлив тем, что ощущал чувство выполненного долга. Такие люди выполнили задачу своей эпохи, которая состояла в освобождении личности через творчество. Сейчас стоит совсем другая задача.

М. С.: Вы говорите, что работать по наитию – тупик, что произведение связано с развитием самого человека. Быть художником сейчас – не узкая специализация вроде писать картину лессировками. Это, конечно, очень отличается от стереотипов нашей российской артистической богемы: «мне все равно, кто что думает о моем творчестве», «не лезьте ко мне с советами», «искусство – это субъективно». Мне всегда казалось, что занятие искусством похоже на цитату из «Алисы в стране чудес»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!» Если не меняешься ты сам, то меняется мир вокруг, и постепенно твое искусство становится неуместно, если оно остается без изменений. Еще Гераклит писал, что нет ничего более постоянного, чем перемены.

Я считаю, что заниматься любым делом надо так, чтобы оно приносило результат, который ты ожидаешь. Что для художника сейчас значит работать рентабельно? Это значит выполнять свои задачи?

Н. С.: Понятие «рентабельно» не подходит для определения творческой деятельности. Произведение искусства может занимать много времени, а может и полдня. Все зависит от того, соответствует ли задача способностям этого человека. Чтобы творчески работать, художник должен знать историю искусств, философию и психологию. Если художник не меняет манеру и темы на протяжении десятилетий, то такой художник не движется, а значит, не обладает творческим потенциалом, а лишь производит ненужные тиражные вещи (хотя их можно продать). При этом сам становится малозначимым как творческая единица.

Концепция «искусство для искусства» не соответствует современной реальности. Современная

Николай Сенкевич. «Мужчина и женщина 1». 2023

культура может видоизменять жизнь общества. В недавнем прошлом у культуры не было такой возможности. Сейчас творчество стало размышлением над проблемами цивилизации и созданием проектов их решения. Многие деятели культуры постепенно превращаются в маргиналов, поскольку они не нужны ни Западу, ни отечественным зрителям. Уезжать же некуда и приходится выживать в сложнейших обстоятельствах. Отечественная культура сейчас стала более политизированной. Современный художник – человек мыслящий, который сопротивляется и не участвует в тотальном оглушении населения.

М. С.: Занимаясь несколько лет анализом того, что и почему делают современные российские художники, я с уверенностью могу диагностировать кризис мотивации и целеполагания творческой активности. Какие вы видите пути выхода из этого состояния?

Н. С.: Важен диалог с интеллектуалами, мыслящими людьми, притом не важно, какого они возраста, какое у них образование. Каждый человек имеет ценность как носитель

определенного миропонимания. Я часто делал свои картины на основе диалога. В разные эпохи перед художником стояли разнообразные задачи. Например, в эпоху Ренессанса нужно было качественно и анатомически точно изображать человека, сделав его богоравным, теперь эти качества не нужны, сейчас больше требуется хорошая концепция и умение продавать свои произведения – это тоже творческая работа.

М. С.: Николай Николаевич, вы традиционный художник. Ваша традиционность вовсе не означает повторение сложившихся веками приемов – китайской живописи на свитках, арабской каллиграфии, орнамента. Традиционность – это внутренний стержень художника, основанный на взаимосвязи с предшественниками (понимание себя как небольшого отрезка в длинной цепи прошлых поколений и тех, которые будут жить после тебя), понимание своего пути и система взаимодействия с миром.

Основное желание западного художника состоит в том, чтобы громче и скандальнее всех остальных

людей раскрепоститься и нарушить все мыслимые и немыслимые табу. А искусство традиционное – оно о вечном, о вещах, которые наполняют человека силой и дают мотивацию жить: связь с прошлым, традиции, культура, семья, предки, тепло домашнего очага, религия. Оно о вещах живых и теплых.

Н. С.: Соединения Востока с Западом никогда не будет, хотя соприкосновения культур были, есть и будут. Люди из одной культуры не поймут в полной мере искусства, основанного на другой культуре. Человек всю жизнь несет на себе отпечаток эпохи, когда был пик его творческой жизни. Заряд, который я получил в Монголии, остался во мне навсегда, определив характер творчества и интеллектуального развития.

У меня следующее представление о пути художника. Первое и главное: художник должен быть свободен по жизни. Свободен в своих словах, действиях, передвижениях. Не надо связывать себя обязательствами, которые не можешь выполнить. Второе: художник должен активно взаимодействовать с окружающим миром. Ведь он всегда умнее и интереснее своих работ, поскольку каждый день генерирует новые идеи, концепции, смыслы, рассчитывая попасть хоть краешком в грядущую эпоху человека развлекающегося, поскольку эпоха потребления не может радовать, и я считаю, что она уйдет в небытие. И вообще сделать так, чтобы работы превосходили личность творца, на современном этапе – недостижимое желание. Экономические и культурные кризисы – это благодатные условия для развития искусства. Потому что становятся видны трещины, провалы, разломы в теле больной эпохи. В складках эпохи копошатся человекообразные монстры, ранее невиданные. Из жерл вулканов вырывается огонь (по этому поводу

у меня есть серия работ «Складки и шрамы бытия»).

Когда же писать портрет эпохи, как не сейчас?! Если в мире все хорошо, то в искусстве ничего и не происходит: множатся направления, теряются энергия и смыслы произведений, проходят скучные одинаковые выставки. Сейчас не может быть великих произведений искусства, это правда. Не может быть и Ренессанса, который ждут некоторые художники. Нам возрождать нечего, мы все перепробовали и пробежали вдоль и поперек все, что нам принадлежало и не принадлежит. Начинается великий чудовищный разлом, который равен Вселенскому потопу. Возникает потребность цивилизации в великих летописцах и в Новом ковчеге. Если есть призыв Новой Эпохи, то будут и призывники. Правда, художники не хотят подобных потрясений и, наверное, не жаждут быть летописцами, а рассчитывают на другую судьбу. Они, конечно, хотят стабильности, заказчиков и покоя. Значит, они уйдут из большого искусства или уже ушли. Потому что у них уже есть убаюкивающая тиражная эстетика (которая тоже требует труда и умения), им предоставляются большие выставочные пространства, где их работы и будут находиться. Максимум, что возможно сейчас им предложить, – размышлять над умными картинами.

М. С.: Вы говорите – размышлять над умными картинами. Картины Сандро Боттичелли «Весна», «Рождение Венеры» очень сложны в плане иконографии. В то время у интеллектуальной элиты было такое развлечение – рассматривать его работы и обсуждать те образы и понятия, которые присутствовали там. Куда уже картинам быть глубже и умнее?! Но сейчас время другое. Какова все-таки основная движущая сила для художника, которая заставляет его что-либо создавать?

Н. С.: Нормальный художник не один раз творчески умирает и не один раз возрождается в творчестве. В XX веке это стало нормой, Пикассо – это чемпион по числу творческих смертей, возродиться из которых ему помогли женщины, впоследствии погубленные художником. Но у поэта Артюра Рембо творческая смерть была первой, вторая, физическая, настигла его через 20 лет.

Когда мне было 17 или 18 лет, то во мне умер тот художник, который создал огромное количество монгольских работ пастелью. Ушло то состояние, в котором они были созданы, а делать их искусственно не было никакого желания. А потом, по возвращении в Москву, начался период размышлений, связанный с типичными развлечениями молодого человека 1960-х годов. В тот период я разочаровался в художниках андеграунда и остался наедине с собой и с Архитектурным институтом. Были, конечно, посиделки с художниками из авангарда, но их искусство я воспринимал без особого восторга, считая это взглядом на западное искусство через замочную скважину.

Правда, дружба с поэтом Леонидом Губановым и обществом «смогистов» оказали на меня большое влияние, поскольку для художника важен не только показ его работ, но и поддержка его идей. Я не разделял пафоса и восторга представителей неофициального искусства по поводу того, что они делают нечто новое. Я считал и считаю, что самиздат не мог заменить образование, нельзя понять по переводным текстам, например, философию Хайдеггера, будучи абсолютно чуждыми этой философской традиции, культуре, общественному укладу, которые породили данный этап в развитии человеческой мысли. Понимать по-настоящему первоисточники (как восточные, так и западные), минув образовательную

систему, практически невозможно. На самом деле эта проблема глубже, чем кажется на первый взгляд. Но для советского общества того времени был полезен хотя бы такой доступ к информации.

Как только появлялась возможность временно покинуть Москву, я отправлялся в Среднюю Азию, так как Монголия мне уже была недоступна. Оттуда я всегда привозил большое количество работ. Но они были реалистичны, совсем неавангардны, однако в них присутствовал восточный колорит. И друзей-авангардистов эти мои работы не восхищали. По возвращении из путешествий (тогда были созданы пастели о Бухаре, Хиве, Самарканде) я понял, что в искусстве важен комментарий, по нему наблюдаешь свое собственное развитие. Важно постоянно комментировать свою жизнь в форме рассказов, притч, афоризмов. В период создания масок (1960–1970-е годы) я писал притчи и рассказы, но друзья-художники меня не поддерживали.

Параллельно с живописью и графикой я всегда занимался скульптурой и декоративным искусством. В юности делал монгольские маски из гипса и папье-маше, но не по канону. Например, у Маски Смерти, у черепов в глазах должны изображаться черепа, а я делал разнообразные морды в глазах у черепов. Или я сделал маску, изображающую Духа Горы в виде старика, но отличную от канона.

М. С.: Вы говорите, что художник непрерывно меняется. А что в тот период вы считали основой творчества?

Н. С.: Основа творчества – это пограничные состояния, и за основу своего существования я тогда взял Кодекс самурая. Рембо умер в 37, а в 18 лет закончил творчество. Но художник XXI века должен многократно возрождаться, а не разово вспыхнуть и сгореть. А тогда в молодости я считал так же, как поэт

Николай Сенкевич. «Мужчина и женщина 2». 2023

Леонид Губанов: «Да! Мазать мир. // Да! Кровью вен, // Забыв измены, сны, обеты. // И умирать из века в век // На голубых руках мольберта». Художники того времени, особенно поэты, все считали себя гениями и представляли, что они рано умрут. Пограничное состояние – это вызов себя самого на дуэль, увеличение угрожающей тебе опасности и накал страстей. Так поступали Лермонтов, Маяковский, Достоевский. Человек инертен, трудно творить, когда все хорошо. Художнику нужно специально провоцировать страсть и обострять чувства – это порождает пронзительные метафоры.

В 1990-е годы я понял, что те проблемы, которые стоят перед творческим человеком сейчас, невозможно решить до 37 лет. Они требуют долгой трезвой жизни, а разговоры

про смерть в 37 были игрой со смертью детского инфантильного сознания. Самые главные работы художника – это его недавние работы. Мои последние работы нанизаны на слово, а слово рождает мыслительный процесс как способ познания. В моих последних работах меньше декоративности и встречаются депрессивные ноты. Сама природа России подталкивает к глубоким размышлениям. Художники Аргентины или

Мексика тяготеют к другой свободе выражения: яркости, декоративности, передаче радости существования. Поэтому проникновенных картин там меньше.

М. С.: Вас, Николай Николаевич, пытались определить авангардисты, академики, члены Союза художников, используя для этого свои мерки, лекала (найти свой стиль, жить на продаже работ), при этом игнорируя важные для вас мировоззренческие категории. Такие, как «находиться в удовольствии» и «видение». Я всегда беру в расчет, что помимо моего понимания жизни есть иное понимание и иные категории. Если что-то не вписывается в стандартные поведенческие модели и типы (учитель – ученик, галерист – волонтер, мэтр – ремесленник), то для меня это становится предметом интереса. В этом смысле

ваш способ существования и продолжения творческой жизни стали для меня открытием.

Важная проблема российской культуры вообще и искусства в частности, как я полагаю, состоит в том, что культура в России развивается импульсами, скачками, а не представляет собой непрерывную культурную традицию и преемственность. Вы согласны с этим?

Н. С.: Когда прерывается эстафета поколений, то рушится система передачи знаний и традиций работы с информацией, которая передается только устно. Если бы можно было жить без устной передачи знаний, то люди могли бы просто читать книги и не тратить время на университеты и школы. Начиная с XVII века русские цари отправляли молодежь учиться на Запад, но практически никто не вернулся, а в советское время это был как спорт для экстремалов – уехать на Запад и, особо не напрягаясь, жить там в лучших условиях. Усилия отдельных личностей по созданию систем обучения кардинально не меняли ситуацию, потому что выпускники-отличники школ Колмогорова и Капицы при первой возможности уезжали за границу на выгодных для них условиях.

М. С.: Если говорить обобщенно, то культура – это, прежде всего, люди. А в России, словно по закону подлости, как только сформируется слой дельных, образованных, предприимчивых людей, то какая-то злая выюга берет и сдувает их почти подчистую. А потом опять начинаются попытки собирания и возвращения «своих» талантов, которые уезжают при первой же возможности, так как талантливые интеллектуалы не могут реализовать свои амбиции, потому что для них на родине нет достойно оплачиваемой работы. И главное – уважения к их личности. Потому-то мы поставляем человеческий капитал для Европы и Америки.

Н. С.: Есть качества, свойственные определенным нациям. Например, в Монголии очень хорошо умеют разводить лошадей, немцам свойственна рациональная организация труда. Русские люди скорее научатся летать, используя энергию своей воли и терпения, чем придумают новые механизмы и технологии для улучшения своей жизни. У европейцев делать машины получается лучше. Первый в мире паровоз был построен в 1803 году английским горным инженером Ричардом Треветиком. Первый паровоз в России был построен отцом и сыном Е.А. и М.Е. Черепановыми в 1833 году. К чему все это я говорю? Политика – немаловажная, но небольшая часть культуры, которая косвенно касается каждого художника. И сейчас она занимает слишком много места, и все от нее уже устали и хотят нормальной сытой жизни. Политика – это очень благодатная область для размышлений художника и также возжеленное поле для всякого рода ущербных людей. Для художника его размышления – это кирпичи, из которых сделаны современные произведения (то есть нужны этому пространству). В нашем меняющемся обществе можно многое понять с помощью политики, но не все. Например, нет рецепта, как мудро управлять нашей огромной необжитой территорией. И огромные пространства, завоеванные потом и кровью, стоят десятилетиями без дела и используются как тюрьмы. Потому что наиболее предприимчивые люди хотят эмигрировать, а управлять, получается, некому. В последнее время нашей культуре стала свойственна даже не ложь, а лукавство и лицемерие, например, как в картине И. Глазунова «Мистерия XX века».

М. С.: Социальный заказ в начале XXI века может быть выполнен лишь через лицемерие со стороны

художника. В 1990-е годы для художников в России не было соцзаказа: делай что хочешь и выживай как хочешь. Кризис государственных идеологий в конце XX века сделал невозможным выполнение соцзаказа с искренностью хотя бы уровня послевоенного сталинского ампира. Большинство художников считают, что история и политика к ним не относятся, поскольку творец работает с вечными ценностями (или, как считали в Средневековье, творит не сам художник: он – Божья дудка).

Н. С.: Это очень наивно с их стороны. Так могут говорить люди, не знающие, что художника выводят на крупные аукционы люди, которым он выгоден. В том числе из политических соображений. Если ты занимаешься самовыражением и не ждешь определенных результатов от своих действий, то можно политику и не учитывать.

М. С.: Что творчество дает в жизни, чем ее украшает, на ваш взгляд?

Н. С.: Творчество, как ничто другое, дает долгую радость. Творчество – это непрерывный поток мыслей. Творчество спасает от одиночества, и оно единственное, кроме религии, отдаляет от смерти. Совместное творчество – это современный способ максимальной творческой эйфории. Например, кино. Но совместное творчество в литературе, в живописи – это то, что сейчас находится в кризисном положении. Впрочем, это очень сложный и неразработанный вопрос. Меня он интересует, и я пытаюсь в нем разобраться.

М. С.: Вы ранее говорили о занятиях живописью в молодости. Это было связано с богемным образом жизни? С употреблением алкоголя, например?

Н. С.: Если бы не здоровье, употреблял бы и сейчас. Но все же жизнь важнее всяких горячительных напитков. Помогает общение с молодежью. Наркотики никогда

не употреблял. Мое поколение художников в основном вспоено алкоголем. Наши картины пахнут водкой. Алкоголизм – это тоже способ познания, на уровне религиозного чувства. Не я один так думаю. Так думали и думают многие писатели и художники. Это всем известно.

М. С.: Можно ли считать гордыню двигателем творчества?

Н. С.: Я уже говорил, что даже китайские императоры считали себя сирыми и убогими. Гордыня – это мой главный враг. В XXI веке она является помехой, она человеку развлекающемуся доставляет много хлопот – как, например, владение особняками и яхтами. Гордыня заставляет художника сначала делиться в конкурентной борьбе. Потом вступают в действие обычные качества человека, которые являются смертными грехами, такие как жадность, сребролюбие, зависть (надо всегда держать планку). Это большая ответственность – обслуживать символы своего высокого статуса.. Надо потратить много энергии, чтобы заработать на все это, нужно соблюдать правила игры, слушаться авторитетов и т.д. Тут уже радости от творчества нет никакой. Тут радости другие, помельче. Но в XX веке это был главный двигатель культуры. Такая фигура, как Пикассо, является непревзойденным памятником гордыни всех времен.

Я вообще очень напрягаюсь, когда приходится показывать свои работы кому-либо. Мне всегда казалось, что тот, кто смотрит на них, знает гораздо больше меня и находит в них фальшь. Поэтому я стал готовить к своим работам сопроводительные тексты и вставлять их в рамочки. Я их называю оправдательными документами или последней речью на суде. Еще более неприятно ставить подписи и думать, что же скажут потомки. Это я о себе. Я люблю замечать следы.

«ДОН КИХОТ»: РЫЦАРЬ БАЛЕТНОГО ОБРАЗА

Кредо балета – не война, а мир, не тяжеловесность, а легкость, не бой с ветряными мельницами, а танец...

СЕРГЕЙ МАКИН

Искрометная Китри – Мария Александрова. Сцена из балета Людвиг Минкуса «Дон Кихот». Постановка Большого театра / Фото: Дамир Юсупов

В романе Мигеля Сервантеса поединок благородного идаляго с безродным интеллигентом из-за прекрасной дамы заканчивается поражением дворянина. В жизни Мариуса Петипа была похожая история. Первый секретарь французского посольства в Мадриде приревновал танцовщика к своей «Дульсинее» и решил проучить «актеришку». В мемуарах балетмейстер условно называет своего противника «маркизом Ш.». Английский историк балета Айвор Гест посчитал, что это был граф де Шабриан.

«Узнав о моих ночных посещениях и подозревая во мне соперника,

подкараулил он меня одной темной ночью и в сопровождении слуги, освещавшего ему путь факелом, накинулся на меня раньше, чем я успел попасть на балкон, – пишет Петипа. – Мне удалось, к счастью, увернуться от готовившихся мне побоев, и, крепко сжав в руке своей стилет, я стал выговаривать маркизу, которого узнал, что недостойно француза такое предательское нападение сзади и что он забыл, видно, на чужбине, что француз встречает всегда противника лицом к лицу.

– Хорошо, – говорит он мне, – я буду ждать вас утром со своими секундантами там-то».

Где было во втором часу ночи найти секунданта? Петипа обратился к французскому мастерскому, которого он ранее ссудил деньгами, чтобы земляк мог открыть в Испании собственное дело. Тот дал согласие, и на следующее утро поединок состоялся. Хореограф описал его так:

«– Прежде чем начать дуэль, – говорит мне герцог (секундант про-

тивника Петипа. – С. М.), – я уполномочен моим клиентом предложить вам десять тысяч франков, если вы согласитесь немедленно покинуть Мадрид.

– Передайте своему клиенту, что я приму эти деньги лишь при условии, что за каждый франк дам ему по пощечине.

– Так на места, – кричит в бешенстве маркиз, – я проучу вас как следует.

– Посмотрим, – отвечаю я, – кто кого проучит.

И мы становимся на позиции. Первый выстрел принадлежит ему, оружие дает осечку, и я предлагаю ему начать снова. Он стреляет...

промах, а моя пуля разбивает ему нижнюю челюсть».

Великого человека всегда стремятся принизить, очернить. Напирая на то, что в мемуарах Петипа есть неточности, злопыхатели поспешили усомниться и в его правдивости, и в моральном облике.

Кроме воспоминаний Петипа, есть только два описания этой дуэли – в двух баварских газетах за 1844 год: *Augsburger Tageblatt* («Аугсбургская ежедневная газета») и *Der Bayerische Eilbote* («Баварский курьер»). В обеих утверждается, что артист поступил подло: он выстрелил в соперника, когда тот перезаряжал свой пистолет. Но достоверна ли эта информация?

Во время Наполеоновских войн Бавария сначала стала союзницей Наполеона, затем выступила против него. После победы над Бонапартом вплоть до Первой мировой войны в германских землях были сильны антифранцузские настроения, французов обычно изображали легкомысленными людьми с низкими моральными качествами, противопоставляя им «честных добрых немцев». Итак, объективность германской прессы в отношении Петипа вызывает сомнения.

Другой важный момент: соответствует ли действительности «неблагородное» поведение танцовщика на поединке? Ведь человек, нарушивший строжайший французский дуэльный кодекс графа де Шатовиллара 1836 года, подвергался общественному ostracismu. Если бы Петипа нарушил кодекс, разразился бы чудовищный скандал, который наверняка раздула бы пресса (на худой конец, молва) и в Испании, и во Франции, после чего артист стал бы, выражаясь современным языком, «нерукопожатным». Между тем, переехав в Петербург, Петипа нередко ездил на родину. Неизвестны случаи,

Рыцарь Печального Образа с Росинантом и Санчо Панса на ослике. Дон Кихот – Алексей Лопаревич. Большой театр / Фото: Дамир Юсупов

чтобы в России или во Франции к балетмейстеру относились как к бесчестному человеку.

Рыцарь Веселого Образа

Мариус Петипа поставил балет по роману Сервантеса на музыку Людвиг Минкуса в 1869 году в Москве, а спустя два года в Петербурге. В 1900-м Александр Горский, ученик маэстро, создал в Большом театре свою редакцию, ставшую классической. Учитель был уязвлен. В мемуарах старый заслуженный балетмейстер критиковал своих преемников, которые, по его мнению, относились к нему без должного почтения: «Нет такого балетного представления, где бы не использовались мои па, но при этом их не удосуживаются даже как следует отрепетировать, да еще забывают упомянуть на афише мое имя. Пример: в балете “Тщетная предосторожность” г-жа Преображенская и г-н Легат исполнили *pas de deux*, который на афише значился как сочинение г-на Н. Легата. В это па они целиком вставили мою вариацию, и г-жа Преображенская

имела громадный успех, вполне, конечно, ею заслуженный.

Да будет известно публике, что самое трудное во всяком па – это сочинить вариации, потому что каждый раз нужно им придать совсем новый стиль, отличный от всех остальных. Ну так вот, имя мое на афише названо не было. Что же будет после моей смерти? Должно быть, оно тогда и вовсе не будет упоминаться в афишах. Ведь того, как видно, и хочет г-н директор (Владимир Теляковский, последний директор Императорских театров. – С. М.), раз он выбросил мою лезгинку из “Руслана”.

Вот и г-н Горский без зазрения совести заимствует мои идеи. Уезжая в Москву, сей господин записал с помощью хореографических знаков все те па, что я сочинил в Петербурге; в “Дон Кихота” он вставил танец с кинжалами, который я поставил в балете “Зорая”, и т.п. Эти господа стали до того важными, что с ними, того и гляди, приключится то же, что случилось в басне “Лягушка и вол”».

Нельзя сказать, что балет «Дон Кихот» рассчитан на все вкусы, потому что вкусов всего два: хороший и дурной. Лучше сказать, что

Сон Дон Кихота — образец белого балета. Повелительница дриад — Ольга Смирнова. Постановка Большого театра / Фото: Дамир Юсупов

он рассчитан на любителей и характерного танца, и изысканного белого балета, и блистательного па-де-де. Даже на любителей драйва: рыцарь Печального Образа бросается в атаку на мельницу.

В «Дон Кихоте» танцуют крестяне, тореадоры, дочь трактирщика Китри, ее возлюбленный — цирюльник Базиль, Повелительница дриад, маленький Амур, оруженосец Санчо Панса. Благородный идалго — один из немногих нетанцующих персонажей этого балета. Два других — конь Дон Кихота и осел Санчо Пансы.

Англичанин Харкерт Альджеранов, автор книги «Мои годы с Павловой», вспоминал о гастролях труппы великой балерины, которая возила по всему миру балетные спектакли, в том числе «Дон Кихота»: «Некоторые из танцовщиков смеялись над тем, как я сидел на крестце у осла, но оценили мою мудрость на последнем представлении, когда осел опустил голову и бедный Марковский (один из танцовщиков труппы, поляк по происхождению. — С.М.) кувырком свалился на сцену. Порой было трудно нанять осла для Санчо Пансы,

и конечно же, мы не брали осла с собой в поездку; в одном американском городке он стоил нам двадцать пять долларов за представление.

Росинант тоже доставлял нам немало хлопот. Всегда выбиралась белая лошадь, затем ее оформляли подобающим образом, чтобы она соответствовала плачевной внешности знаменитого коня Дон Кихота. В Лондоне «грим» оказался настолько эффектным, что какая-то престарелая любительница животных заявила свой протест в Королевское общество защиты животных».

В 1871 году в России не было общества зоозащитников, иначе великому хореографу досталось бы на орехи. Петипа пишет: «Накануне первого представления моего балета “Дон Кихот” отправился я на Семеновский плац и там, на Конном рынке, отыскал лошадь, достойную стать Росинантом. В вечер премьеры на сцену пришли великие князья, чтобы полюбоваться этой лошадкой с уныло повисшей головой, торчащими ребрами и волочащейся задней ногой. Великий князь Константин Николаевич спросил меня:

— Петипа, где это вы раздобыли такую лошадь, это же настоящий Росинант?

— Купил на Семеновском плацу, Ваше Высочество!

— И сколько за нее дали?

— Девять рублей, Ваше Высочество.

— Да это просто даром, Петипа! Теперь у вас одной артисткой больше!

В самом деле, при первом своем выходе лошадь имела огромный успех — публика долго аплодировала, в зале долго не смолкал хохот».

У Сервантеса бедный дворянин Алонсо Кехана хочет уйти из унылой обыденной жизни в яркий мир рыцарских романов. В балете дается ответ на терзающий Дон Кихота вопрос: как осуществить мечту о прекрасной жизни? Ответ чисто хореографический: надо слезть с коня, сбросить с себя броню, стать рыцарем не Печального, а Веселого Образа, отдаться танцу. Кредо балета — не война, а мир, не тяжеловесность, а легкость, не бой с ветряными мельницами, а танец на городских площадях и на лоне природы. Увы, идалго так и не пустился в пляс. Хотя музыка Людвиг Минкуса темпераментна, зажигательна, мажорна.

Девушка без комплексов

Лада Исупова, автор книги «Мастер-класс. Записки концертмейстера балета», рассказала об отчетном концерте в американском колледже. Порядок там такой: студенты учатся по специальности и одновременно обязаны посещать спортивные секции, танцевальные студии — кто что выберет: модерн, джаз, классику. На концерт Лада пошла со своей матушкой.

«Маман шла напряженно и сосредоточенно, воинственно развернув все боевые знамена. Она готовилась к разгрому американской балетной

школы и битве за честь русского балета... Давали большой фрагмент “Дон Кихота”... Огромный кордебалет замер, как натянутая тетива, впереди четыре солистки и наша прима — ах!.. Не описать ее я не могу, иначе вы возьмете и представите себе какую-нибудь среднестатистическую выпускницу хореографической училища, а это неправильно.

По внешности, телосложению и жаропышущему эффекту она была очень похожа на Федосееву-Шукшину... Размер груди, пожалуй, четвертый. Когда я впервые увидела ее в классе, то опешила — а как же ее поднимать-то будут?..»

И начался балет. Мама удивлена: можно было сделать адаптированный вариант, а студенты исполняют все максимально близко к оригиналу. Интересуется:

«— А эта девочка откуда?

— Биохимия.

— А эта?

— Психология.

— А эта?

— Political Science.

— Что это?

— Государством управлять будет. Матушка вдумчиво сосредотачивается на сцене: мысленно ставит Слиску на пуанты...

И с этой минуты, убедившись, что русскому балету здесь ничего не угрожает, она совершенно успокоилась и немедленно занялась решением другой проблемы:

— Так. А почему зал молчит?

— А... что надо делать?

— Как что?! А где аплодисменты? После восьмого фуэте должны хлопать... Это же ни в какие ворота не лезет — они такие вещи вытанцовывают. “Дон Кихот” — не что-нибудь вам, а все сидят как на похоронах!.. — И, поймав нужный момент, она бросается аплодировать и кричать: “Браво!” — одним словом, буйствовать...

Буйствовать оказалось совсем несложно. Как раз наоборот — от танцующих шла такая заражающая

волна восторга, что сидеть букой было гораздо неестественнее; может, поэтому зал почти сразу вышел из своего молчаливого созерцания и присоединился к общему веселью... “Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали” — это про тот вечер...

Домой шли в роскошном на строении. Все свои плохие слова об американском балете беру обратно! У нас с таким материалом и работать никто не будет!.. А перед педагогами так просто преклоняюсь! Тут надо быть либо до посинения добросовестными, либо с таким громадным чувством юмора!.. Ну виданное ли это дело?! Это ж... это ж такую грудь на пуанты поставить!>

Юноша с комплексами

Факультативы по хореографии — не открытие Америки. Когда я училась в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина, у нас был ФОП — факультет общественных профессий. Студент (физик, историк, биолог, филолог) мог вдобавок учиться на театральном, музыкальном, хореографическом отделениях. Но я был юноша с комплексами, склонный к полноте. Да и полученная в юности шейно-плечевая травма очень мешала. И все же после окончания института я решил и стал героически выполнять *battement tendu, demi plié, rond de jambe par terre*... Станок, середина, прыжки, репетиции, концерты. Занимался в Доме культуры имени 40-летия Октября на Рязанском проспекте при московском заводе «Молния». Это был настоящий дворец с коринфской колоннадой на переднем фасаде и дорической на заднем. В этом Доме культуры маленькой девочкой начинала свой путь в балет Ирина Пяткина, ставшая потом солисткой Большого театра. Занятия вели бывшие балерины,

Вот такая самодеятельность была в Советском Союзе! На фото — автор статьи с партнершей Леной Кочергиной. 1980-е годы

над коллективом шефствовал музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Шефы приезжали с концертами, передавали балетные костюмы для спектаклей.

Начал я с того, что размахивал плащом тореадора в сцене из «Дон Кихота». В «Спящей красавице», которую у нас поставили, исполнял роль принца Дезире — и по совместительству Кота в сапогах, а иногда и Волка в дуэте с Красной Шапочкой: ребят в коллективе было — раз, два и обчелся.

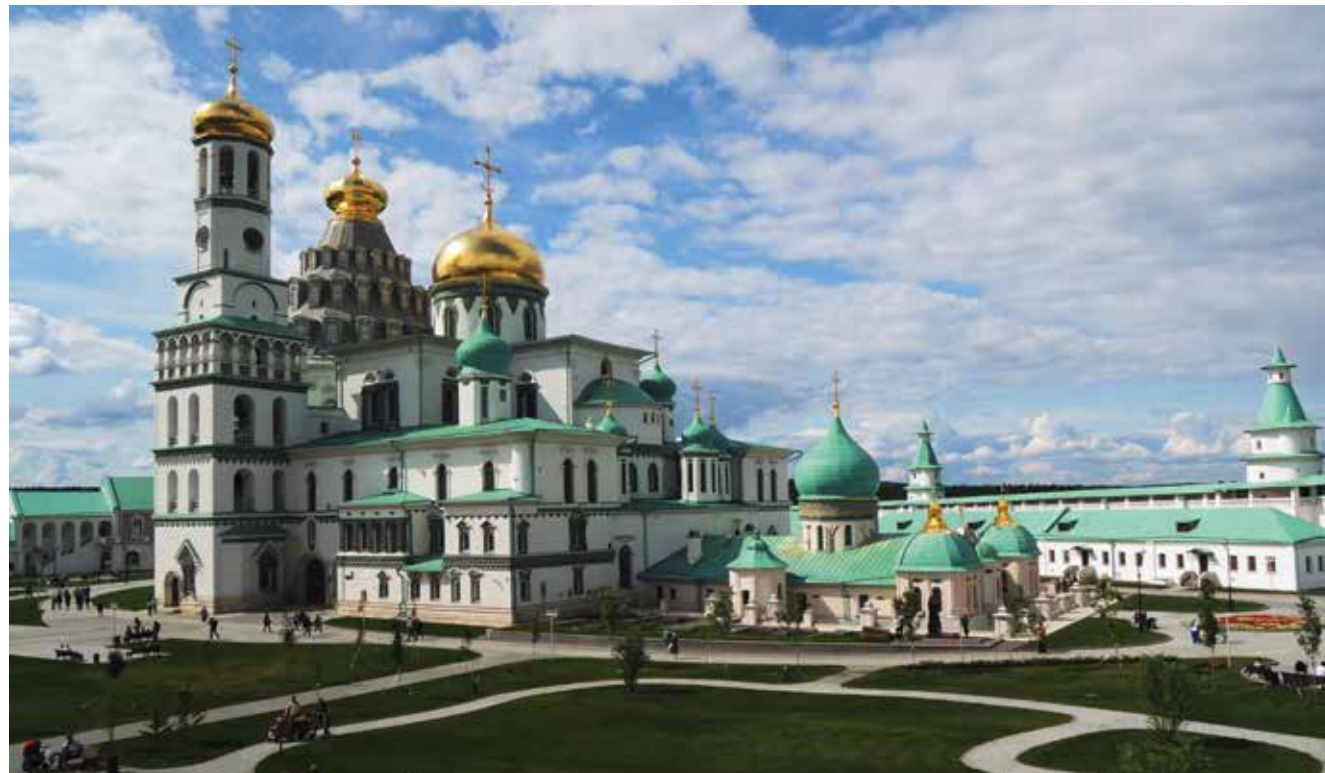
В 1990-х машиностроительный завод «Молния» оказался не нужен. Дом культуры пошел по рукам. Практичные новые хозяева не выбросили балетные шмотки из костюмерной на помойку как ненужный хлам — они одели в шопеновские пачки юных официанток, подававших виски, водку и закуску в баре при бывшем культурном заведении.

Одна из преподавательниц говорила нам: «Теперь будете заниматься, пока из вас песок не посыплется». Пока не посыпался, надо взяться за старое: сейчас опять балетные группы для взрослых появились. Этот танец не задушишь, не убьешь!

МУЗЫКА ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ!..

VI Музыкальный фестиваль на открытом воздухе «Лето. Музыка. Музей»

ЛОЛА ОДИНЦОВА

Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря в подмосковной Истре

«Пожалуйста, одевайтесь по погоде, позаботьтесь о дождевиках и пледах. Зонты над головой постарайтесь не открывать, чтобы не загораживать обзор зрителям, которые сидят за вами». Эти рекомендации, распространяемые несколько месяцев подряд по всем медийным носителям Подмосковья, весьма пригодились любителям музыки прошедшим летом. Погода и в самом деле оказалась непредсказуемой в окрестностях Первопрестольной. Это, как говорится, полбеда, если бы не одно неизбежное при

сложившихся обстоятельствах «но»: музыкальные фестивали, о которых мы расскажем, проходили под открытым небом. ...Тучи с утра нависли над золотыми куполами Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря. Дождь, согласно прогнозам метеорологов всех мастей, ожидался с минуты на минуту. Но когда на беззащитные ряды поклонников классической музыки, собравшихся в амфитеатре музея «Новый Иерусалим», грянул ливень, он все равно оказался недобрый сюрпризом. И тем не менее никто – ни одна

живая душа! – уникальный спектакль не покинул. Никаким громам небесным не было по силам помешать звучать музыке Сергея Рахманинова! «Да, программа VI Фестиваля под открытым небом “Лето. Музыка. Музей” посвящена 150-летию со дня рождения великого русского композитора, – сказал в беседе с корреспондентом “Русской мысли” дирижер Дмитрий Юровский. Младший представитель знаменитой музыкальной династии, он стал в этом году художественным руководителем форума. – Как всегда,

программа фестиваля необычайно насыщена. Это рахманиновские Концерт № 2 для фортепиано с оркестром до минор и Симфония № 2 ми минор в исполнении Государственного академического симфонического оркестра России им. Е. Ф. Светланова и произведения Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, А. Аренского, С. Танеева... Такой наш выбор понятен. Все эти мастера были наставниками Сергея Рахманинова. Поэтому фестиваль посвящен в том числе и им». Характерно, что фестиваль на пленэре у живописных подножий уникального Новоиерусалимского монастыря состоялся всего несколько дней спустя после IX Международного фестиваля искусств П. И. Чайковского, прошедшего в соседнем Клину. На Большой поляне Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П. И. Чайковского и в Сестрорецком парке шесть дней продолжался праздник музыки. Гала-концерт открытия фестиваля был посвящен 150-летию со дня рождения великого оперного певца Федора Шаляпина. Вечер балета был представлен спектаклем «Кармен-сюита» в исполнении балетной труппы Государственного академического Большого театра России, впервые участвующего в фестивале. Старт же летнему сезону подмосковных концертов на открытом воздухе был дан в музее-заповеднике Архангельское, в усадьбе князей Юсуповых. Гости слышали выступления джазовых коллективов Петра Востокова и Вадима Эйленкрига, оркестра волинщиков Москвы и многих других исполнителей. Затем там же начался фестиваль «Ночи барокко»: в его программу вошли сочинения Антонио Вивальди, Иоганна Себастьяна Баха, Генри Перселла. В фестивале «Лето. Музыка. Музей», проходившем 5–9 июля,

приняли участие мировые звезды: пианист-виртуоз Денис Мацуев, оперный певец Ильдар Абдразаков, Юрий Башмет, художественный руководитель, дирижер и солист ансамбля «Солисты Москвы»... Сенсацией новоиерусалимской программы явилось выступление молодого музыканта Ивана Бессонова, победителя Первого музыкального конкурса имени С. Рахманинова. «Мои любимые композиторы – Рахманинов, Прокофьев и еще Равель – рассказал “Русской мысли” Иван Бессонов сразу после выступления. – Рахманинова играю с особым чувством, духовная близость, наверное... Публика на фестивалях под открытым воздухом особенная. Она слушает тебя затаив дыхание. В Новом Иерусалиме, рядом с величественным Вознесенским монастырем, это так. В Санкт-Петербурге, моем родном городе, и в Москве слушатели и зрители словно изучают тебя: сможешь ли ты взволновать их, не разочаруешь ли? А на фестивале “Лето. Музыка. Музей” в Новом Иерусалиме публика сразу доверяет тебе, и хочется играть для нее с особым подъемом». Надо сказать, Бессонову, игравшему рахманиновскую уникальную «Рапсодию на тему Паганини» для фортепиано с оркестром ля минор, это сполна удалось. Два дня фестиваля были заявлены как дни Большого театра России. Он впервые выступил под открытым небом Подмосковья в полном составе: хор, оркестр, солисты. Всего – больше 170 исполнителей на сцене! Для ценителей классической музыки подготовили рахманиновские оперу «Алеко» в концертном варианте и поэму «Колокола». «Нам очень приятно принять участие в фестивале “Лето. Музыка. Музей”, – сказал генеральный директор Большого театра России Владимир Урин. – Высокий

уровень исполнения, интересные программы, концептуальное единство и, конечно, особая атмосфера Нового Иерусалима, русской культурной святыни, сделали фестиваль интереснейшим музыкальным событием лета... Возможно, само место – Российская Палестина – и непосредственная близость к храму и одного из самых значительных музейных комплексов московской земли, сам ее воздух придали особую силу и глубину рахманиновским произведениям». Что тут добавить? За первую пятилетку на новоиерусалимской сцене выступили выдающиеся мастера и коллективы: скрипач Максим Венгеров, пианисты Николай Луганский, Андрей Коробейников и Кирилл Герштейн, виолончелист Миша Майский, дирижеры Владимир Юровский, Андрей Бореико, Александр Рудин, певицы Альбина Шагимуратова и Анна Аглатова, Российский национальный оркестр и камерный оркестр *Musica Viva*... Всех не перечислишь! И все эти годы президентом фестиваля является народный артист России, руководитель Московской областной филармонии Максим Дунаевский. «Музыка Рахманинова – всепоглощающая, царящая красота, она излучает необыкновенный, божественный свет, – сказал Дунаевский. – Для того, чтобы фестиваль классической музыки набрал силу, необходимо, как показывает опыт, работать не менее десяти лет. Только после такого срока фестиваль набирает обороты, приобретает авторитет, обрастает нужными связями. Это не моя придумка, это чистая практика самых разных фестивалей в различных странах... А вот праздник музыки в Новом Иерусалиме – исключение из правил: он, образно говоря, набрал соки всего за пять лет. В этом году он проводится в шестой раз, и посмотрите, каковы участники. Каковы зрители!.. Да здравствует великая музыка!»

РОЗЫ И... КРЕСТ

Продолжение. Начало в № 155/05–06 (5026) и 156/07–08 (5027)

ВЯЧЕСЛАВ НЕДОШИВИН

Арбат, 51. Бывший доходный дом В.П. Панюшева. 1912. Архитектор А. А. Иванов-Терентьев

5. «ЧЕЛОВЕК С ОБОДРАННОЙ КОЖЕЙ» (Адрес пятый: Москва, Арбат, 51)

«Остановить бы движение, пусть прекратится время», – сказал Блок Горькому за год до смерти. Даже ногой топнул.

Сначала вынес приговор себе: «Большевизм, – сказал Буревестнику, – неизбежный вывод всей работы интеллигенции на кафедрах, в редакциях, в подполье...» А потом спросил, что тот думает о бессмертии. Начитанный Горький сказал, что ученый Ламенне считает – все в будущем повторится и через миллионы лет в хмурый вечер они опять будут сидеть вдвоем и говорить о бессмертии. Тогда мало кто знал о Большом взрыве, о расширяющейся Вселенной, о сингулярной точке, о чем знают ныне даже школьники.

«А вы, вы лично, что думаете?» – уперся Блок. И когда Горький пробормотал что-то о превращении всего в сплошную мысль, Блок перебил его: «Дело – проще, – сказал, – мы стали слишком умны, для того чтобы верить в бога, и недостаточно сильны, чтобы верить только в себя». Вот после этих слов и бросил: «Остановить бы движение...» Да, остановить бы! Может, тогда мы разгадали бы, отчего звали его «сфинксом»?

«Человек с ободранной кожей», – скажет о нем поэт Георгий Иванов. Гумилев, отнюдь не друг, признает: «Он удивительный... Если бы прилетели к нам марсиане, я бы только его и показал – вот, мол, что такое человек». А Цветаева, назвавшая его «сплошной

совестью», будет так боготворить его, что, посвятив ему цикл стихов, увыв, не решится сама передать их. Передаст через дочь. Все стихи передаст, кроме того, где уже предсказала его смерть. Из суеверия, из убеждения, что все сказанное в рифму – сбывается...

Все случится 14 мая 1920 года в Доме искусств на Поварской...

«Выходим еще светлым вечером, – вспоминала Аля, дочь Цветаевой. – Марина объясняет мне, что Блок – такой же великий поэт, как Пушкин». Цветаева же, увидев Блока, запишет: «Худое желтое лицо с запавшими щеками... большие ледяные глаза, короткие волосы – некрасивый... Одежда сидит мешковато, весь какой-то негнущийся – деревянный!.. В народе бы сказали: убитый». Но тут же добавит: «Все! все! все в мире бы отдала за то, чтобы – ну, просто, чтобы он меня любил!» Радовалась, что вокруг него «изумительные уроды», что он некрасив и других не очаровывает: «Значит – больше мой!» Но особо ликовала, когда поймала «волну», на которой он думал. Просто все в зале стали просить Блока прочесть еще и «Незнакомку». «У меня на губах, – пишет Цветаева, – “Седое утро!” Зала: “Незнакомку!..” Я, молча: “Седое утро!” Зала: “Незнакомку! Незнакомку!” Я, окаменев: “Седое утро!..” И в ту же секунду Блок, словно услышав ее, тихо объявляет: «Седое утро...»

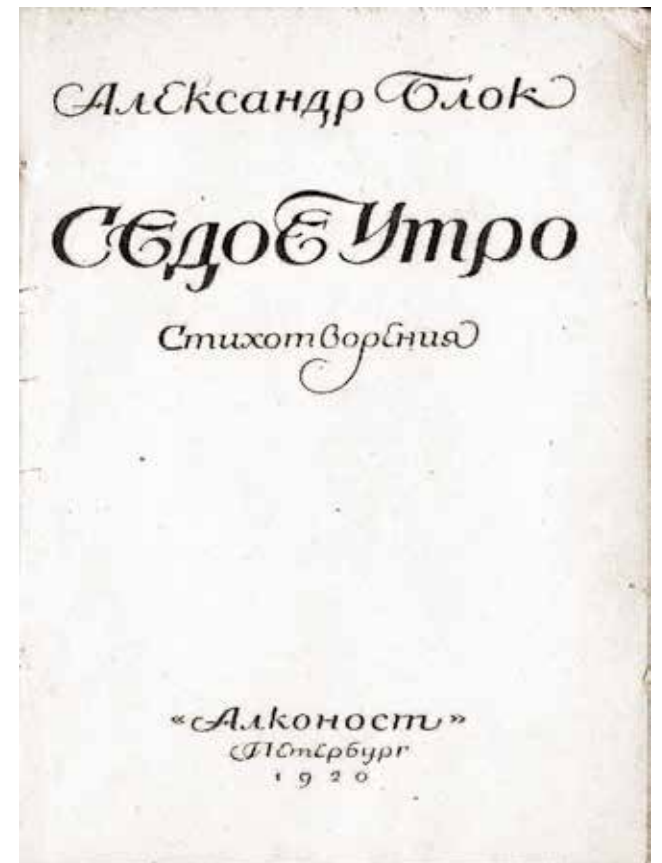
Ей очень хотелось подойти к нему. Чего, казалось бы, проще: «Я такая-то...» Но в тетради после этих слов вывела: «Обещай мне за это всю любовь Блока – не подожду». И не подошла. Когда вечер окончится, попросит знакомого подвести к Блоку Алю с конвертом ее стихов. «Я, когда вошла в комнату, где он был, сделала вид, что просто гуляю, – пишет Аля. – Потом подошла к Блоку. Осторожно взяла его за рукав. Он обернулся.

Я протягиваю письмо. Он шепчет: “Спасибо”». Цветаева скажет, что жадно подглядела из зала, как синий конверт ее Блок медленно прятал в нагрудный карман. «Так близко от сердца – в котором я никогда не буду», – запишет. И неожиданно добавит: «Боюсь, что скоро умрет. Нельзя – так – без радости...»

Больше его не увидит. Но, не увидев – фантастика! – узнает, как Блок в тот же вечер, улыбаясь, читая ее письмо. Это расскажет ей позже Надя Нолле, у которой Блок жил в 1920-м в Москве (Арбат, 51). Расскажет, что письма и записки читала ему она, после позднего чая.

«Так было и в этот вечер», – запишет Цветаева ее слова. «Ну, с какого же начнем? – рассказывала Надя Цветаевой. – Он: “Возьмем любое” – И подает мне как раз Ваше. Вскрываю и начинаю читать, но у Вас ведь такой почерк... Да еще и стихи... И он, беря у меня из рук листы: “Нет, это я должен читать сам”. Прочел... и потом такая до-о-лгая улыбка. Он ведь очень редко улыбался, за последнее время – никогда...»

Как слушала рассказ Нади Цветаева непредставимо; она ведь в ревности, да еще – к «божеству», не уступила бы никому. Ведь, записав это, она, уже подруга Нади, тут же едко добавит про нее: вот такие – обыкновенные, слабые

всегда будут побеждать – «такие с Блоком, а не я...»

Блока в 1920-м позвала в Москву Надя. Поселила у себя, в трехкомнатной квартире на Арбате, где жила с мужем – уже сорокалетним Петром Коганом, уже профессором МГУ, кого Цветаева назовет «ангелом-хранителем писателей».

«– А я вас очень стесню? – спросил Блок Надю. – Ведь я теперь “трудный”».

– Не будем обсуждать этого сейчас, – рассудительно ответит Надя, – а через три дня я спрошу, есть ли у вас ощущение того, что вы нам в тягость...»

Тот май 1920-го окажется феерическим для Блока – последняя московская феерия. Все 11 дней звонки, письма, цветы, паломничество молодежи. «Он, – пишет Надя, – повеселел, помолодел, шутил, рисовал карикатуры». Надя отдаст ему ключи от квартиры и по утрам

Александр Блок и Корней Чуковский. 1921

сквозь сон будет слышать, как тихо хлопала дверь – поэт уходил гулять, чтобы к завтраку вернуться с цветами.

Но про «убитость» Блока в тот приезд Цветаева написала не зря – он еле скрывал от Нади и свое раздражение, и усталость. Надя спасала его, как могла. Почти сразу поедет к нему в Петроград, подружится с матерью Блока, с Любой, будет вытаскивать его на прогулки, и однажды, в Летнем саду, поэт и поведаст ей о той тайне, о которой она так и не скажет никому. А через девять месяцев, когда Надя будет на последнем месяце беременности, вновь вытащит его в Москву. Увы, теперь и Москва не спасет его.

Но в первый приезд Блока в Москву они еще гуляли с Надей по городу. Вместе ходили в театры

и кино, приглашали к себе поэта Чулкова и того же Вячеслава Иванова. Однажды навестили Юргиса Балтрушайтиса – то ли еще на Покровке (Покровский бул., 4/15), то ли уже на Поварской (Поварская, 24), куда поэт этот, ставший к тому времени послом Литвы в России, переехал как раз в 1920-м. Да, Надя, конечно «царила», а Блок, кажется, лишь не давал пока воли своему раздражению. Чуковский, во всяком случае, спрашивал и не раз: «Какого черта я поехал?» Но два события в тот первый приезд в Москву – кукла и скамья – Блока все-таки обрадуют.

Как-то утром раздался звонок... Все в квартире еще спали. Сонная Надя отворила дверь, и ей передали (кто – неизвестно, она пишет – «инкогнито») довольно большой сверток и... ветку яблони в цветах.

«Я положила все это в столовой... около прибора Блока, – пишет Нолле. – Когда он встал и вышел к завтраку, то развернул пакет. В нем оказались две куклы: Арлекин и Пьеро». Намек, символ, память о «Балаганчике»? Скорее, все вместе, но куклы были ужасно красивы. Лилово-черный Арлекин и весь в белом шелке с черным тюлевым жабо и атласным алым плащом, перекинутым через плечо, Пьеро. На руке у Пьеро было даже кольцо. Арлекина Блок оставит себе, а красавца с кольцом Пьеро подарит Наде. Тоже символ...

А вторым «событием» станет московская скамья – любимая скамейка их прогулок. Необычным окажется место, где она стояла, – сквер на набережной у самых стен Храма Христа Спасителя. Ныне у храма все восстановлено: и сквер, и часовня, и даже скамейки. Когда мы снимали тот фильм о Блоке, с которого я начал рассказ, я не нашел в сквере разве что «белостволой березы», о которой пишет Надя.

«Кто помнит еще этот сквер и эту скамью над рекой, – напишет в коротких воспоминаниях Надя, – и тонкую белостволую березку за нею и куртины цветов. Над головой стрижи со свистом рассекают воздух, внизу дымится река, налево – старинная церковь, дальше, на другом берегу, – дома, сады. Блок спокойно, вольно сидит на скамье... Он снял шляпу, ветер легко играет шелковистыми мягкими выющимися волосами, кожа на лице уже загорела, обветрилась, он курит, задумчиво глядя вдаль. Мы то говорим, то молчим...» На этой скамье он читал ей Лермонтова, Боратынского, готовые куски своей поэмы «Возмездие». И именно это, полюбившееся ему место будет, верно, манить его, когда он соберется в Москву в последний раз – через год. Он приедет в Москву в 1921 году и, кажется, обманется. Ничего в его жизни

любимая Москва поправить уже не сможет. Скажу больше, именно в Москве в тот последний приезд Блока публично назовут «мертвецом». Словно приговорят!

В последний раз уезжал в Москву из Петрограда 1 мая в полдень, под гром праздника и ликующие крики победившего пролетариата, под медное буханье оркестров во главе бесконечных кумачовых демонстраций, в которых застревала пролетка Блока, спешащего к поезду. В Москву собрались втроем: Блок, Чуковский и Алянский, издатель, с которым поэт сошелся в последние годы. Чуковский, помнивший слова поэта, уже сказанные ему: «Я... чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства, нет и когда живешь со сцепленными зубами», – теперь запишет в дневнике, что поэт поехал в Москву «против воли».

«Как-то в разговоре, – пишет Чуковский, – он сказал мне с печальной усмешкой, что стены его дома отравлены ядом, и я подумал, что, может быть, поездка в Москву отвлечет его от домашних печалей...» А Алянский вспоминал: «Я тоже поехал в Москву по просьбе Александра Александровича и его близких, на случай, если ему понадобится чем-нибудь помочь. Мать и жену беспокоило нездоровье Блока».

От поездки Блока отговаривала одна Люба, но ей он ответил: «Меня зовут, значит, я нужен, а если нужен, значит, надо ехать...»

Снимая фильм о Блоке, мы объехали все места Москвы, где он побывал в последний раз. От вокзала, где его встречала беременная Нолле-Коган, мы ехали к ней на Арбат той дорогой, которой, возможно, ехали они: Мясницкая – Лубянка – Охотный ряд – Воздвиженка. Машину для встречи Блока, как пишет Чуковский, дал теперь Коганам сам

Каменев. «Машина – чудо, – пишет в дневнике Чуковский, – бывшая Николая Второго, колеса двойные, ревет как белуга. Сын Каменева с глуповатым и наглым лицом беспросветно испорченного хаменка. Довезли в несколько минут на Арбат к Коганам. У Коганов бедно и напыщенно,

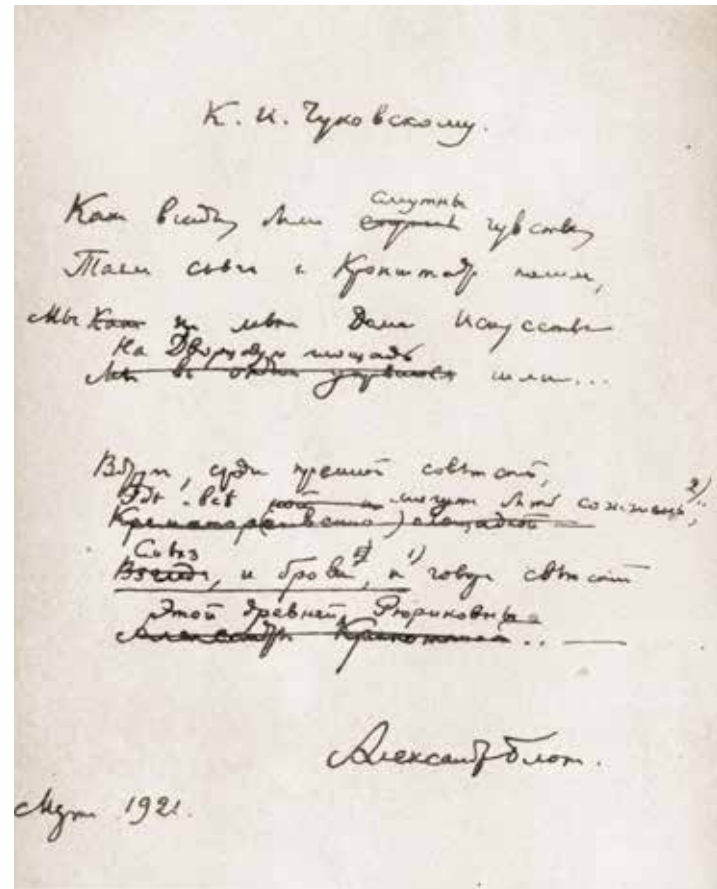
но люди они приятные. Чай, скисшая сырная пасха, кулич...»

А Надя напишет, что «с первого часа... ощутила незримое присутствие какой-то грозной, неотвратимой, где-то таящейся... катастрофы...»

Не знаю, поведал ли Блок Наде, но родственникам Кублицким, которых, как известно, навестил в этот приезд, наверняка рассказывал про свою жизнь в Петрограде. Как однажды его арестовала ЧК, и на Гороховой, на забитом людьми чердаке, он спросил у соседа: «Мы отсюда выйдем?» – «Конечно! – сказал тот. – Разберутся и отпустят». – «Нет, – ответил Блок, – мы отсюда никогда не выйдем. Они убьют всех». И ведь могли убить, ведь в два часа ночи его вызвали к самому Байковскому,

следователю. Только недавно, несколько лет назад, в книге работника КГБ Бережкова, я прочел, что этот Байковский, сын торговца мясом, не одолевший даже вступительных в гимназию, в ЧК стал заведующим следствием и «первым принимал решения о судьбе всех, попавших сюда». «Не имея доказательств, на основании личных показаний или анкеты, – пишет Бережков, – выносил приговоры о расстрелах; использовал лжесвидетелей, создавал условия, при которых арестованный «ломался»...» И этот Байковский, как пишет уже Блок, вдруг чудом выпустил его...

Рассказывал, думаю, Блок и как «уплотняли» его, и как заставляли в очередь дежурить у ворот, и какой-то шутник, проходя мимо, расхохотался ему в лицо:

Автограф стихотворения Александра Блока, посвященного Корнею Чуковскому. Март 1921 года

Портрет А. А. Блока работы Ильи Глазунова. 1956

«И каждый вечер в час назначенный, иль это только снится мне», и как ходил на общественные работы – разгружать баржу, как голодал и замерзал. Хотя ему и рассказывать было не надо; все ведь видели, что человек с «упорно-веселым» взглядом, который любил жизнь и все в ней делал на совесть, косил траву, рыл землю, колол дрова, который не раз повторял, что работа везде одна – «что печку сложить, что стихи написать», так вот этот человек в два буквально года превратился в обглоданного, жалкого старика... Старика в сорок лет!

Про последнюю Москву его писать трудно. Слова нейдут. Дневник Чуковского фиксирует: уже после первого выступления (опять в Политехническом) поэт понял – приехал зря. «Сбор неполный, – пишет Корней Иванович. – Это так ошеломило Блока, что он не хотел читать. Наконец, согласился – и механически, спустя рукава, прочитал четыре стихотворения. Публика встретила его не теми аплодисментами, к каким он привык».

Уйдя в комнату за сценой, не смотря на мольбы Чуковского

и Когана, ни за что не хотел выходить на аплодисменты. Потом все-таки вышел и неожиданно, как пишет Чуковский, прочел чьи-то стихи по латыни, без перевода. «Зачем вы это сделали?» – недоуменно спросил Чуковский. – «Я заметил там красноармейца вот с такой звездой на шапке. Я ему их прочитал...»

Чуковский пишет: «Меня это... потрясло! Вызвав несколько знакомых барышень, я сказал им: “Чтобы завтра были восторги. Зовите всех курсисток с букетами, мобилизуйте хорошеньких, и пусть стоят вокруг него стеной. Аплодировать после каждого стихотворения!”»

Кто был тот красноармеец, так и не снявший свою «буденовку» перед поэтом, неизвестно. Но как тут не вспомнить слова Блока, сказанные как-то поэту Садовскому: «Ненависть – чувство благородное, потому что она вырастает из пепла сгоревшей любви...» Это мог сказать только «отгоревший» – так напишет о Блоке тогда Всеволод Рождественский.

В Москве в последний приезд его будет несколько вечеров. Но Блок, несмотря на курсисток

с цветами, выступал через силу, зло, понимая, что никому из горластой публики здесь не нужны уже его туманы, бездонности, боль неслезанная. Публика – всего лишь «любопытный зверь», – шепнула Наде. И стихи выбирал нарочно мрачные. Одно заканчивалось, как напишет свидетель: «О, если б знали, дети, вы, // Холод и мрак грядущих дней!», а другое вообще обрывалось строкой: «Что тужить? Ведь решена задача: // Все умрем!...»

«Лицо землистое, стеклянные глаза, резко очерченные скулы, острый нос, тяжелая походка, – вспоминал Борис Зайцев, видевший его на одном из вечеров. – Он был уже тяжело болен. Но думаю, что не в одной болезни было дело. Заклялось оно в том, что не хватало воздуха. Прежде тоска его хоть чем-то вуалировалась. После “Двенадцати” все было сорвано. Тьма. Пустота».

Блок выступит в Союзе писателей (Тверской бул., 25), в Обществе итальянской культуры – здании Высших женских курсов (Мерзляковский пер, 1). Но беда случится в Доме печати, в Белом зале нынешнего Дома журналистов (Никитский бул., 8).

Это был четвертый вечер его предсмертного «турне». Признаться, мы с телекамерой, поднявшись по знакомой лестнице Домжура, впервые глянули на этот зал отстраненно – чужими глазами. Например, глазами Пастернака, который тогда, только-только познакомившись с Блоком, случившееся в этом зале возмущенно назовет «кошачьим концертом». Впрочем, меня в его воспоминаниях больше всего поразит то, что Маяковский как раз накануне этого вечера сказал Пастернаку: «В Доме печати Блоку готовят разнос». Как это ни страшно, но скандал гению, кажется, был ожидаем – готовился кем-то.

Что же случилось на Никитском? Как пишут разные свидетели, после чтения Блоком стихов на сцену сначала выскочил какой-то солдат и прокричал в зал, что ничего из услышанного не понял, что это, дескать, форменное безобразие. А потом на эстраду взошел тот, кто, кажется, понял все: некий А. Струве, заведомо губернско-го Пролеткульта (его путали потом с литератором М. Струве). Вот он-то и гаркнул громко: «Товарищи! Где динамика? Где ритмы? Все это мертвечина, и сам Блок – мертвец...»

В зале наступила оглушительная тишина. Ведущий вечера, молодой тогда поэт Павел Антокольский, увы, промолчал. На защиту, пишут, кинулся поэт Бобров, но при этом так кривлялся, что всем это напомнило клоунский номер. Потом, раздувая пики черных усов, за Блока вступился Коган и, ссылаясь на Маркса, стал доказывать, что на деле Блок – не мертвец. Вышло, пишут, и жалко, и пошло. В зале вспыхнут шум, крики, смех. Пастернак и Маяковский, знавшие о грядущем скандале, в Дом печати опоздают. Правда, по версии Чуковского, Маяковский был в зале, зевал, подсказывал рифмы, и все «наше действо, – пишет Чуковский, – казалось ему скукой и смертью». Сам Маяковский действительно скажет потом: «Я слушал его в зале, молчавшем кладбищем, он читал старые строки о цыганском пении, о прекрасной даме – дальше дороги не было. Дальше смерть...» Неизвестно, про это ли чтение скажет. Но особенно, говорят, неистовствовали имажинисты – они и после смерти Блока устроят нечто уж совсем немыслимое – поминки по Блоку с докладом – «Слово о дохлом поэте». Пишут, что тогда Есенин с имажинистами и порвет. Но самым поразительным в Доме печати станет то, что Блок, услышав

в свой адрес «мертвеца», закивает головой и за кулисами, сидя на каком-то стуле, отчетливо скажет Чуковскому: «Верно, верно! Я действительно мертвец...»

Возможно тогда, на следующее утро, Надя Нолле-Коган и проснулась на рассвете от шагов поэта за стеной, глухого кашля его и даже, как показалось ей, стонов. Она кинется к нему. Он сидел в кресле спиной к двери. На столе – плетеный из соломки портсигар, смутно белевшая бумага, в руках – карандаш. «В этот предутренний час все было серо-сумрачно, – пишет она. – И стол, и смутно белевшая на нем бумага, которую я всегда клала вечером на стол, даже сирень в хрустальном стакане казалась увядшей. Услышав, что кто-то вошел, Блок обернулся, и я ужаснулась выражению его глаз, передать которое не в силах... Подойдя ближе, заметила, что белый лист... был весь исчерчен какими-то крестиками, палочками». Поймав взгляд Нади, Блок с остервенением отбросил карандаш: «Больше стихов писать не буду...»

Надя, успокаивая его, сказала, что уже не хочет спать, и неожиданно позвала пройтись. Вот тогда по спящим арбатским переулкам они и двинулись, не сговариваясь, к скамье у Храма Христа Спасителя. Спящий город, беременная на последнем месяце Надя и он, опиравшийся на палку, сорокалетний, обглоданный старик. Он не шутил по дороге как когда-то, не звал все встреченные памятники «карлами марксами», как смеялся недавно, гуляя в Петрограде с Евгенией Книпович. «Это кто?» – спрашивала Книпович, кивая на Радищева. – «Карл Маркс». – «Да ведь Маркс с большой бородой». – «Ничего, это он в молодости». – «А этот в парике, тоже Маркс?», – смеялась Книпович. – «Это он на маскараде», – улыбался Блок.

В этот раз в тишине рассветной Москвы он даже не осуждал время, не говорил уже, как сказал накануне поездки художнику Анненкову: «Мы задыхаемся, мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!.. Опротивела марксистская вонь. Хочу внепрограммно лущить московские семечки, катаясь в гондоле по каналам Венеции...» Нет, они ковыляли по предрассветному, безжизненному, словно чужому городу, не проронив ни звука, и это, мне кажется, было страшнее всего.

«Мы шли медленно, молча, – пишет Надя, – и, дойдя до скамьи, сели. Великое спокойствие царило окрест, с реки тянуло запахом влаги, в матовой росе лежал цветущий сквер, а в бледном небе постепенно гасли звезды. День занимался. Как благоуханен был утренний воздух! Как мирно все вокруг! Какая тишина! Мало-помалу Блок успокаивался, светлел, прочь отлетали мрачные призраки, рассеивались ночные кошмары, безнадежные думы покидали его. Надо было, чтобы в этой тишине прозвучал чей-то голос, родственный сердцу поэта, чтобы зазвенели и запели живые струны в его душе». И тогда Надя, нарушив молчание, стала вдруг читать Фета: «Передо мной дай волю сердцу биться // И не лукавь. // Я знаю край, где все, что может сниться, // Трепет вьвь...» Вспомнить дальше не смогла. И тогда уже Блок, впервые улыбнувшись, подхватил: «Скажи, не я ль на первые воззвания // Страстей в ответ, // Искал блаженств, которым нет названия // И меры нет...»

А дальше было прощание и с Надей, и с Москвой – вокзал, перрон, его лицо, уплывавшее в вагонной раме, мученические глаза и те слова, помните: «Прощайте, да, теперь уже прощайте...»

Окончание следует

СУДЬБА ЛЕГЕНДАРНОГО ФЛОТОВОДЦА

Адмирал Нельсон не раз использовал тактический прием русского адмирала Ушакова, в результате чего береговые батареи противника не могли вести активный огонь, боясь попасть в свои суда

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Портрет вице-адмирала Горацио Нельсона работы Лемюэля Фрэнсиса Эббота. 1799

В честь победоносного сражения британского флота под командованием адмирала Нельсона при мысе Трафальгар у берегов Испании центральная площадь в Лондоне

названа Трафальгарской, и на ней возвышается колонна, которую венчает памятник отважному адмиралу. Горацио родился 29 сентября 1758 года в деревне Бернем Торп,

графство Норфолк, в семье священнослужителя (ректора) Эдмунда Нельсона. Его жена Катерина (в девичестве Саклинг) была родственницей известного политика Роберта Уолпола, чей сын, писатель Хорас Уолпол, крестил Горацио. Несмотря на высокое родство, семья жила более чем скромно, в известном смысле из-за того, что в семье было одиннадцать детей. В 1767 году Катерина умерла, оставив детей на попечении мужа и родственников.

Брат Катерины, капитан I ранга Морис Саклинг, решил позаботиться об одном из мальчиков. Выбор пал на Горацио; капитан уже слышал о том, с каким восхищением мальчик говорит о флоте.

Горацио был наслышан о трудностях морских походов и нелегком житье-бытье моряков, но все это его не страшило. У этого худенького подростка было отважное сердце, и он готов был переносить любые тяготы.

После похода на Фолкленды капитана Саклинга перевели на 74-пушечный сторожевой корабль «Триумф», который был своего рода замком на Темзе, преграждавшим путь к верфям и Лондону.

Для подростка служба на таком корабле была слишком скучной, и капитан отправил Горацио в путешествие в Вест-Индию на торговом судне. Это была отличная школа для будущего морехода. Судном командовал капитан Рэтбуун,

опытный моряк, некогда служивший первым помощником у Саклинга. По возвращении из похода дядя, уже наслышанный о том, как достойно вел себя в походе Горацио, решил, что должен предоставить племяннику возможность узнать намного больше о морском деле. Он не только давал ему уроки навигации, но и обеспечил его необходимой литературой и вскоре позволил управлять катером и небольшой яхтой, которые имелись в распоряжении командира военной базы в Чэтеме. Горацио стал отличным лоцманом, а затем и штурманом на небольших судах, курсировавших между Чэтемом и Тауэром. То была отличная школа навигации, поскольку вдоль Темзы и каналов в Чэтеме в те времена еще было немало скал и песчаных отмелей.

Следующим шагом Нельсона на пути к офицерскому званию во флоте было его участие в экспедиции к Северному полюсу, организованной Королевским научным обществом. Попасть в состав экспедиции, в которой участвовало два корабля, было непросто, но ему это удалось. Об этой экспедиции можно рассказывать долго, то была настоящая морская сага; скажем только, что Горацио проявил себя в ходе экспедиции лучшим образом. Он вступил в единоборство с белым медведем, участвовал в перетаскивании кораблей по льду, проявил себя как отважный моряк. А ведь ему было всего 15 лет!

Когда суда вернулись домой, капитан Саклинг, очень довольный успехами племянника, отправил его служить на 20-пушечный корабль «Морской конек». Горацио предстояло постоянно находиться на наблюдательном посту на носу корабля. 16-летний моряк вел себя безукоризненно и вскоре был произведен в мичманы. Более того, спустя недолгое время он стал исполняющим обязанности

Кларксон Фредерик Стэнфилд. «Трафальгарское сражение». 1836

лейтенанта флота на 64-пушечном линейном корабле «Вустер», который сопровождал караван кораблей в Гибралтар. Его знания и блестящее исполнение обязанностей снискали юноше признание и офицеров, и матросов.

8 апреля 1777 года восемнадцатилетний Нельсон предстал перед комиссией, которая должна была экзаменовывать его на предмет производства в лейтенанты. Комиссия, проэкзаменовав его, единогласно приняла положительное решение. И тогда возглавлявший комиссию Морис Саклинг (к тому времени он уже был главным инспектором военно-морского флота) обратился к капитанам – членам комиссии и сообщил им, что они только что произвели в лейтенанты его племянника. Он не сомневался в познаниях своего племянника и в том, что тот успешно сдаст экзамен, и не хотел, чтобы кто-либо упрекнул его в фаворитизме.

На следующий день Нельсон получил назначение на фрегат «Лоустофф», направлявшийся на Ямайку. Так началась карьера выдающегося флотоводца. В двадцать лет он возглавил небольшой бриг «Бэджер», а всего через полгода – 28-пушечный фрегат. Корабли под его командованием несли

службу и сражались в Вест-Индии, в Атлантическом океане, вблизи берегов Канады, в районе Центральной Америки. Морских сражений и штурмов городов и крепостей было так много, что одно их перечисление и удивительные детали решений, которые принимал Нельсон в каждом из них, заняли бы слишком много места. Но четыре из этих сражений были выиграны именно благодаря Горацио Нельсону, он стал героем в каждом из них. То были сражения при Сан-Висенте, при Абукире, при Копенгагене и при мысе Трафальгар.

В сражении при мысе Сан-Висенте в Португалии, в котором британский флот из 15 линейных кораблей сражался с 27 линейными кораблями Испании, Нельсон отличился по меньшей мере трижды. Пользуясь густым туманом, Нельсон, уже капитан II ранга, и капитан Коберн провели фрегат «Минерва» сквозь строй испанских кораблей незамеченным, и Нельсон, сообщив командующему британским флотом адмиралу Джервису о местонахождении испанского флота, вступил в самое горнило сражения на борту 74-пушечного линейного корабля «Капитан», командование которым ему было вверено.

Далее Нельсон, весьма вольно интерпретируя сигнал командующего, совершил поворот своего корабля и, как младший флагман, повел за собой другие корабли. Этим он подрезал нос группе испанских кораблей, в которую входили самые мощные суда испанцев: 130-пушечный «Сантисима Тринидад» и 112-пушечные «Сан-Хосе», «Сальваторе дель Мундо» и «Мексикано». Это был крайне рискованный шаг: если бы действия Нельсона не привели к успеху, его судил бы военный трибунал за невыполнение приказа командующего. Но этот маневр принес англичанам победу.

Наконец, Нельсон организовал abordаж двух крупных испанских судов. Воскликнув «Вестминстерское аббатство или блестящая победа!», Нельсон приказал своей abordажной команде взять испанский корабль «Сан-Николас». Когда бой там был закончен, abordажная команда пошла на штурм корабля «Сан-Хосе». В этом был весь Нельсон! Ему всегда было мало только одной победы!

Следующим триумфом Нельсона было сражение при Абукире. В ходе экспедиции по завоеванию Египта Бонапартом французский флот, высадив в начале июля 1799 года наполеоновскую армию на египетский берег, стал на якорь в Абукирском заливе, в 32 километрах северо-восточнее Александрии. Французский командующий, адмирал Франсуа де Брюе, был убежден, что здесь его флот неуязвим, и велел изготовить к бою лишь орудия правых бортов, обращенные в сторону моря.

1 августа Нельсон предпринял неожиданную для французов атаку: часть его кораблей атаковала французские корабли с моря, а другая часть быстро заняла пространство между французским флотом и берегом. Впервые этот тактический прием использовал

русский адмирал Ушаков при осаде в 1799 году острова Корфу: русские корабли, находясь между крепостью и французскими судами, вели огонь и по крепости, и по кораблям противника.

Нельсон не раз использовал прием русского адмирала, в результате чего береговые батареи противника не могли вести активный огонь, боясь попасть в свои суда. Так было и в битве при Абукире: оказавшись под перекрестным огнем, французские корабли вынуждены были сдать. Адмирал де Брюе и многие офицеры французского флота погибли. Сражение изменило соотношение сил в Средиземном море: английский флот получил здесь полную свободу действий.

В течение войны между Францией и Великобританией, продолжавшейся многие годы, союзниками Франции некоторое время были Дания, Швеция и даже Россия при императоре Павле I. В начале 1801 года британское Адмиралтейство решило вывести из войны Данию, причем проведение операции планировалось до таяния льдов в Балтийском море, чтобы русский флот не мог прийти на помощь датчанам. Командующий британским флотом адмирал Паркер полагал, что достаточно будет заблокировать выход из Балтийского моря, однако вице-адмирал Нельсон настаивал на более активных действиях против Дании, и его поддерживало большинство командиров британского флота. Был принят план Нельсона: уничтожить датский флот в бухте Копенгагена.

Датчане, видно, были незнакомы с результатом сражения при Абукире. Они расставили свои корабли в бухте, чтобы те играли роль плавучих батарей, которые должны были усилить береговую артиллерию. Но Нельсон уже имел опыт того, как с этим бороться. 2 апреля 1801 года английские корабли, войдя в бухту, открыли

ураганный огонь и по кораблям, и по береговой артиллерии. Опасаясь серьезных потерь, адмирал Паркер приказал после четырех часов канонады вывести английские корабли из бухты, но Нельсон отказался выполнить приказ и велел вести огонь со всех кораблей. Британские корабли, маневрируя, проходили сквозь строй датских судов, не давая береговым орудиям вести огонь из опасений попасть по своим судам, и выводили из строя один корабль за другим. После прекращения огня англичане отравили к датскому кронпринцу Фредерику парламентаров с требованием признать поражение; в противном случае англичане грозили пустить на дно датские корабли и начать обстрел Копенгагена. 3 апреля Нельсон провел двухчасовые переговоры с Фредериком, после которых датский флот был частично затоплен, частично отправлен в Англию.

Но величайшим триумфом Горацио Нельсона стало сражение при мысе Трафальгар. Задача, которую Наполеон поставил своему и испанскому флотам была такая: уничтожить британский флот, чтобы обеспечить условия беспрепятственной высадки Великой армии на английский берег. Выполняя эту задачу, 18 октября 1805 года франко-испанский флот под командованием адмирала Вильнева вышел из порта Кадис на юге Испании и направился навстречу британскому флоту в Атлантике. Сражение произошло недалеко от юго-западного побережья Испании, у мыса Трафальгар.

Традиционная тактика морских сражений в ту эпоху состояла в том, чтобы вытянуться в линию против линии кораблей противника на дистанции выстрела от них. Это облегчало передачу команд и создание максимальной плотности артиллерийского огня. Нельсон принял нестандартное решение:

он построил свои корабли в две колонны и направил их перпендикулярно строю вражеского флота, чтобы разорвать его линии.

Готовясь к решительному сражению, Нельсон уделил особое внимание подготовке канониров: он требовал, чтобы зарядание орудий и прицеливание занимали кратчайшее время; особое внимание канониров он обращал на умение вести огонь по орудийным портам противника. В его флоте было 27 британских линейных кораблей против 33 французских и испанских. Передовые корабли британских колонн сильно пострадали, а флагман Нельсона «Виктори» был практически выведен из строя, но отличная подготовка английских моряков сказала уже на первом этапе сражения. Франко-испанский флот потерял 22 судна, британцы же не потеряли ни одного корабля. Во время сражения Нельсон был смертельно ранен и умер незадолго до окончания битвы. Французский адмирал Вильнев был захвачен вместе со своим флагманом. Наполеон потерял лучшие свои суда, французский флот перестал быть грозной силой. А Великобритания стала безраздельной владычицей на море на многие годы вперед.

Каждое из сражений, выигранных адмиралом Нельсоном, изучается в военно-морских академиях, описано в сотнях книг, показано в десятках фильмов и телевизионных программ. Но не менее известен его роман с леди Гамильтон, который стал сюжетом для поистине бесчисленного количества произведений. Как адмирал, так и его возлюбленная, которая была женой британского посла при дворе неаполитанского короля, на протяжении ряда лет были объектами сплетен и пересудов, которые закончились только со смертью адмирала в 1805 году.

Нельсон впервые увидел Эмму Гамильтон в сентябре 1793 года. К

Памятник адмиралу Нельсону на Трафальгарской площади

этому времени он уже был одним из самых известных морских военачальников в Великобритании, хотя ему было лишь тридцать пять лет. Он не мог не отметить изысканные манеры и дружелюбие жены британского посла Уильяма Гамильтона и даже упомянул об этих качествах Эммы в своем письме жене. Так миссис Нельсон впервые узнала о существовании женщины, которая вскоре станет ее соперницей и разрушительницей семейного очага.

У леди Гамильтон была весьма необычная судьба. Она родилась в семье угольщика Лайона в Чешире и славилась красотой еще с детства. И ее мать, осознав, какие

финансовые возможности сулит привлекательная внешность дочери, увезла ее в столицу. Красавица Эмма быстро стала здесь куртизанкой высшего класса, живым воплощением бальзаковской Империи. Перед ней преклонялись французские и итальянские дипломаты, ее портреты писали знаменитые художники Томас Лоуренс и Джон Хопнер, а художник Джордж Ромни был так в нее влюблен, что выполненные им изображения Эммы стали шедеврами романтического портрета.

Время шло, и Эмма приобрела тот блеск, на который так падки богатые господа. Ее постоянным любовником стал известный денди

Портрет Эммы работы Джорджа Ромни. 1785

Чарльз Гревилл, который позже уступил ее своему дяде Уильяму Гамильтону. В 1786 году Гревилл отправил Эмму в Неаполь, дав обещание вскоре присоединиться к ней, – обещание, которое не собирався выполнять.

Оказавшись во дворце посла, Эмма решила примириться с неизбежностью и стала любовницей Гамильтона. Вскоре он оценил свою партнершу и как достойную помощницу в делах. Эмма оказалась ему полезной благодаря своим познаниям о жизни высшего общества и умению строить отношения с иностранцами. К тому же посол влюбился в красавицу.

И Гамильтон, знатный вельможа и богач, известный дипломат, эстет и коллекционер, спустя пять лет все же женился на дочери угольщика и сделал ее леди Гамильтон.

Благодаря врожденной способности к интригам и приобретенным знаниям в сфере политики и дипломатии, Эмма стала играть видную роль при неаполитанском дворе. Королева считала ее своей подругой – слугам был дан приказ пропускать Эмму к ней в любое время. Эмма не была лишена и актерских способностей: она приобрела греческие туники и нередко принимала гостей в покоях, обставленных мебелью, сделанной

по греко-римскому образцу. Ею восхищались в Неаполе, о ней судачили, с нее писали богинь...

Эмме было тридцать два года, когда она познакомилась с Нельсоном. Молодой флотоводец не мог не поддаться очарованию «божественной Эммы» – умной и полной жизни красавицы с сапфировыми глазами. Она же благоговела перед отважным воином, получившим столько ран за два десятка лет на флоте. Сблизились они, однако, только в 1798 году, когда Нельсон после египетской экспедиции оказался в Неаполе. Рана, полученная им в сражении, была серьезна, и от боли он даже терял сознание. Эмма пыталась облегчить его страдания, как могла. К тому же она понимала его с полуслова: ни жена, ни ближайшие друзья не обладали даром разделять его чувства, проникать в его мысли, верить в него так, как верила Эмма. Она считала его величайшим флотоводцем в истории. И не напрасно – его талант оценили многие монархи Европы. В 1799 году Нельсон получил от императора России Павла I Мальтийский крест за заслуги перед Мальтийским орденом, а король Фердинанд, которому Нельсон помог справиться с бунтовщиками, наградил его поместьем в Сицилии и титулом герцога Бронте.

Но в Адмиралтействе, судя по всему, завидовали успехам Нельсона и вовсе не стремились способствовать его популярности: вместо обещанного графского титула он получил за свои победы всего-навсего баронское звание.

Бурные события начала 1799 года (захват Неаполя французской армией под командованием генерала Шампионне) заставили королевский двор покинуть город. Гамильтон вместе с Нельсоном в 1800 году оказались в Палермо, а затем вернулись в Англию. Почти два года Гамильтон и Нельсон

Карикатура «Знаток изучает прекрасные образцы антиквариата». Это одна из самых известных карикатур на лорда Гамильтона, его жену и адмирала Нельсона. Она была издана массовым тиражом. Старик, у которого большое внешнее сходство с лордом, рассматривает бюст женщины, похожей на леди Гамильтон. На бюсте надпись «Лаис»; так звали трех известных греческих куртизанок. Сам лорд изображен еще на портрете, висящем в правом верхнем углу с надписью «Клавдий»; это намек на то, что лорд, как и Клавдий, ученый и историк. Гамильтон был также вулканологом и написал историю Помпей, и следующая картина на стене указывает на его интерес к вулкану Везувий. Третья картина, подписанная «Антоний», изображает адмирала Нельсона, а четвертая, подписанная «Клеопатра», призвана изобразить леди Гамильтон в довольно фривольном виде, с обнаженной грудью. В руках у женщины бутылка джина: это намек на то, что Эмма имела пристрастие к вину. За спиной лорда статуя царя Мидаса, которого Аполлон наградил ослиными ушами, а за бюстом Лаис виден бюст быка Аписа, намек на то, что Гамильтон – рогоносец. Треснувший ночной горшок с изображением трех граций, стоящий на столе, – намек на жалкую жизнь, которую ведет Гамильтон, бывший дипломат и археолог. У его ног – череп и старая ваза; это тоже намек, и весьма недостойный, на циркулировавшие по стране слухи, что Гамильтон вывез из Италии ценную вазу, вложив ее в гроб своей первой жены. Хотя кажется, что авторы карикатуры потешаются над лордом, карикатура была подлостью и по отношению к прославленному адмиралу, великому флотоводцу.

жили в одном доме, что вызывало шквал критики и массу карикатур в прессе. В 1801 году Эмма родила Нельсону дочь Горацию. Нельсон, потерявший в боях руку и глаз, обрел счастье с женщиной, которую обожал, и прелестной дочерью.

В 1801 году Нельсон нанес поражение флоту противника у Копенгагена, а в 1803-м был послан командовать британским флотом в Средиземноморье. Вернувшись, он намеревался оставить службу, но родине опять потребовались его услуги. И никогда прежде ставки не были так велики! Наполеон готовился к высадке на Британские острова. Нельсон должен был сорвать этот план, уничтожив

объединенную франко-испанскую эскадру, насчитывавшую 33 многопушечных линейных корабля.

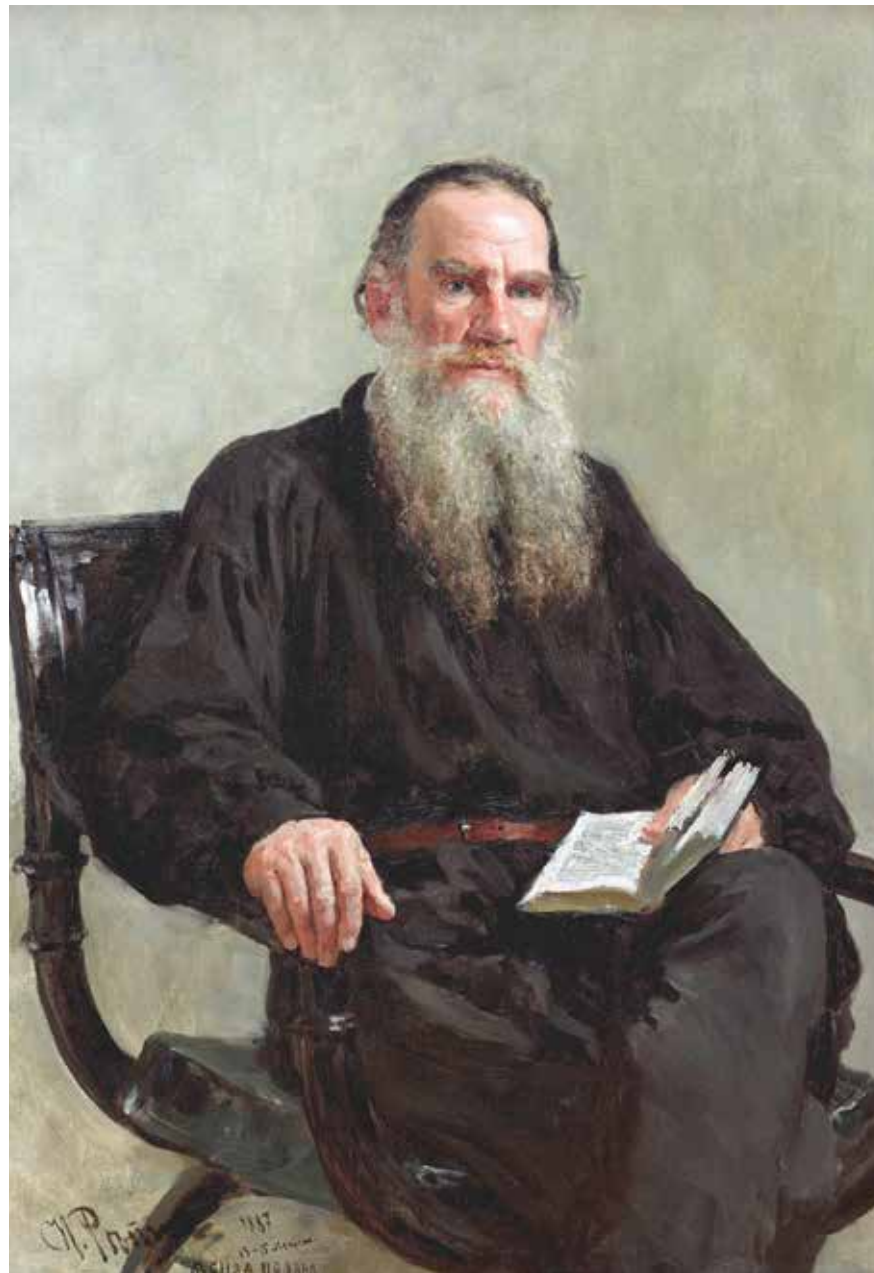
Блистательно выиграв сражение при мысе Трафальгар 21 октября 1805 года, Нельсон в ходе боя получил тяжелейшее ранение (ему в плечо попала мушкетная пуля французского снайпера, которая пробила легкое и вышла в районе последнего позвонка) и умер три часа спустя. Торжественная панихида состоялась сначала в Гринвиче, а потом в Адмиралтействе. Погребен он был в соборе Св. Павла, а спустя три десятилетия на лондонской площади, названной в честь сражения Трафальгарской, был поставлен памятник адмиралу – Колонна Нельсона.

Гибель Горацио Нельсона была началом последнего акта драмы для леди Гамильтон. Они не были женаты, и все наследство досталось его жене. Ходили слухи, что Эмма получила огромное наследство после смерти Уильяма Гамильтона, что большие деньги оставил ей и адмирал, однако на самом деле Эмма и ее дочь сильно нуждались. Когда-то Нельсон обещал ей, что она станет герцогиней Бронте; теперь же герцогство перешло к его брату, а вместе с титулом и поместьем. Эмма оказалась в долговой тюрьме, откуда ее с трудом вызволили и переправили в Кале. Она умерла там в полной неизвестности и нищете...

ВЕЛИКИЙ ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

К 195-летию со дня рождения Льва Толстого

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ,
дважды лауреат премии «Большая книга»

Портрет Льва Николаевича Толстого работы И.Е. Репина. 1887

Лев Толстой не придумал толстовку, не ходил босиком и не позировал Репину с плугом... Наряду с подобными читательскими заблуждениями есть и другие, далеко не безобидные мифы о великом писателе и мыслителе.

Гордыня была основным из внутренних качеств Толстого, она проявлялась и в его философской деятельности, и в быту.

– Не знаю, в чем, собственно, заключается гордыня Толстого. В том, что он искал свою истину и не останавливался на этом пути? Многим это не нравится. Многие считают, что надо прилепиться к какой-то заведомо существующей истине и ей служить. Толстой так не мог. Если это гордыня, то пусть будет гордыня, но этим он и интересен.

Что касается повседневной жизни – он был чрезвычайно деликатным человеком, любил своих детей, воспитывал их, учил их греческому, математике, астрономии, заботился об их физической культуре. Брал, когда они были еще совсем маленькие, с собой в Самарскую губернию, чтобы они почувствовали и полюбили природу.

Но нужно понимать, что Толстой, особенно во второй половине своей жизни, был настолько озабочен массой дел и творческих, и философских, и корреспонденцией, и так далее, и так далее, что целиком отдавать себя семье не мог. Да это было бы неправильно. Поэтому некий конфликт здесь был,

но это конфликт творческого человека со своими семейными, и гордыня здесь ни при чем. К тому же Толстой решал проблему не самым худшим образом.

Толстой виноват в том, что в России случилась революция. Укреплению этого мнения способствовала и статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции».

– Да, в этом смысле Ленин, который устроил Октябрьскую революцию, удачно перевел стрелки на Толстого. Я всегда говорю, что в революции виноваты были все – и интеллигенция, и Церковь, которая не реформировалась и находилась в позиции господствующей идеологии, и царь, и его окружение, и дворянство, переставшее служить монархии и занимавшееся какими-то своими частными проблемами. Например, дворяне продавали зерно и уезжали проигрывать эти деньги в Баден-Бадене.

Так что повально все упустили Россию, нужно это понимать, в том числе и Толстой – как мыслитель своего времени, как человек, к которому прислушивались. Я абсолютно не согласен с его отрицанием государства, отрицанием армии.

Но не надо сваливать всю вину на Толстого. Толстой, кстати, был против революции и многое сделал для смягчения нравов своего времени, для возвращения людей к нравственности, к христианству.

Лев Толстой был неверующим, полностью отрицал веру и вел в этом смысле за собой людей.

– Больше всего обижало Толстого, когда говорили, что он отвращает людей от веры. Он утверждал, что главное, о чем он говорит – вне веры в Бога жизни нет. Другое дело, что Толстой отрицал церковную форму веры. Но ведь есть много людей, которые веруют, но у них возникают проблемы с Церковью. И они находят правду в исканиях Толстого. Я не вижу в этом ничего страшного.

Кроме того, многие люди (и это распространенное явление), начиная увлекаться Толстым, приходят затем к Церкви. Особенно часто это происходило в советское время. Да и раньше многие толстовцы обращались затем в сторону Церкви.

Толстой-писатель и Толстой-мыслитель – две разные величины. И Толстой в последние годы жизни как

Толстой как художник всегда находился на высоте и никуда с нее не падал. При всем своем вроде бы отрицании чистого искусства, в конце жизни он написал «Хаджи Мурата». А в период своих философствований – такие произведения, как «Хозяин и работник», и «Отец Сергей», и «Крейцерова соната».

Опытная наука тогда только дает положительное знание и являет величие человеческого ума, когда она не вводит в свои исследования конечной причины. И наоборот, умозрительная наука – тогда только наука и являет величие человеческого ума, когда она устраняет совершенно вопросы о последовательности причинных явлений и рассматривает человека только по отношению к конечной причине. Такова в этой области наука, составляющая полюс этой полусферы, – метафизика, или умозрительная философия. Наука эта ясно ставит вопрос: что такое я и весь мир? и зачем я и зачем весь мир? Ис тех пор, как она есть, она отвечает всегда одинаково. Идеями ли, субстанцией ли, духом ли, волею ли называет философ сущность жизни, находящуюся во мне и во всем существующем, философ говорит одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачем она, он не знает и не отвечает, если он точный мыслитель. Я спрашиваю: «Зачем быть этой сущности? Что выйдет из того, что она есть и будет?..» И философия не только не отвечает, а сама только это и спрашивает. И если она – истинная философия, то вся ее работа только в том и состоит, чтоб ясно поставить этот вопрос. И если она твердо держится своей задачи, то она и не может отвечать иначе на вопрос: «что такое я и весь мир?» – «всё и ничто»; а на вопрос: «зачем существует мир и зачем существую я?» – «не знаю». Так что, как я ни верти теми умозрительными ответами философии, я никак не получу ничего похожего на ответ, – и не потому, что, как в области ясной, опытной, ответ относится не до моего вопроса, а потому, что тут, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопрос, ответа нет, и вместо ответа получается тот же вопрос, только в усложненной форме.

Л. Н. Толстой. «Исповедь»

великий писатель кончился, занявшись в основном философскими вопросами.

– Я категорически против этого. Уже в «Войне и мире» и даже в более ранних вещах Толстой выступает как философ. А многие его публицистические вещи написаны с художественной убедительностью. Стоит почитать, например, его ответ Синоду, где он пишет, что «я как птица, вылетевшая из скорлупы, не могу вернуться назад», – это же потрясающий художественный образ.

та», и «Смерть Ивана Ильича», и другие вещи, которые стали шедеврами русской прозы.

Даже в «Воскресении» – в романе, безусловно, дидактическом, где перст указующий несколько затрудняет свободное течение повествования, – есть фрагменты, прописанные куда более сильно, чем «Война и мир» и «Анна Каренина». Потому что все-таки Толстой рос как художник.

Другое дело, что он не мог повторяться, не мог писать один

Портрет Л. Н. Толстого и С. А. Толстой работы И. Е. Репина. 1907–1911

исторический роман за другим, один семейный роман за другим и все время искал новые пути. А человек, который ищет новые пути, порой спотыкается, ошибается.

Толстой и интересен своим поиском новых путей. Он пишет сначала огромную эпопею, потом семейный роман, потом – коротенькие детские рассказы, народные рассказы, потом – совершенно замечательные повести. Творчество Толстого необходимо рассматривать в процессе, а не побивать ранним Толстым позднего Толстого.

Толстой постоянно всех поучал.

– Это тоже закоренелый миф о Толстом, как о каком-то мрачном таком, уверенном в себе проповеднике, который в конце жизни всех поучал.

Толстой всю жизнь разбирался в своих дневниках с самим собой

и не мог разобраться, куда уж ему поучать. Он высказывал те мысли, к которым приходил, но никогда их никому не навязывал.

Другое дело, что вокруг него существовало подобие секты толстовцев, которые пытались идеи Льва Николаевича как-то зафиксировать и сделать абсолютными. Но для Толстого они не были никогда абсолютными. Для него абсолютно было наличие Бога, а все остальное он искал, пробовал, мучился и так далее.

Фарисейство Толстого. Вроде того, что Софья Андреевна, переживая за супруга, пыталась положить ему перемолотого мяса в вегетарианское блюдо, а он, пропагандируя любовь к ближнему, кричал на нее.

– Толстой с определенного момента стал убежденным вегетарианцем, он не ел мяса и рыбы.

Он считал, что человек не должен употреблять в пищу «обезображенные трупы животных». Софья Андреевна, заботясь о нем, действительно, иногда подливала ему мясного бульона в грибной, он это замечал, но не злился. Он иногда отшучивался, иногда говорил: «Сонечка, я готов каждый день есть мясной бульон, только бы ты мне не лгала». И фарисейства никакого не было.

Он с уважением относился к чужим убеждениям. Есть вегетарианцы, которые начинают тут же за столом убеждать других, что нельзя есть мясо. За столом у Толстых всегда сидели люди, в том числе из тех, кто жил в доме, которые ели мясо. Сама Софья Андреевна ела мясное, и ничего, не было каких-то прямо уж страшных ссор из-за этого.

И. Е. Репин. «Лев Николаевич Толстой на пашне». 1887

Произведения Толстого можно читать отдельно, не занимаясь исследованием личности писателя.

– Это одна из бед прочтения произведений Толстого. На самом деле их нельзя до конца понять, не понимая личности писателя. Его творчество не существует в отрыве от его личности.

Есть писатели, у которых достаточно читать только их тексты. Особенно это можно сказать о французской литературе, когда текст должен говорить сам за себя. Например, о произведениях Флобера, Бальзака, Золя.

У Толстого тексты говорят, конечно, сами за себя, но всей глубины их понять без знания мировоззрения Толстого, особенностей его личности, его взаимоотношений с близкими, с государством, с Церковью, конечно, нельзя. Толстой – сам

по себе произведение. И жизнь, непосредственно его окружающая, перетекала в произведения, как это происходит в «Войне и мире», в «Анне Карениной».

С другой стороны, творчество определенным образом влияло на его жизнь, в том числе и на семейную. Поэтому я считаю, что знание личности Толстого, даже каких-то потаенных моментов его биографии совершенно необходимо. Но полноценная биография Толстого у нас до сих пор не написана.

В школе не стоит изучать романы Толстого: они не понятны для старшеклассников.

– Я понимаю проблему современных школьников, которые не могут читать длинные периоды в «Войне и мире», особенно исторические отступления.

И совершенно не против адаптированных, сокращенных версий романа. Почему бы нет? Но важно, чтобы дети все-таки имели представление, о чем «Война и мир», о чем «Анна Каренина».

У нас побеждает неверная точка зрения, что в школе изучать Толстого рано, его следует читать гораздо в более зрелом возрасте. А что там дети могут понять? Но если дети не начнут читать романы Толстого в школе, они, став взрослыми, не будут их читать никогда. Здесь нужно работать на опережение, давать детям более умные вещи, чем даже позволяет воспринимать их развитие. Потом они вспомнят об этом, вернутся или не вернутся. Но, если им не давать в школе, они не вернутся к этому никогда, это абсолютно точно.

ПУЛЬС ПОЮЩЕГО СЕРДЦА

150 лет со дня рождения Ивана Шмелева

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ

не рвал на груди тельняшку, не тянул одеяло на себя. Он просто был самим собой.

Уроженец Замоскворечья, происходивший из купцов, он, как некогда Островский, стал певцом этого старинного, уходящего в прошлое бытия. Московское Замоскворечье оказалось удивительно плодотворной почвой для произрастания многих ярких талантов: писателей, художников, музыкантов, актеров, меценатов. Неслучайно именно здесь обосновалось святилище русской живописи – Третьяковка. Несомненно, сам быт Замоскворечья вдохновлял одаренных людей на художественную деятельность.

Но в отличие от других бытописателей Шмелев был далек от сатирического или даже иронического взгляда на жизнь своих предков и современников. Он буквально одухотворяет, поэтизирует образ их жизни. Писатель, которому суждено было много лет провести и упокоиться в эмиграции, смотрит на этот массив материала с искренней и горестной ностальгией. В принципе, все его наследие можно по-прустовски назвать – «В поисках утраченного времени».

Впрочем, и дореволюционный период литературной деятельности Шмелева тоже был ярким и значимым. Его ранние публикации имели успех у читателя и критики, но по-настоящему широкую известность принесла ему повесть «Человек из ресторана» (1911).

В этом произведении повествование ведется от лица официанта

Якова Скороходова, человека скромной судьбы, но не забывающего чувства собственного достоинства. С одной стороны, в его лице продолжалась традиция «маленького человека», но с другой – герой Шмелева обладает аналитическим умом, прекрасно разбирается в людской психологии: «А метрдотель... это уж высший номер наш, как королек или там князек из стерлядки... Он должен проникнуть в гостя и посетителя... Так знать его по ходу, чтобы не дать ошибки. И потом ответственность! Как тоже к гостю подойти и с какой стороны за него взяться, в самую точку попасть! И чтобы достоинство было...»

Показывая устройство ресторана изнутри, писатель четко выстраивает иерархию отношений, тем самым внося острый социальный подтекст. А сколько выпуклых, оригинальных характеров наполняет эту повесть!

По мнению Олега Михайлова, автора вступительной статьи к Собранию сочинений Ивана Шмелева, «великолепный, истонченный, отстоянный народный язык – главное богатство писателя <...> до конца своей жизни Шмелев все больше совершенствовал язык, как бы резал по слову, оставшись в истории русской литературы прежде всего певцом старой Москвы».

Стиль сочинений Шмелева напоминает еще и мед: он течет плавно, переливаясь всеми оттенками желтого, золотистого, охряного, киноварного...

Шмелев опирался на художественный опыт несравненных мастеров описания фактуры – Гоголя и Лескова. В схожей манере работали Владимир Гиляровский, Иван Забелин, Иван Пыляев, но их тексты тяготели к истории, этнографии и публицистике, тогда как Шмелев всегда был верен принципам беллетристики. И разумеется, на одном, даже самом выигрышном

материале далеко не уедешь, поэтому в центре повествования у Шмелева – драмы человеческих судеб. Ресторанный лакей Скороходов и его дети проходят по всем кругам ада земного бытия.

Однако и этого еще мало, чтобы стать русским классиком. А как же духовный уровень? И тут у писателя не было необходимости заниматься исканиями: довольно было просто осмотреться вокруг.

Тот же О. Михайлов пишет: «Домашнее воспитание заронило глубоко в его душу семена религиозности (достаточно было в эмиграции иссякнуть притоку непосредственных впечатлений от русской жизни, как эти семена дали поздние всходы, окрасив творчество Шмелева в тона истового православия – “Богомолье” (1931–1948); “Лето Господне”, (1933–1948); “Пути небесные”, (1936–1948)».

Книга «Лето Господне» состоит из трех частей – «Праздники», «Радости» и «Скорби», но каждая из них снабжена сложной архитектуроникой. «Праздники», например, напоминают принцип народного календаря – месяцеслова и начинаются с Великого поста.

Современному человеку, даже глубоко верующему, может показаться странным, что в старину православные люди с радостью ожидали наступления этой поры, когда можно будет забыть о буйствах крещенских и новогодних утех, о безумствах широкой масленицы, освободиться от гнета грехов. Потому глава «Великий пост» и помещена в этот раздел. Это мы с опаской ожидаем его приближения, воспринимаем как тяжелое испытание, тревожимся. Для современников писателя держать пост было естественно.

В домах менялся не один рацион питания: весь образ жизни становился строже, консервативнее, скупее. На мебель надевали серые чехлы, шторы

снимали с окон, красивую посуду убирали в буфеты и выставляли самые скромные миски с выщербинками.

Впрочем, и этот период жизни не лишен был своих кулинарных удовольствий: «Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитками из сахарного мака, розовые баранки, “кресты” на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то “коливо”! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая сладкая-сладкая “рязань”...» Невозможно продолжать далее эту цитату – того гляди слюнками захлебнешься.

Но где праздники, радости, там и скорби. Завершается книга эпизодами болезни и смерти любимого папашеньки. В это время жизнь большого патриархального семейства преисполняется трагическим настроением. Выходец из стариков, Сергей знал, что дни его сочтены, он соборован и готов к отходу в иной мир...

Как представляется, особенно подходящим здесь будет вспомнить высказывание философа Ивана Ильина, который называл Шмелева «художником страдающего и поющего сердца».

Литература русского зарубежья изобилует яркими именами, но на этом фоне Иван Шмелев не затерялся, и до-революционная его слава отнюдь не потускнела. Ни Бунин, ни Куприн, ни Набоков не затмили его

глубокого, самобытного, хотя и негромкого таланта.

Негромкого! Вот важное слово для понимания творческой индивидуальности Шмелева. В своих сочинениях он никогда не форсировал авторской интонации,

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

К 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Героем воспринимался Расул Гамзатов в своем народе (были еще народы, так относящиеся к поэтам). Легендарен был при жизни и навсегда остался легендой. Он пользовался общесоюзной известностью, пока великолепные и трагические «Журавли» проплывали над страной.

Проплывают торжественно-плавные журавли, втягиваются в песню, вызывают печаль, светлую грусть, разные размышления...

Взгляд на мир спокоен: то, что среди клена есть гипотетическое место для автора, не вызывает тягостных эмоций:

*Летит, летит по небу
клин усталый –
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть
промежуток малый –
Быть может, это место для меня!*

*Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.*

(Перевод с аварского Н. Гребнева)

Восточный стоицизм? Мудрость, обретаемая годами, наполненными трудами и признанием?

Гамзатов был знаменит. Для многих он представлял с поэтической силой и нежностью свой край – Дагестан, небольшой и мало кому хорошо известный в этом огромном мире.

Он действительно представлял его... и шелком звучали стихи, посвященные матери и любви, и сверкали поэтические надписи на кинжалах...

Кинжальная сталь подразумевает резкий высверк удара, остроту и точность мысли; и пусть богатство украшений ножен восточных клинков хорошо известно, слова поэта украсят их значительно и ярче:

*Для дружеской руки
Вот рукоять моя.
Для вражеской груди –
Сталь острия!*

Полярность, вложенная в зарифмованный афоризм, словно открывает сущность людского бытования на земле, которое, увы, не обходится без вражды. Двойственность всего отливается у Гамзатова в компактную форму:

*Две грани. Обе кровь
И смерть врагу пророчат.
Одну из них любовь,
Другую злоба точит.*

*Кинжал хоть не зурна,
И он две песни знает:
О гибели одна,
О вольности другая.*

Слова играют, они пенятся, как вино, изливаемое из старинных кувшинов в чаши; слова вскипают силой, и упомянутая вольница разгорается в сознании, вычерчивая яркий круг необходимости.

В произведениях Гамзатова много разлито нежности и сострадания:

*... И на дыбы скакун не поднимался,
Не грыз от нетерпения удила,
Он только белозубо улыбался
И голову тяжелую клонил.*

*Почти земли его касалась грива,
Гнедая,
походила на огонь.
Вначале мне подумалось:
вот диво,
Как человек, смеется этот конь.*

*Подобное кого не озадачит.
Решил взглянуть поближе на коня.
И вижу:
не смеется конь, а плачет,
По-человечьи голову клоня.*

(Перевод Я. Козловского)

Щедрость сердца и тонкость измерения чувствуется в этих стихах, когда одушевленность становится возвышенной... И конь – будто собрат.

Лад баллады соответствовал темпераменту Гамзатова: есть в этом жанре нечто от очертания гор, от резкости высоты, но и от соприкосновения вершин с небом, что рождает мудрость.

Много в его поэзии и молодости, задора, упоения жизнью. Без этого Гамзатова не представить, как не представить его поэзию без метафизики, отливающей, конечно, восточными красками, но в большей мере – общечеловеческими.

Поэт должен отдавать себя всего, иначе не получится зажечь стихи; и эта отдача в полной мере относилась к жизненному пути Гамзатова.

Тема тем для Гамзатова – дружба. Что логично, учитывая его принадлежность к горному народу, для которого дружба свята и занимает одно из самых высоких положений в ценностной шкале жизни.

Призывом звучит стихотворение «Берегите друзей», текст которого, проводимый ступенями своеобразных

Памятник Расулу Гамзатову в Москве

советов, вспыхивает многоцветным смысловым содержанием:

*Знай, мой друг, вражде и дружбе цену
И судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть,
мгновенный,
Изливать покуда не спеши.*

*Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел незначай.
Провинился друг и повинился –
Ты ему греха не поминай.*

*Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.*

*Если верный конь, поранив ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять,
Не вини его – вини дорогу
И коня не торопись менять.*

*Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много:
Опасайтесь потерять друзей.*

*Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Скольких в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло.*

*После было всякого немало.
И, бывало, на путях крутых*

*Как я каялся, как не хватало
Мне друзей потерянных моих!*

*И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.*

(Перевод Н. Гребнева)

Есть плавное развитие внутри произведений поэта, чья неспешность связана с мудростью любви, узнанной и понятой основной силой, определяющей движение жизни, саму жизнь:

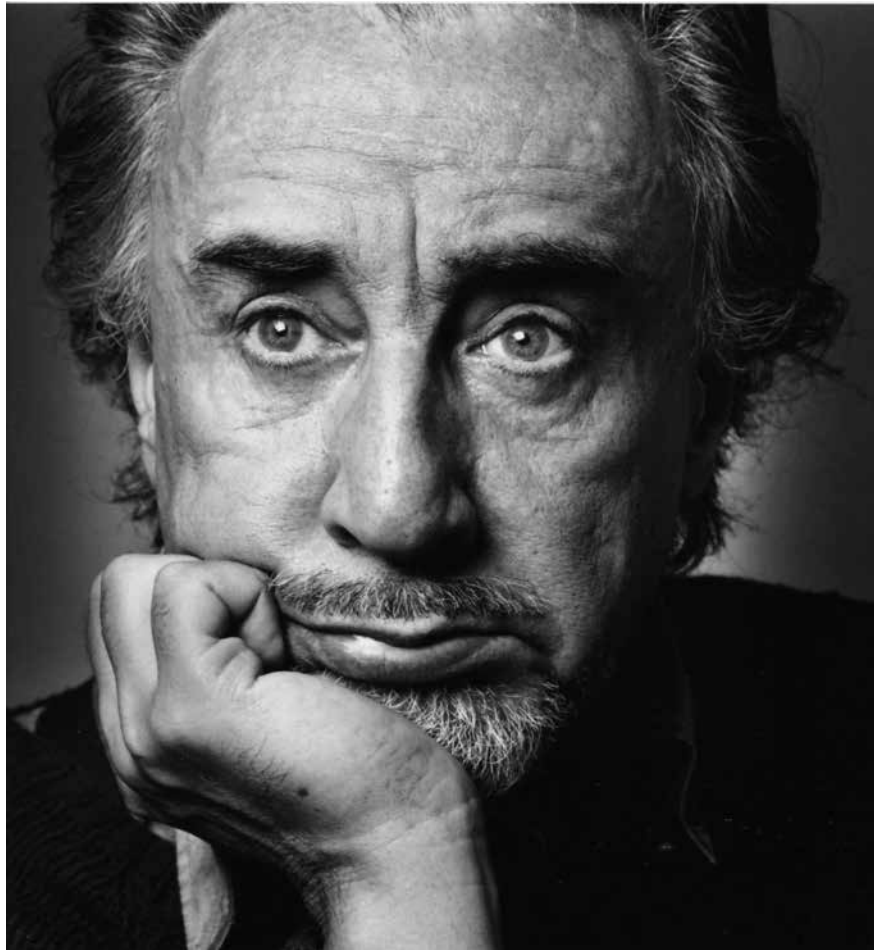
*Вернулся я,
спустя сто лет,
Из темноты на землю эту.
Зажмурился, увидев свет.
Едва узнал свою планету...
Вдруг слышу:
шелестит трава,
В ручье бежит вода живая.
«Я вас люблю!..» – звучат слова
И светят, не устаревая...*

Здесь – та витальная сила, что разлита в природе. Она может ощущаться человеком, только если он поднимется на высокие ступени... именно на те, на какие взмог Гамзатов, наблюдая бесчисленных журавлей, плывущих и плывущих над столь изменившимся человечеством.

«ВОЗДУШНЫЕ ЗМЕИ»

Глава из книги «Истории из пропавшего чемодана» рассказывает о жизни и судьбе французского писателя, кинорежиссера, военного и дипломата, уроженца России Романа Гари (1914–1980)

АЛИСА ДАНШОХ

Роман Гари

Мой второй визит в Ниццу завершился долгой беседой с художником преклонного возраста – очаровательным господином с роскошной седой шевелюрой. Его одежда ясно давала понять, что он принадлежит к богемному кругу. Около шестидесяти лет он прожил в «Палладиуме», куда судьба привела его благодаря бурному роману с горничной, обитавшей в комнатке под крышей дома.

Всеобщая мобилизация 1939 года помешала развитию любовных отношений молодых людей. Юношу призывали на службу в армию.

То, что произошло весной и в начале лета 1940 года, вошло в историю Франции как *drôle de guerre* («смешная война»). Она продолжилась несколько недель, и «Республика Свободы, Равенства и Братства» подписала капитуляцию при весьма унижительных для

себя обстоятельствах. Третий рейх отомстил ей за поражение в Первой мировой войне. Тогда, 11 ноября 1918 года, в Компьенском лесу, в маленьком железнодорожном вагончике, представитель Антанты маршал Фош поставил подпись под документом, ознаменовавшим конец европейской бойне. Програвшая войну Германия за свои милитаристские действия расплачивалась землями, колониями и валютой. А победители ставили памятники павшим героям. С тех пор 11 ноября отмечается как день поминовения не вернувшихся с полей сражений, а в Великобритании все население во главе с Ее Величеством королевой Елизаветой возлагает цветы к мемориалам и прикрепляет на одежду поминальные розетки («Истории из пропавшего чемодана» были написаны еще при жизни Елизаветы II. – Прим. ред.).

22 июня 1940 года в Компьенском лесу, на том же самом месте, в том же маленьком железнодорожном вагончике, в присутствии Гитлера была подписана капитуляция Франции, и страну разделили на две зоны – немецкую и французскую с дружественным фашистам коллаборационистским правительством во главе с героем Первой мировой войны маршалом Петеном. Союзник Германии Италия забрала назад свой собственный подарок Наполеону III и по прошествии восьмидесяти лет вернулась на Лазурный Берег. Итальянцы чувствовали себя как дома и особо не зверствовали.

Наш художник из «Палладиума» вместе с полуторамиллионной

французской армией был взят в плен, но ему удалось бежать и добраться до родного края. Несколько раз его останавливали патрули, и он прикидывался глухонемым, объясняя мимикой и жестами потерю документов. Добрые самаритяне подкармливали беглеца и на ночь прятали в сарае.

Вернувшись в Ниццу, молодой человек продолжал совершенствоваться в роли не слышащего и не разговаривающего. Его возлюбленная помогла достать беглецу новое удостоверение личности, и он устроился блюстителем чистоты в соседнем доме. Вскоре он нашел правильное применение своим художественным способностям. Став участником движения Сопротивления, он занялся оформлением нелегальных печатных изданий и изготовлением фальшивых документов для подпольщиков.

Настоящие трудности и опасности начались в конце сорок второго, когда немцы вместо итальянцев заняли юг Франции. При них аресты и расстрелы стали частью повседневной жизни. Оккупанты проводили чистки населения: лиц еврейской национальности отправляли в лагеря смерти, а молодых здоровых людей – на принудительные работы в Германию. Нашему солдату невидимого фронта из «Палладиума» пришлось переехать в горы на ферму к «дяде». Под покровом ночи он тайными горными тропами переводил беженцев через границу в более спокойные регионы нейтральной Швейцарии.

Во время освобождения Ниццы наш художник был ранен, а после долгожданной победы с изумлением наблюдал за разборками двух французских Сопротивлений, действовавших параллельно и соперничавших друг с другом. Одно из них состояло исключительно из коммунистов, а второе – из всех, кто, не будучи «комми», хотел освободить родную землю от врага.

Чтобы избежать путаницы, последних стали называть голлистами – по фамилии генерала де Голля. Он взял на себя руководящую и направляющую роль для всех сил, борющихся за освобождение Франции. Однако по отношению к членам ФКП (Французская коммунистическая партия) генерал проявлял осторожность, опасаясь их влияния на жизнь страны в послевоенное время.

Трудно переоценить вклад де Голля в консолидацию сил, направленных на победу Франции и на ее реабилитацию за молниеносное поражение в начале войны. После трагических событий 1940 года в бельгийском Дюнкерке и бегства англичан, когда стало ясно, что ни Франция, ни Англия не способны противостоять Германии, генерал де Голль «дезертировал», чтобы начать борьбу с врагом и выиграть ее. Режим Виши во главе с восьмидесятилетним Петеном приговорил де Голля к смерти за измену родине. А «изменник и предатель» в самые тяжелые и позорные дни в истории Франции обратился из Лондона по радио к своим соотечественникам с пламенной речью. Он призвал всех французов не сдаваться, не терять веры в свои силы, быть мужественными и не сомневаться в грядущей победе.

Вслед за генералом де Голлем многие военные пытались покинуть Францию, чтобы вместе с ним бороться против фашизма. Но далеко не всем удавалось добраться до берегов Африки или Англии. Среди тех, кто все же смог достигнуть Черного континента после нескольких неудач, был молодой летчик Роман Кацев – эмигрант, родившийся в России. В 1928 году он с матерью приехал в Ниццу из Варшавы, где они прожили несколько лет. Окончив с прекрасными результатами по гуманитарным наукам лицей в столице Лазурного

Берега, Роман продолжил учебу сначала в Экс-ан-Провансе, а затем в Париже на юридическом факультете.

Получив в 1937 году французский паспорт, молодой человек решил стать летчиком и окончил соответствующую школу. Однако, несмотря на отличные оценки, офицерского звания ему не присвоили. Командование летного центра воспользовалось формальным поводом, объяснив свое решение тем, что с момента натурализации прошло всего лишь три года. За столь короткий срок Роман Кацев, с их точки зрения, не успел в должной мере подтвердить свою благонадежность и не смог проявить патриотические чувства по отношению к новой родине, как она того заслуживает.

Двадцать лет спустя в романе «Обещание на рассвете» он пишет: «Я прекрасно понимал, что причиной моего унижения явились социальные, политические и исторические условия, против которых я решил бороться и победить во что бы то ни стало». И он боролся, и он одержал много заслуженных и громких побед на тернистом пути к справедливости. Он занял достойное место во французской литературе и в мифологической галерее героев Лазурного Берега. Почему Лазурного Берега? Потому что после непростой жизни в Варшаве для еврейского подростка в Ницце началась новая эра, и тоже нелегкая. Но она была согрета южным солнцем, пронизана ярким светом, благоухала травами и цветами Приморских Альп и ласкала взгляд лазурью Средиземного моря. Здесь было получено французское гражданство, и над этими благословенными местами он завещал развеять свой прах.

На вопрос «По какой причине мама Ромы перевезла сына из Польши на французские юга?» есть два ответа: более прозаический и менее.

О первом не много позже, а второй вариант подробно рассматривается в романе «Обещание на рассвете». Опубликованный в 1960 году, он сразу же стал бестселлером и визитной карточкой французского писателя Ромена Гари, в которого в 1944 году превратился летчик, герой Второй мировой войны Роман Кацев. Недавно я экранизация «Обещания на рассвете» с изумительной Шарлоттой Гинзбург в роли матери писателя вызвала новую волну интереса к творчеству Гари. Появившийся вскоре итальянский фильм по его роману «Вся жизнь впереди» с Софи Лорен в главной роли также привлёк внимание зрителей на автора.

Доверчивый читатель «Обещания на рассвете» с еще более доверчивым зрителем киноверсии поверили каждому написанному слову и каждому экранному образу. А как было не поверить искренней и трогательной истории про мать и сына, вырвавшихся из нищеты и унижений Польши в прекрасную, процветающую и издавна любимую Францию! Признаюсь, я была среди тысяч тех, кто читал роман и время от времени пускал слезу умиления или сочувственно вздыхал. «Обещание на рассвете» – это объяснение в любви сына к матери. Это попытка наконец через много лет выразить все чувства, всю благодарность и признательность той, для которой он был единственной радостью и любовью, которая была готова на все ради сына и которая посвятила ему всю себя без остатка.

Те, кто считает роман произведением автобиографическим, помнят, что Ромушка был поздним ребенком, мать его обожала и боготворила. Ради него она оставила сцену, пожертвовав карьерой успешной актрисы. Гари пишет, что его рождение окружено тайной и мать никогда не говорит об отце. Он намекает, что им, возможно, был великий русский актер немого кино Иван Мозжухин... Мы узнаем, что материальные трудности заставляли Мину Кацеву браться за любую работу, лишь бы Романчик «хорошо кушал», был здоров и получил правильное всестороннее образование. Она пророчила ему большое будущее – видела его знаменитым актером, скрипачом, генералом, дипломатом, поэтом или теннисистом, но только не художником. Мину Кацеву настолько пугала судьба Ван Гога, его сумасшествие и отрезанное ухо, что она даже прятала от сына краски, хотя у него обнаружились отличные способности к рисованию. Мать не уставала повторять сыну и всем окружающим, что мальчика ждет

невероятный успех, что он станет героем, новым д'Аннунцио и что все женщины будут от него без ума. Она даже соглашалась на карьеру писателя, хотя ее очень настораживала преждевременная смерть горячо ею любимого писателя Ги де Мопассана от венерической болезни. Все же мадам Кацева поощряла занятия сына литературой и возмущалась отказами журналов печатать его «гениальные» произведения. В итоге она усмотрела причину негативного отношения издателей к творчеству ее чудомальчика в «неправильной» фамилии автора. Придя к такому выводу, мать и сын в течение долгого времени выбирали безошибочно действенный псевдоним. И в конце концов он был найден – короткий, звонкий и загадочный. Впоследствии, когда пришла известность, журналисты часто спрашивали писателя, как появилась фамилия Гары. Ответы бывали разными, но чаще всего лауреат престижной Гонкуровской премии объяснял ее созвучием с русским глаголом «гореть» в повелительной форме второго лица и произношением «а» вместо «о». Иногда он говорил, что мама в детстве часто пела ему романс «Гори, гори, моя звезда».

Мне нравились эти версии, идущие от глагола «гореть», и я даже переделала строку из знаменитой песни Булата Окуджавы про неистовый огонь: «Неистов и упрям, гори, Ромен Гари». Тем более что военный летчик Роман Кацев и в самом деле горел в охваченном пламенем самолете при выполнении боевого задания. Однако при тщательном изучении биографии моего героя я пришла к выводу, что основными причинами поиска псевдонима стали его еврейское происхождение и воинствующий антисемитизм во Франции. Они очень мешали продвижению как по социальной лестнице, так и по карьерной. Стоит ли

удивляться тому, что молодой и амбициозный Роман Кацев решил разобраться с существующим положением вещей по собственному усмотрению. Новой точкой отсчета в его судьбе стала война.

В новую героическую жизнь надо было входить с новым именем. Его он позаимствовал у восходящей американской кинозвезды Гари Купера, который ему очень нравился. Актер ввел в конце 30-х моду на мужественность и фактурность, и, подражая ему, с 1940 года с девушками знакомился не бедный эмигрант Роман, а смуглый красавчик Гари. Не только хорошие девичьи, но и боевые товарищи авиационного полка запомнили синеглазого военного летчика Гари де Кацев. Очевидно, частичка «де», по мнению ее носителя, должна была облагородить странную нефранцузскую фамилию, придав ей некоторый таинственный аристократизм.

Фронтовые испытания подсказали другой вариант. Команда «Огонь!», вспышки взрывов, пламя пожаров навели начинающего писателя на мысль использовать для псевдонима глагол «гореть». Реализовать задуманное оказалось проще простого, для этого потребовалось лишь перенести ударение с первого слога имени Гари на второй. Получилось коротко и звучно – Гары. Данное при рождении имя Роман легко превратилось в истинно французское элегантное Ромен, стоило только заменить букву «а» на «е». Сегодня можно сказать, что война сдала в архив историю жизни эмигранта Ромы Кацева и выдала похожему на него человеку новые документы, по которым он проходил как французский писатель Ромен Гари.

У меня сложилось впечатление, что начинающий литератор Рома Кацев был равнодушен не только к женскому полу, но и к американскому кино. Если у Купера он

Роман Кацев и его мать Мина Кацева

Фото: Центральный государственный архив Литвы

позаимствовал им, то у другого не-божителя Голливуда – Кларка Гейбла – отобрал неотразимые усики, с которыми не расставался долгие годы. Со временем к растительности над верхней губой он добавил бородку, за которой тщательно ухаживал. Она полностью изменила облик писателя: из моложавого мужчины он превратился в усталого, невеселого человека с несколько театральной внешностью искусителя гетевского Фауста.

Надо сказать, что своему внешнему виду Гари уделял повышенное внимание: следил за весом, плавал, бегал и часто отправлялся на длительные прогулки. Одежда подчеркивала стройность фигуры и отличалась богемной экстравагантностью. Он нравился женщинам и знал, что нравится, и они ему нравились, и, если бы мог, не отказался бы ни от одной молоденькой и хорошенькой особи женского пола. Он легко и искренне увлекался, влюблялся и точно так же разочаровывался и расставался. Однако со многими бывшими пассиями ему удавалось сохранять дружески-доверительные отношения. Но настоящая дружба связывала его с теми дамами, которых ему не удалось соблазнить, которые все же

смогли противостоять его шарму и не попадали в плен восхищенного взгляда его ярких синих глаз в обрамлении густых черных ресниц. Блоковскую строку «...и очисиние бездонные цветут на дальнем берегу...» можно отнести не только к «прекрасной незнакомке», но и к писателю Ромену Гари. И кто знает, может быть, он и не лишил бы себя жизни, если бы синева его глаз не поблекла, ресницы не поредели, а предательская седина не указывала так явно на возраст. Но это случится через сорок лет...

А пока что двадцатилетний Роман Кацев спасает новую родину, надев кожаную летнюю куртку, которая так ему идет и которая стала его талисманом.

Один из боевых командиров будущего писателя позднее вспоминал, что Гари не был бесшабашно-бесстрашным, он испытывал страх перед вылетом, но сдержанность, умение владеть собой, профессиональная компетентность питали его мужество. В 1960 году Гари напишет, что во время войны он не боялся погибнуть, потому что обязан был выжить и вернуться в Ниццу героем. Более того, уверовал в покровительство высших

сил, с которыми договорилась его мать и получила от них для сына охранную грамоту, и тому следовали неоднократные подтверждения. Однажды ее неожиданный телефонный звонок в летнюю часть спас ему жизнь. Пока он с ней разговаривал, тренировочный полет экипажа, членом которого он был, закончился катастрофой: самолет, не успев взлететь, взорвался. То, что с Гари случилось в Африке, потрясло врачей. Неосторожно выпив водички из местной реки, молодой человек заболел тифом и полгода провел в госпитале между жизнью и смертью. Он пережил клиническую смерть, а когда впал в коматозное состояние, врачи не сомневались в летальном исходе и даже сообщили начальству военной базы о смерти бойца. Они недооценили бешеную жажду жизни и внутренние резервы молодого человека. И, конечно, они не подозревали о том, что их пациент находится в зоне особого внимания управления человеческими судьбами, что он не мог бесславно уйти в небытие, обманув ожидания матери.

Через двадцать лет он воздал должное той, чья любовь к нему была самой искренней и самой бескорыстной, и именно ей, а заодно и нам он дал душещипательное «Обещание на рассвете». Признаюсь, что недавно, перечитывая его, я неоднократно подвергалась слезным атакам со стороны жалости, умиления и сочувствия к героям романа. Писать о любви сложно и даже опасно, ибо автор, решившийся говорить об этом чувстве, оказывается между двумя безжалостными чудовищами – Сциллой и Харибдой, сиречь Пафосом и Занудством. Ромену Гари удалось ловко избежать убийственной для писателя западни. Его спасло великодушное чувство юмора, о чем он и поведал на страницах книги: «Инстинктивно, отчасти под влиянием литературы, я открыл для себя

юмор, этот ловкий и безотказный способ обезоруживать действительность в тот самый момент, когда она готова раздавить вас. Юмор всегда был моим дружеским спутником; только ему я обязан своими крупными победами над судьбой. Никто не смог лишить меня этого оружия, которое с еще большей охотой я оборачиваю против себя самого, а через себя – против нашего общего удела, который я разделяю с людьми. Юмор говорит о человеческом достоинстве, утверждает превосходство человека над обстоятельствами».

Цитата мне кажется основным ключом к пониманию творчества Гари. Без его уникального чувства юмора он не смог бы стать тем, кем стал, и не смог бы взойти на литературный олимп. В его юморе прослеживается несколько составляющих. Во-первых, он сполна наделен самобытным еврейским чувством смешного, веками помогавшим людям его национальности выживать, несмотря на гонения, притеснения и дискриминацию, которым они подвергались. Вместе с тем ему присущи как гоголевская трагическая насмешка сострадания, так и самоирония и абсурд английской литературы. Однако, обладая уникальным юмористическим даром, Гари не был ни весельчаком, ни рубахой-парнем, не был легким беззаботным человеком. Скорее наоборот: сдержанный, скрытный, с изменчивым настроением, с приступами гнева, депрессиями, со взглядом, обращенным в себя. Многие слова, оканчивающиеся на «-ист», очень верно его характеризовали: суперэгоист, пацифист, пессимист и голлист в одном флаконе. Если бы он попал на прием к врачу – последователю доктора Фрейда, то, несомненно, тот, потирая руки, нашел бы у пациента серьезные отклонения от нормативного поведения. Он обнаружил бы психическую неуравновешенность и кучу различных

комплексов, не поддающихся искоренению. Но ни сложный характер, ни внутренний разрыв не мешали ему быть компетентным боевым офицером, надежным товарищем и человеком, пользующимся уважением окружающих.

Гари надо было выжить еще и для того, чтобы взять у жизни и общества реванш. Ему требовалось доказать всему миру, что он талантлив, и тем самым удовлетворить собственные амбиции подающего надежды провинциала из «ниоткуда». С точки зрения самодовольной просвещенной Франции, Восточная Европа весьма подходила под определение «ниоткуда», хотя великая держава и принимала оттуда эмигрантов, если те декларировали средства к существованию. Есть деньги – живи и трать их на благо страны-благотельницы, но работать в ней и зарабатывать не разрешалось. Несколько благосклоннее власти относились к бежавшим от революции и коммунизма русским – во всяком случае, им охотнее и быстрее предоставлялось ПМЖ (постоянное место жительства). Отношение к подданным Российской империи повлияло на создание Романом Кацевым своего «ниоткуда». Собственно говоря, получилось так, что над своими корнями он работал всю жизнь, внося изменения, уточнения и разнообразные взаимоисключающие данные.

Оказавшись в Ницце, четырнадцатилетний подросток и его немолодая, не очень здоровая пятидесятилетняя мать старались не вспоминать годы жизни в дореволюционной России, а затем в Варшаве. Им хотелось забыть унижительный великопольский антисемитизм, от которого они бежали. Искажения реальности начались при заполнении документов для получения разрешения на выезд во Францию. В них Мина Кацева местом своего рождения указала город Курск, а не захудалый

городишко на литовской окраине, где в черте оседлости жила ее семья и где она с сыном провела четыре года, пока муж сражался на фронтах Первой мировой в рядах Русской армии. В «почти» биографическом романе «Обещание на рассвете» об этих фактах не сообщается, так же как тщательно обходится молчанием и еврейское происхождение Ромушки. Не указывается и истинная причина выбора Ниццы в качестве земли обетованной. Отнюдь не всепоглощающая любовь ко всему французскому – к культуре, истории, традициям великой страны – заставила госпожу Кацеву перебраться на Лазурный Берег. Все намного прозаичнее: годом ранее здесь обосновался родной брат Мины, и в очень трудные минуты жизни она обращалась к нему за финансовой помощью. Со своими накоплениями братец расставался неохотно и настаивал на врате долга.

Тайна рождения Ромена Гари, так романтично изложенная в романе, не совпадает с реальностью. Он прекрасно знал, кто его отец. Они с матерью несколько лет прожили в доме небедной семьи Милининого свекра и особым невзгодам и лишениям не подвергались. Тяжелые времена начались после того, как отец ушел к другой женщине, помоложе и посвежее, и этого сын своему родителю никогда не простил. На страницах книги он лишь вскользь упоминает о нем как о загадочном незнакомце с таинственными подарками и о его трагической смерти в немецком концентрационном лагере. В действительности летом 1935 года Роман ездил в Варшаву, встречался с отцом, о чем свидетельствует фотография, и получил от него некоторую сумму, позволившую переехать в Париж и продолжить в столице учебу на юридическом факультете.

Продолжение следует

«В ТЕНИ ТРОНА» ВАСИЛИЯ ЗУБАКИНА

Заключительная глава книги В. А. Зубакина, вышедшей в 2022 году в издательстве «Время»
(начало читайте в № 149/09, 150/10, 152/12, 153/03–04 и 156/07–08)

Горы Меркантура

Самая губительная в истории человечества война не внесла поначалу никаких изменений в жизнь хижин в горах Меркантура; время тянулось ни шатко ни валко. Прекрасная Ривьера до конца 1942 года оставалась свободной зоной, и только потом здесь объявились оккупанты – немцы и итальянцы. Но ни те ни другие интереса к Меркантуру не проявляли и в горы не поднимались – дикое, безлюдное место не представляло никакого интереса для оккупантов.

Меж тем войлочное производство не останавливалось: по договору с Магомедом крестьяне из низовой деревни разводили в своих хозяйствах меринов на шерсть для выделки фетра. Эту шерсть Магомед доставлял в хижину, и там, в специально для этого оборудованной пристройке, вместе с Беком выделывал на бельгийском станке разноцветные листы фетра.

Со сбытом продукции сложностей не возникало: шляпные ателье нуждались в качественном и не слишком дорогом товаре, получать который к тому же можно было без задержек. Но продукция Бека и Магомеда вызвала интерес и у немцев: германской военной промышленности требовались защитные фетровые прокладки для двигателей и насосов, а поставки из Канады и Австралии прекратились. Фетра не хватало, и дело дошло до того, что на склады наиболее известных шляпных ателье нагрянули немецкие солдаты и без лишних слов конфисковали запасы фетра на военные нужды. Разумеется, немцы приложили усилия, пытаясь отследить, откуда поступает нужный им товар, то есть выявить источник поставок, чтоб не тратить время на обыски шляпных мастерских. Но поймать Магомеда, через которого шли поставки фетра, было

нелегко. Модистки – добившиеся успеха русские эмигрантки – и сами толком не знали, кто такой и откуда этот Магомед. Отменный товар они получали от него вовремя, излишки фетра – с хорошей прибылью – продавали своим коллегам. Даже в Берлин, через оккупированный немцами Париж, попадала иногда продукция горной хижин. Война войной, а прибыльная торговля, сидя на облучке, исправно правит своей повозкой и продолжает движение по дорогам Истории.

Известия о повышенном интересе немцев к его продукции насторожили Михаила, и он предусмотрительно сократил деловые разъезды Магомеда: привлекать к себе внимание немцев он хотел избежать любой ценой. И причиной тому были не фетр и даже не личная безопасность Бека и его побратима, а обстоятельства куда более серьезные.

Дело в том, что Дэвид-Эдуард оказался первым, но не последним неожиданным визитером в горной хижине. Партизанская война с оккупантами набирала обороты на французской земле, и через два года после захвата немцами Парижа и появления в Виши коллаборационистского правительства маршала Петена в хижине Бека появился посланец Эммануэля д'Астье – руководителя антигитлеровского вооруженного Сопротивления на юге Франции. Посланец, назвавшийся Жаком и выглядевший, как местный крестьянин, не стал вдаваться в подробности, каким образом он нашел дорогу к Беку, сказал лишь, что Сопротивление располагает разветвленной сетью бойцов и сторонников, охватывающей и Ривьеру вплоть до предгорий Альп. К борьбе с оккупантами и коллаборационистами присоединялись настоящие герои-патриоты, осознавшие, что на войне можно быть либо за Гитлера и его свору, либо против него. И если Бек настроен против фашизма, то он должен примкнуть к Сопротивлению. О его решении будет поставлен в известность сам Эммануэль д'Астье.

Бек слушал визитера с неослабевающим вниманием. Он понял, что Жак и не подозревает, кто такой в действительности Бек, – и это успокаивало: значит, и внизу, в деревне, где гость, по-видимому, раздобыл информацию о нем, никто ничего не знает и, стало быть, никому Бековой тайны открыть не сможет даже под пыткой.

– Да, я определенно против Гитлера, – сказал наконец Бек. – Нацизм не по мне... Но чем я могу быть полезен вашему движению? Много лет назад я получил ранение в ногу и остался инвалидом на всю жизнь. И почему о моем решении надо докладывать вашему командиру?

– Здесь у вас в Меркантуре, – ответил посланец, – самое подходящее место для тайной запасной базы сил Сопротивления – при

необходимости здесь можно укрывать наших людей от преследования гестапо. Вы вдвоем, – он указал на Магомеда, – ориентируетесь в здешних горах, как в собственном доме, знаете наперечет все ходы и выходы, все скалы и пещеры. Взяв на себя эту работу, вы окажете нам неоценимую помощь.

– Что еще будет входить в наши обязанности? – по-военному кратко осведомился Бек.

– Мы ждем решения союзников о доставке нам грузов воздушным путем, – ответил

Жак. – Самолеты будут держать курс на плато в Меркантуре, это надежней всего.

– Откуда самолеты? – спросил Бек.

– Из Англии, – ответил гость. – От командующего армией Свободной Франции генерала де Голля.

– Теперь ясно, – сказал Бек. – Пойдем воевать, а, Магомед?

– А как же! – ответил Магомед и сверкнул глазами из-под бровей, как перед атакой на фронте в прежние времена, много лет назад.

Регулярные поставки оружия и диверсионного снаряжения из Лондона были давней заботой Эммануэля д'Астье – отважного командира Сопротивления и аристократа из древнего рода. Добиться утверждения его плана британским правительством было

Барон Эммануэль д'Астье де ла Вижери, один из организаторов и руководителей французского Движения Сопротивления

трудной задачей: ночные полеты английских самолетов с оружием на борту над Европой, оккупированной немцами, – само по себе смертельно опасное предприятие. К тому же никто не мог гарантировать, что сброшенный с самолета груз приземлится в заданном районе и благополучно попадет в руки бойцов Сопротивления.

Единственной площадкой, подходящей для тайной доставки оружия, был безлюдный Меркантур, и согласие Бека на боевое сотрудничество с Эммануэлем д'Астье стало важным шагом в борьбе с фашистами: бойцы Сопротивления нуждались и в надежном укрытии, и в оружии.

Не привлекать внимания к обитателям хижин – вот залог успеха операции «Гром с небес». Связь с Беком решено было

Французский комитет национального освобождения

поддерживать с помощью зашифрованных сообщений через подругу Магомеда – вдову бондаря из низовой деревни: там к частым визитам ногайца привыкли, они ни у кого не вызвали подозрений.

Однажды Магомед возвратился в хижину из очередного похода к вдове с таким сообщением: штаб д'Астье просил подыскать и подготовить к ночной посадке легкого самолета ровную грунтовую полосу не менее семидесяти метров длиной. Значит, переговоры о предоставлении Лондоном военной помощи партизанам сдвинулись с мертвой точки! Бек с Магомедом срочно взялись за дело, нашли подходящую площадку, выровняли, очистили ее и с двух сторон намеченной взлетно-посадочной полосы уложили сухие ветки для костра – светового сигнала пилоту.

Через неделю в хижине появился старый знакомый – одетый в крестьянскую одежду посланец Жак из штаба Сопротивления: самолет из Лондона прилетит этой ночью, нужно его встретить. К взлетно-посадочной полосе отправились втроем – Бек, Магомед и гость.

Одномоторный «Лисандер» благополучно приземлился

в половине третьего ночи, из кабины выпрыгнул таинственный пассажир, обнялся с Жаком и молча пожал руки Беку и Магомеду. А самолет развернулся, разогнался, ориентируясь на костерок в конце полосы, взлетел и исчез, растворившись во тьме безлунной ночи.

За первым рейсом «Лисандера» последовали другие, доставлявшие во Францию эмиссаров и разведчиков де Голля, а в начале 1944-го д'Астье добился своего: начались регулярные поставки оружия бойцам Сопротивления.

Первый, пробный сброс груза прошел удачно: контейнеры приземлились в почти голой ложбине, выходящей в Долину Чудес. Хорошая погода способствовала длительному перелету, которому предшествовали долгие месяцы подготовки: британские умельцы изготавливали полутораметровой высоты металлические цилиндры, каждый из которых вмещал дюжину винтовок с боеприпасами, или шесть ручных пулеметов, или банки со взрывчаткой, которой можно было пустить под откос военный эшелон или взорвать мост. Цилиндры внешне напоминали

авиабомбы, их крепили к стойкам под крыльями тяжелых «Либерейторов» и сбрасывали на парашютах. Сброс этих хитроумных псевдоснарядов был отработан на небольших английских лужайках, и испытания показали хороший результат.

Пока техники занимались средствами и способами упаковки и сброса оружия, летные экипажи досконально изучали маршрут от одного из лондонских военных аэродромов до Меркантура в Южной Франции, а метеорологи корпели над составлением прогноза погоды, наиболее подходящей для осуществления опасного и дерзкого плана, которому сам Черчилль дал «добро». Для того чтобы операция «Гром с неба» заработала без сбоев, нужно было довести каждый ее этап до совершенства, предусмотреть все. И пробные полеты на плато играли в этом деле определяющую роль. А приемку грузов на земле обеспечивал немногословный «король Меркантура» – Бек со своим другом и помощником.

Михаил под странным именем Бек был известен и в Лондоне, а точнее, в SOE – особом могущественном подразделении по организации диверсий в оккупированной немцами Европе, в чем ведении находились воздушные операции во Франции. Но знали об этом Беке, всегда успешно выполнявшем ответственные задания по тайной приемке людей и грузов, лишь то, что он русский, а больше ничего. Наверно, так было лучше для всех.

Растущая активность французского Сопротивления, естественно, действовала на нервы оккупационным властям. Расправа над относительно малочисленными группами французских партизан не была первоочередной задачей немцев, откатывающихся после разгрома их армейской группировки на Волге по всему восточному фронту и несущих существенные

потери. Но оставлять активность партизан без внимания немцы не могли, в графике проведения военных операций вермахта стояло и подавление сил Сопротивления.

Старшие офицеры в штабе германских оккупационных войск во Франции прекрасно понимали, что возросшая активность сил Сопротивления связана с поставками оружия, воздушным путем доставляемого из Англии. По данным гестапо, и стрелковое оружие, и взрывчатка сбрасывались с самолетов на необитаемое плато в Меркантуре, а оттуда переправлялись вниз, в предгорье, и не без помощи местных жителей попадали в руки партизан. Более подробной информацией гестапо не располагало, да она и не требовалась, поскольку была поставлена задача провести тотальную зачистку этого плато и ликвидировать всякую возможность использовать его как площадку для переброски оружия. Цель определена, задача поставлена. Для ее выполнения требовались подробные карты местности и хорошо подготовленные воинские подразделения. Армия имела в своем распоряжении и то и другое, а личности обитавших на этом плато интереса не представляли – всех их надо уничтожить.

Выполнение рутинной, на первый взгляд, задачи было возложено на стрелков 1-й горно-пехотной дивизии вермахта «Эдельвейс», накопившей боевой опыт в операциях на Северном Кавказе. Прочесывание и зачистка незаселенного плато не предвещали опасных боестолкновений, поэтому одной укомплектованной роты горных стрелков – ста пятидесяти солдат и офицеров – было достаточно. Роту выделили из состава дивизии и отправили к месту проведения операции – на границу Франции и Италии. Оставшиеся завидовали уезжавшим – командировка на юг, почти на Ривьеру, всем казалась романтическим отдыхом.

Подняться на плато роте приказано было с ходу, не задерживаясь в низинных деревнях: появление там альпийских стрелков, чей маршрут был военной тайной, вызвало бы интерес у местных сторонников Сопротивления. Но тайны, в том числе и военные, имеют обыкновение утекать из своих источников. Английская разведка МИ-6, раскопировавшая германские секретные шифры, поделилась со штабом информацией о дате запланированной операции на плато в горном массиве Меркантур. Шеф службы безопасности де Голля передал сообщение на материк, в штаб сил Сопротивления. Сутки спустя информация дошла до обитателей хижины. Самым простым решением для Бека и Магомеда было бы спуститься с плато, бежать и скрыться. Но Михаил решил остаться.

Положение усугублялось тем, что доставленное в Меркантур оружие партизаны время от времени спускали в предгорье по северному маршруту – в направлении к Греноблю. Для такого варианта спуска Бек с Магомедом подготовили второй тайник, в десяти километрах северней Долины Чудес, – оттуда до перевала, открывающего горную дорогу на север, было рукой подать. Второй схрон пополняли по мере сброса контейнеров, и бойцы Сопротивления, поднимавшись на плато, забирали оружие из тайника и через перевал спускались вниз. Продвижение горных стрелков по плато нужно было остановить во что бы то ни стало, иначе они, без помех пройдя с юга на север, выйдут к перевалу, ведущему к Греноблю, догонят караван с английским оружием из тайника и расстреляют партизан в упор. Это была реальная угроза.

Итак, чтобы остановить стрелков, надо позаботиться об обороне. В ближнем схроне, оборудованном в одной из пещер за Долиной Чудес, имелось несколько винтовок,

ручной пулемет «Брен» и пять противопехотных осколочных мин-растяжек вместе с подробными инструкциями по приведению их в боевое состояние. Винтовки и пулемет Магомед перевез на вьючной лошади из тайника в хижину, а с минами Бек распорядился иначе: две из них он расположил вблизи пещер, которые немцы наверняка захотят проверить, две – на подходах к хижине, куда вела едва заметная тропка, а третью оставил в доме – на тот случай, если защитникам будет грозить плен. Пулемет Бек поставил в одном из окон, которое, заложив камнями, превратил в подобие амбразуры. «Брен» был нацелен на тропу к дому. У всех окон и у входной двери разложены были на промасленных мешках заряженные винтовки. Пастушья хижина, таким образом, превратилась в крепость и была готова противостоять штурму. Бек с Магомедом поочередно круглые сутки несли дежурство в ожидании немцев.

Рота горных стрелков перевалила кромку плато вместе с рассветом и, согласно приказу, разделалась на три взвода по пятидесяти солдат в каждом. Пользуясь штабными картами – надежных проводников не удалось разыскать, альпийские стрелки приступили к прочесыванию местности. То была несложная задача – на безлюдном плато разве что волки могли оказать сопротивление солдатам, но не давали о себе знать и волки.

Первый взвод двинулся вдоль глубокого каменистого лога на север в поисках замаскированных взлетно-посадочных полос для легких самолетов, второй, ориентируясь по карте, направился к Долине Чудес с ее пещерами, а третий остался в резерве, остановившись после подъема на поляне, усеянной валунами. Стрелки второго взвода шли цепью, глаза по сторонам, ничто их взору не препятствовало.

Часа через два добрались до Долины Чудес и, взяв наизготовку свои шмайсеры, ускорили шаг и двинулись к видневшимся вдалеке темным зевам пещер. На пути стрелков эти пещеры стали первой опасностью – в их темной глубине могла таиться угроза. С этим ощущением солдаты и шли, пока не достигли окраины Долины в нескольких десятках метров от пещер. И тут грохнуло – взорвалась одна мина-растяжка, потом вторая. Осколки буквально сбрасывали все, что выше половины человеческого роста. Солдаты бросились на землю, и через две-три минуты поднялись не все: взвод потерял пять человек убитыми и семь ранеными. Оглушенный взрывом командир взвода, опасаясь снова напороться на мины, приказал остановиться. Солдаты открыли шквальный огонь, поливая свинцом входы в пещеры, но в ответ оттуда не долетело ни звука. Связавшись с командиром роты в палаточном лагере, комвзвода доложил обстановку и приказал солдатам, забрав раненых, отойти в глубь Долины Чудес, в безопасное место.

Эхо взрывов и стрельбы докатилось и до хижин. Бек с Магомедом молча поглядели друг на друга: началось!

– Выпусти лошадей и овец на волю, – сказал Бек. – Им тут больше делать нечего. Пускай идут куда хотят.

Ногаец вышел выполнять поручение Бека.

А командир роты отправил из лагеря к раненым фельдшера с санитаром и отозвал первый взвод – розыском взлетно-посадочных полос можно было заняться позже. Затем сгруппировал весь личный состав и приказал приступить к тщательному прочесыванию плато: партизаны, заложившие мины, скрываются где-то здесь, их надо найти и уничтожить. Сумерки уже надвигались из-за горных вершин, когда стрелки,

миновав редкий хвойный лесок, вышли к поляне, заросшей травой и низкорослым кустарником. За поляной, привалившись задней стеной к скале, стоял пастушеский домишко, не подававший признаков жизни. Между ним и первой линией наступающих солдат пасся, мирно пощипывая травку, крупный белосерстный баран-меринос.

Условным свистом ротный оставил продвижение стрелков. Баран вызывал у него смутные подозрения. Откуда он здесь взялся? Но и пристрелить его на месте не было резону.

– Гоните его отсюда! – приказал командир.

Несколько солдат с гиканьем выскочили из ряда и, размахивая руками, спугнули барана. Меринос развернулся, вразвалку потрусил к хижине и задел растяжку мины. Грохнул взрыв, вторая мина сдетонировала. Взметнулись вырванные комья земли, и шапка дыма повисла над местом взрыва. И, не успев еще дым развеяться, как заработал пулемет из окна хижины. А когда дым развеялся, открылась кровавая картина: полтора десятка убитых и раненых альпийских стрелков валялись на земле на подступах к хижине. А «Брен» продолжал строчить, и прицельные винтовочные выстрелы застучали из второго окна.

Ротный отдал приказ всем залечь – атаковать под пулеметным огнем было равносильно самоубийству. Гранатометчик, вжимаясь в землю, навел свое оружие на окно хижины и выстрелил. Мощная граната, способная остановить танк, взорвалась в окне, разметав камни во все стороны. Пулемет захлебнулся, умолкла и винтовка. По знаку командира солдаты поднялись с земли и, стреляя короткими очередями из шмайсеров, двинулись к хижине.

В хижине контуженный и раненный в плечо Михаил, притянув

к себе истекающего кровью Магомеда, привел в действие заготовленную на случай пленения мину. В доме полыхнуло пламя, из зияющих окон повалил дым. Все было кончено.

В хозяйственной пристройке, куда огонь еще не добрался, командир роты с любопытством рассматривал станок для прокатки войлока и несколько листов фетра, аккуратно сложенных в стопку.

Выполнив свою задачу, немцы спустились вниз, а на третий день несколько деревенских жителей поднялись на плато, чтобы похристиански предать земле и оплатить русского героя Бека и его друга, погибших в бою за свободу Франции. Крестьян привел сельский кюре отец Бернар, преданный делу борьбы с оккупантами и помогавший партизанам. На тайные похороны приехал поклониться павшим партизанский командир южного фланга Сопротивления Жак – посланец Эммануэля д'Астье.

Обмытые и обернутые в саваны тела опустили в могилы, отец Бернар прочитал поминальную молитву, и, провожая покойных в последний путь, помолились пришедшие с ними проститься.

Дородная Жаннетт, вдова бондаря, протиснулась поближе к кюре и сказала тихонько, сквозь слезы:

– Мой-то ведь не христианин был, а басурман...

– Не важно, – строго сказал кюре. – Бог на всех один.

После погребения отец Бернар подошел к Жаку и сказал, протягивая ему ладонь с погнутой золотой монетой на цепочке:

– Это талисман Бека. Теперь он ваш. Храни вас Бог!

Наталя пережила Михаила на восемь лет и умерла от рака в Париже, в забвении и нищете, в больнице для неимущих. Похоронена на кладбище Пасси, рядом с сыном Георгием, русским царевичем.

ПЯТНЫШКО

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира МАЛЫШЕВА из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

Игнатий Петрович Семечкин, вот уже несколько месяцев возглавлявший департамент сырьевых отходов в Министерстве, не торопясь собирался на работу. С утра заботливая жена, полногрудая Оксана, накормила его полезным завтраком, милостиво позволив ему в порядке исключения съесть под кофеек хрустящий рогалик. Супруга всегда тщательно следила за внешним обликом мужа и объемом его живота, искренне полагая, что от этого во многом зависит продвижение по службе. А уж когда тот стал начальником, она тем более стала уделять этому особое внимание. И то сказать, что кроме посещения косметических салонов и модных магазинов, заниматься ей, по сути, было нечем.

Каждое утро Оксана собирала мужа на работу, тщательно продумывая, доставала из гардероба ворох одежды вплоть до рубашек, носков и галстук. Эта церемония всегда проводилась с особой тщательностью, с учетом распорядка рабочего дня.

А сегодня день обещал быть особенным в силу того, что Игнатий Петрович впервые был приглашен в числе приближенных лиц на вечеринку в честь юбилея самого министра. И тут уж проштрафиться было никак нельзя – либо ты пришел ко двору и закрепился в этом сообществе, либо при первой же пертурбации вылетишь из обоймы. Посему Оксана подобрала к этому случаю элегантный черный костюм от лучшего местного кутюрье и белоснежную рубашку. И когда муж, сопя и ворчливо похрюкивая, облачился в оное, жена с загадочной улыбкой торжественно

преподнесла ему небольшую атласную коробку.

– Это еще что? – недовольно спросил Игнатий Петрович.

– Да вот, дорогой, купила я подарок на твой день рождения, но уж ради такого случая вручаю тебе сейчас, – с этими словами она достала из коробки яркий голубой атласный галстук.

Семечкин напрягся, а когда к нему вернулся дар речи, взвизгнул:

– Ты че, Оксан, совсем сдурела? Я таких ошейников отродясь не носил. Куда мне в нем, людям на смех?

– Сам ты дурак, – надула губки Оксана. – Посмотри, какое время нынче, не кэпээсэс твоя, человек, если он современный и говорит

свободно, и гаджеты всякие в каждом кармане, и одевается по западной моде. Вот и ты должен показать, что уверенно идешь по жизни в ногу со временем, а не торчишь увальнем на обочине.

— Ну ладно, мать, не обижайся, — сконфузился Игнатий, — просто непривычно как-то. Лучше давай помоги сей хомут завязать. Может, и впрямь ты права.

На работе с самого начала дня все действительно пошло замечательно. Семечкин наслушался столько комплиментов от подчиненных по поводу галстука, сколько он

не получал за все месяцы совместной работы. А уж когда вечером прибыл он на банкет в небольшой ресторанчик, то сразу обратил на себя внимание сослуживцев. Да что там коллеги, сам министр,

подойдя к нему в начале вечера, по-отечески похлопал его по плечу и отметил: «Экий вы, Игнатий Петрович, оказывается, модник, а на работе-то скромничаете, все в сереньком ходите. Надо сказать, голубое-то вам к лицу».

После этих слов министр двинулся дальше, а Семечкин расслабился и впал в эйфорию. За столом

он на равных общался с соседями — сплошь разного ранга начальниками — и даже шутил. А про себя нет-нет и думал: «Все-таки молодец у меня Оксана, повезло мне с ней».

Когда в середине вечера соседи по столу попросили Игнатия Петровича произнести тост для их узкой компании, он налил рюмку коньяка, хотя до этого многие годы к спиртному не притрагивался. И только собрался начать говорить, как вдруг за его спиной кто-то громко обратился к нему:

— Привет, шеф, и вы здесь.

Семечкин от неожиданности резко повернулся, отчего рюмка в его руке потеряла равновесие и незаметно для Игнатия Петровича выплеснула часть содержимого напитка аккуратно на середину голубого атласного галстука. Перед Семечкиным стоял его заместитель Кочетков, непонятно как попавший на столь важное мероприятие и успевший изрядно откусать дармовых напитков.

— Приветствую, а вы-то какими судьбами здесь? — строго спросил Игнатий Петрович.

— Да вот замминистра, родственник мой, пригласил, когда я ему вечером бумаги носил на подпись — ответил заместитель и, пьяно улыбаясь, продолжил икнув:

— А вы что ж, Игнатий Петрович, тоже немного клюкнули? Экое пятнышко на галстучек разместили! Аккуратней как-то надо, право, совсем неудобно получается, — хихикнул Кочетков и пошел к другим столам.

А Семечкин поспешил в туалетную комнату и, глянув в зеркало, к ужасу своему, убедился в неоправданности ситуации. Это противное темное пятно так резко выделялось на голубом фоне, что не заметить его было никак нельзя. «Экая неприятность случилась, — с досадой подумал Игнатий Петрович, — они и впрямь могут подумать, что напился». Возвращаться в зал было неприлично, и он решил двигаться домой.

К несчастью своему Семечкин на выходе из туалета лицом к лицу столкнулся с министром.

— А, Игнатий Петрович, — улыбаясь обратился тот, — ну как вы, освоились? Как вам наш вечер? А что вы за сердце-то все рукой держитесь? Не болит чего?

— Да нет, все в порядке, — конфузливо ответил Семечкин и машинально опустил руку.

— Ах, вот оно в чем дело, — засмеялся министр, увидев пятно, — перебрали немножко, так что руки задрожали? Оно, конечно, с кем не бывает, но все-таки края видеть надо. Идите отоспитесь, чтобы завтра на работу как стеклышко, — сурово произнес министр и пошел дальше. А Игнатий Петрович в унылом настроении поехал домой.

— Ну, дорогой, рассказывай, как вечер прошел, с министром говорил? — встретила его

Оксана. — А галстук произвел впечатление?

Вся досада, которая скопилась в Семечкине за вечер, разом вулканом выплеснулась на супругу. Он выдал ей такую тираду выражений вперемешку с матом, от которой у бедной Оксаны глаза округлились до диаметра стекол очков, после чего она картинно пластом рухнула на так кстати оказавшуюся рядом кушетку. Не обращая на жену никакого внимания, Игнатий Петрович судорожно сорвал с шеи злосчастный галстук, в ярости швырнул его на пол и стал с остервенением отплясывать на нем чечетку. Как ни странно, через какое-то время горячий танец успокоил Семечкина. Он остановился и сразу обмяк, немного постоял и пошел в кабинет. Там он взял плед, подушку, улегся на диван и, немного поворочавшись, вскоре заснул.

Утром завтракал Игнатий Петрович в одиночестве, а перед уходом на работу все-таки зашел в спальню к жене и извинился за вчерашнее. Когда он поведал ей про свои злоключения, она сочувствующе поохала, как могла успокоила и простила бедолагу мужа.

Рабочий день начался, как обычно, с суеты, бумаг и срочных отчетов. Правда, Игнатий Петрович, проходя по коридору, иногда слышал смешки за спиной, да на обеде в столовой ловил на себе любопытные взгляды, приводящие его в смущение.

Уже на следующий день все пошло своим чередом, и вскоре новые курьезы служебного бытия стерли из памяти сослуживцев произошедший с Игнатием Петровичем случай. Но через пару месяцев, когда решался вопрос о направлении делегации в загранкомандировку и кадровик предложил кандидатуру Семечкина, министр задумчиво спросил: «Постой-постой, а это не тот ли Семечкин, который у меня на дне рождения напился до пороссячего визга так, что весь галстук заляпал?» И, услышав утвердительный ответ, сказал как отрезал: «Что ж у нас кроме алкоголиков и послать некого? Ты давай подбери-ка кого-то другого, а с этим пьянчужкой повнимательней будь».

Опытный начальник кадров все понял, и вскоре в министерстве произошла то ли оптимизация, то ли реструктуризация, в результате которой должность директора департамента сырьевых отходов была упразднена. Игнатия Петровича Семечкина уволили по сокращению штатов в полном соответствии с законодательством. Где он работает сейчас, неизвестно. А коллектив отнесся к этому с пониманием. И то сказать, разве может кто-то с пятнышком работать в аппарате такого серьезнейшего ведомства?!

«ВСЛЕД ЗА ВОЛХВАМИ ИДТИ ЗА ЗВЕЗДОЙ...»

Представляем вниманию читателей стихи Олега СЕЛЕДЦОВА

Олег Валерьевич Селедцов. Член Союза писателей России. Автор 24 книг стихов и прозы и более 300 публикаций в журналах и газетах. Еженедельником писателей «Литературная Россия» включен в число 50 ведущих писателей Южного федерального округа. Включен в список лучших русских писателей XXI века на сайте «Российский писатель». Участник форумов молодых писателей России 2001 и 2004 годов, стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Обладатель Золотого Диплома IX Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» – 2018. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награжден Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени и медалью Сергия Радонежского 1-й степени. Награжден высшей наградой Союза писателей России – медалью им. М. Шолохова.

А поле русское
Глазами-маками
Глядело в душу мне,
И сердце плакало...

Имя России

Зимней ночью или утром в мае,
В городе, в деревне неизвестной,
Женищина далекая, родная
Мне разбредила душу песней.

Имя Ваше мне узнать позвольте:
Марья, Катя, Ольга иль Аксинья?
Только прячет косы в горизонте
Босоногая моя Россия.

Только сотни звезд сгоняет в стаи
Легким ветром, вихрем ураганным.
Только сны мои порой ласкают
Луговым росистым сарафаном.

Только смех замесит с тишиною,
С родниками, с трелью соловьиной.
Только след ее по весям скроют
Ландыши, космеи, георгины.

Только увела и ослепила
Наготы девичьей белизною.
Галя, Вера, Света иль Людмила,
Хорошо и сладко быть с тобою.

Василиса, Валя, Люба, Надя!
Вены рек твоих мне дарят силы.
Изнанная миром Правды ради,
Непокорная моя Россия.

Песня Русь

Укрывши мир столетиями и весями,
Украсив звуки радостью и грустью,
Идет Господь, лаская землю песнею.
И эту песню назовет Он Русью.

Все впереди, и все еще устроится
В водоворотях судеб и энергий:
Андрей Рублев благовествует Троицу,
И Дмитрия благословляет Сергей.

Вот дым Полтавы у бессмертья
купленный,
И стон поэта: «Не Москва ль
за нами?».
Взметнулось к небу храмов
златокуполье.
И Серафим вдавил колени в камень.

О сколько раз земля
в листву оденется
И наготы осенней устыдится?
Но перезвоны Спаса на Нередице
На лики снова поменяют лица.

Идет Господь уделом Богородицы.
Святая Русь бредет в века
с Ним вместе.
В парче и рвани, и грешит, и молится.
Рожден и я от русской этой песни.

Рождество Пресвятой Богородицы 2022 года

Вот уж полгода с погодой
балуется кто-то.
В небе полгода не дразнят
следы самолета.
Звезды все также сияют,
но как-то уныло.
Горек кагор, плесневеет мартины
и скисла текила.

Что-то не так, что-то чудится мне,
что-то режется больно.
И оттого голубые глаза
посерели невольно.
Снегом, и пеплом, и перьями
птиц улетевших
Голову долгая осень мне
красит неспешино.

Как там по-русски: что делать
и кто же виновен?
Сны нашей траурной нотой
отметил Бетховен.
Каждое утро обряжено фугами Баха.
День-самозванец напаял
венец Мономаха.

Радость забыта.
Повенчана ангедония
С грустной надеждой. О, Мати, о,
дева Мария!
Нам ли Твое Рождество предавать
и печалить?
Нам ли к друг дружке от жалости
жаться плечами?

Мати, прости. Мы по-прежнему
блудные дети.

Мы отболеем. Разорваны осени сети.
И под «Славянку» уходит
забытая рота
В край, где полгода с погодой
балуется кто-то.

Рождественский сочельник

Озябшее утро, угрюмость небес –
Сочится сочельник сквозь веки мои.
Мне снился Младенец,
глядящий на крест.
И ключьями сердце, и память кровит.

Но все – слава Богу, и жизнь удалась.
Награды и почести, звания в срок.
Семья и работа. И в норме, и всласть.
А в венах тревоги пульсирует ток.

Как будто на поезде суетных дел
Вдруг мимо промчался
заветный вокзал.
А ты в нужный час опоздал, не успел,
И важное что-то забыл, потерял.

И важное это с названием Жизнь
Уже не вернуть. Без оплаты долги.
Младенец из ясель,
с крестом помирись.
И стихнут тревоги, и сгинут враги.

Но нет, не стихает,
и жжет, и болит.
И манит куда-то,
в забытость, в извне.
Сквозь мрамор годов
и столетий гранит.
И хочется, хочется, хочется мне

Отринув награды,
и статус, и статью,
Забыв про карьеру, уют и покой,
В мальчишечье братство
вернуться опять,
Чтоб вслед за волхвами идти
за звездой...

Великий Пост 2023 года

Все кончено:
Синедрион. Молитва,

Хохот толпы, как бритва,
Крест и со смертью битва

Болью пронзит Отца.
Все куплено:
Гвоздь прогрызает руки
Под равнодушия звуки.

Как же такие муки
Вытерпеть до конца?
Все замерло:
Грезы, надежды, речи,

Клятвы, доносы, сечи,
Миг суеты и вечность,
Слезы немых мерцал.
Все заново:

Всадников копьелесье.
Рватьсь опять завесе.
Чтобы: «Христос Воскресе!»
Вызрело по сердцам.

Притча о Сеятеле

Я – свежепадшее зерно
на тропке к раю.
Лежу под солнцем и луной, не умираю.
И по плодам моим меня
узнать едва ли,
Умел зарыть я свой талант, как
тат в подвале.
Что мне до слез, до стонов ваших,
в самом деле,
На вашу жизнь гляжу
я из подвальной щели.
Давно уж Сеятель ушел
наивно строгий,
И я лежу, забытый всеми, при дороге.
Мы – зерна падишие. На вас мы
смотрим косо.
А рядом вишни зацвели и абрикосы.
А рядом птицы в день летят
из вечной ночи,
И умирают семена на русской почве.
И солнце золотом на них
из рая брызнет.
И мудрый Сеятель вернет
умерших к Жизни.
Я – свежепадшее зерно, в дали от рая
Лежу. Не плачу. Не смеюсь.
Не умираю...

«ОДИНОКИЙ “ЮНКЕРС”»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокий “Юнкерс”»
(начало в № 153/01–02, 154/03–04 и 156/07–08)

Москва осенью 1941 года

Снег был жесткий, как стеклянная крошка, насквозь пропитанный утренним морозом, он даже не скрипел, а визжал, будто плакал навзрыд. Подкидывая на ходу вещмешок, который почему-то начал съезжать с плеча, Косяков двинулся за ними.

«Значит, дело, которое ждет меня в Москве – не по авиационной части, а совсем по другой», – возникла у него в мозгу не очень добрая, хотя и спокойная мысль. Он знал, что перед органами вроде бы не замазан, про Сталина анекдоты в летной столовой не рассказывал, Гитлера ни прилюдно, ни неприлюдно не хвалил – нечисть есть нечисть, в силе советского оружия не сомневался, этого не было никогда, своего полкового командира не ругал... Воевал, как все. Себя, во всяком случае, старался не жалеть. Но встревоженная мысль как

засела в голове, так больше из нее не вылезала.

По какой другой части его будут использовать, он не знал, да и вообще пока даже не мог предположить, зачем он понадобился. Ясно одно – готовым надо быть ко всему, даже к допросу, к тому, что его приведут в камеру или кулаком врежут по зубам. Все могло быть, абсолютно все... У выхода с перрона, чуть поодаль встав от нечищеного тротуара, на котором вырос целый горб снега, пофыркивала работающим мотором «эмка». Белый бензиновый парок кольцами выбивался из выхлопной трубы.

– Вот наша машина, – сказал Косякову энкаведешник, шедший за ним шаг в шаг, в следующий миг он обогнал летчика, открыл перед ним заднюю дверь. – Садитесь!

В машине было тепло, шофер, умица, пожилой удалец с седыми усами, соорудил в кабине самодельный

обогрев, – установил чуть ли не под сидением небольшую керосиновую печку, которая не давала морозу поселиться в «эмке».

Единственное, что вызывало удивление – впрочем, не самое откровенное, – запах теплого керосина, витавший в салоне «эмки».

Теплый керосин – это только у нас может быть, это – запах московской кухни, коммунальной квартиры, налаженного быта и уюта, пространства, в котором у москвичей, особенно пожилых, проходит половина жизни и в первую очередь – у домохозяек, это дух общения, коллективного чая и громких свар, драк и примирений, общеквартирная борьба с тараканами и такое же общеквартирное обсуждение успехов и неудач детишек. И первое и второе всегда обсуждалось громко и даже очень громко, с радостным смехом либо с горьким ревом – все зависело от того, кто обсуждался... гораздо реже – кто именно попадал под каток.

Как же интересно было на кухне маленькому Ваньке Косякову, словами это передать, наверное, невозможно, да и слов восторженных, искрометных он тогда знал штуки три... или четыре. Сейчас он знает, конечно, много больше – в несколько раз, может выдать интересный текст, только вот восторга детского в нем нет. Испарился восторг.

Жили они в поселке автозавода имени Сталина на Волхонке, куда от Павелецкого вокзала ходила «трешка» – трамвай номер три, около дома культуры «трешка» делала круг и с железным грохотом убегала назад, а Косяковым еще минут двадцать надо было подниматься на взгорбок, к родным баракам.

Они жили в бараке и очень радовались, что имеют крышу над головой, а точнее – комнату с крашенным масляной краской полом и большой горячей батареей, отлитой из первосортного чугуна... Батарея жарила так, что в комнате никогда не было холодно.

В той барачной комнате в поселке Волхонка-ЗИС Косяков провел самые счастливые годы своей жизни.

Барак их стоял на городской черте, на самой линии, которая подпирала их под самые окна, дальше начинались владения Московской области, а это – поля, поля, поля, далеко и хорошо просматриваемые, и чего только на земле полей не было посеяно! И рожь с пшеницей – пшеница росла отменная, золотистого с медом цвета, нигде больше Косяков такой пшеницы не видел, ни на одной из земель, где бывал, – и ячмень колосился, и рожь, и овес, и гречиха росла... А еще росла роскошная русская картошка.

Картофелем был засеян каждый второй квадратный метр земли, кроме колхозных плантаций было полно мелких огородов, жавшихся к оврагам, либо вообще сползающих вниз по крутым склонам, щедро омытым всеми местными дождями, но все-таки тянувшихся к солнцу, одаривающих своих хозяев и картошечкой, и огурчиками, и редиской, а кое-кто даже умудрялся выращивать и помидоры... Корявые, потрескавшиеся, с зеленоватыми жесткими макушками, но очень вкусные.

За полями, за оврагами текла спокойная глубокая река. Как понимал Косяков, это была Москва-река, либо один из ее рукавов; водилась здесь и рыба, но брала она неохотно, очень осторожно, и любителям, собиравшимся в компании по три-четыре человека, иногда даже готовым провести у реки всю ночь (если, конечно, ночь ожидалась теплая), редко удавалось поймать

Бомбардировщик Ju-88

более трех-четырёх хвостов на человека. Так что не всегда даже удавалось сварить уху.

Либо рыба была тут слишком пуганая и при появлении людей на берегу забивалась в глубокие ямы, либо с червями и кузнечиками, насаженными на крючки (другой насадки не существовало), знакома не была совершенно. Питалась чем-то другим.

Выручал любителей ухи в таких случаях Ваня Косяков, он не был связан с крючками и червяками – ловил рыбу руками, ловко доставал ее из подводных нор и наловчился делать это настолько мастерски, успешно, с внутренним азартом, что добывал даже крупные экземпляры, голавлей по паре фунтов весом. Один раз вытащил даже килограммового голавля – здоровяка с крупными алыми перьями...

От воспоминаний, согревших душу, Косяков заездил спиной по пухлому кожаному сиденью, должно быть недавно перетянutoму мастерами.

Дорога, по которой неслась «эмка», расшвыривая колесами пласты недавно выпавшего снега, похожие на насыпи, была незнакомой, по ней он никогда не ездил... Подумал о том, что неплохо бы

побывать в родном поселке, на Волхонке-ЗИС, посмотреть, что там, съездить на могилу к матери, попросить прощения, что не смог приехать с фронта на похороны, посмотреть на поля за городской чертой, немного пройтись по дороге, ведущей к реке... Только удастся ли это сделать?

В горле что-то запершило, засипело, он втянул голову в плечи. Попробовал вернуться назад, в свои воспоминания, в детство, которое было таким светлым, солнечным, что в это темное хмурое утро невольно показалось – должно сделаться светлее, но светлее не делалось, стало, кажется, темнее... Может, и детства московского тоже не было совсем?

Сопровождавшие его энкаведешники молчали, ничего не сообщали – наверное, у них был такой приказ. Косяков тоже молчал: ситуация ведь такая, что чем меньше говоришь, тем лучше. Посматривал в боковое окно на дорогу, с удовольствием вдыхал запах тепла, исходящий от керосиновой печки. Забыл он этот запах, совсем забыл, а напрасно. Запах детства вообще нельзя забывать, иначе вообще можно даже Отечество свое забыть.

Транспортный «Юнкерс» 1937 года

Через час двадцать езды по засыпанной снегом ноябрьской дороге, слыша только глухой стрекот мотора, да уханье бьющих в днище «эмки» кусков обледенелого снега, они остановились у сварных металлических ворот, увенчанных красной железной звездочкой.

Хоть и рассвело и день, кажется, окончательно вступил в свои права, а все равно было темно, словно бы день этот холодный накрыла черная хмарь, предметы в ней расплывались, теряли очертания; внутри у всякого человека в такую погоду возникала некая настороженность, замешанная на чувстве опасности.

Собственно, насторожиться было отчего...

Комната, в которую провели Косякова сопровождающие, была глухой совершенно – в ней, кажется, даже малого окошка не было, на стене висела обычная складчатая, сшитая, видимо, из парашютного шелка занавеска, длинная, от одной стены до другой, и все – больше ничего.

Стоял также стол, имелось несколько стульев. Дощатый пол

поблескивал свежо – его, должно быть, недавно покрасили так называемой «немаркой» краской, к которой никакая грязь не пристает.

За столом сидел седой, с грустным жестким лицом человек с двумя орденами Красного Знамени на груди и четырьмя полковничьи ми шпалами в петлицах. Он спокойно, даже как-то безразлично посмотрел на Косякова, сделал короткий жест рукой, приглашая его сесть.

Косяков сел, полковник, продолжая молчать, рассматривал его... За десять минут, пока он это делал, не задал ни одного вопроса. И ни одного движения не сделал – был неподвижен. Можно себе представить, что творилось внутри у Косякова. Если честно, это было испытание, которое не всякий человек способен пройти – не хватит внутренних сил.

Но Косяков старался держать себя в руках, внешне он был так же спокоен, как и седой полковник. Все-таки фронт его кое-чему научил.

Наконец полковник шевельнулся, отвел взгляд от гостя.

– Значит так, Иван Андреевич, – проговорил он негромко, глуховатым голосом. – Вам предстоит в составе сводного экипажа совершить полет на немецком самолете «Юнкерс-88» на один из аэродромов, находящихся на временно оккупированной территории, а потом тем же маршрутом вернуться обратно. Насколько мне известно, вы не только неплохой летчик, но и неплохой штурман. Штурманскую практику проходили в Луганском и Челябинском училищах, так? Получили оценку «отлично», – полковник подождал, когда гость утвердительно кивнет в ответ и продолжил: В экипаже «Юнкерса» вам предстоит выполнять роль штурмана. Полет состоится через несколько дней, когда именно – будет сообщено дополнительно. А пока сживайтесь с экипажем, чтобы вам в воздухе действовать, как единое целое, привыкайте к новому самолету и друг к другу... Будьте готовы к вылету.

Полковник встал, одернул на себе китель, протянул Косякову руку. Тот вскочил поспешно, по-юношески легко, хотел

отрапортовать что-нибудь, поблагодарить за доверие, но не стал ничего говорить, протянул руку ответно.

Психологический экзамен на надежность он прошел.

Комната, в которую Косякова поселили в небольшой, очень тихой и даже какой-то сонной гостинице, была такой же голой, необжитой, как и кабинет, в котором его принимал седой полковник.

В буфете, который располагался на первом этаже, чаем распорядилась миловидная женщина в красноармейской гимнастерке с голубыми авиационными петлицами и белом накрахмаленном переднике. Петлицы были украшены двумя треугольниками. Младший сержант, значит.

– Есть яичница, товарищ старший лейтенант, – сказала она, – ее надо зажарить, это очень недолго... Есть свежие бутерброды с колбасой и сыром, есть сухое печенье «крекер» – к чаю...

– Мне чайку – сразу два стакана, – попросил Косяков, – и «крекер». Только я взял бы все это к себе в номер... Если, конечно, возможно.

– Возможно, очень даже возможно. Какой номер вашей комнаты? Через пять минут вам все принесут... Устраивает?

– Так точно, устраивает.

Косяков еще до своего номера не успел дойти, как его уже обогнал вестовой с подносом в руках – с чаем в двух стаканах, вставленных в подстаканники из ажурного металла, скорее всего из серебра, и пачкой заморского печенья на тарелке для салата.

Скорость обслуживания в гостинице была авиационная.

Так для Косякова началась командировочная жизнь, совершенно для него неведомая. Он понимал, что она будет недолгой, неведомо, чем закончится, поскольку лететь придется в глубокий немецкий тыл,

и вообще, неведомо даже то, что произойдет завтра? Но делать было нечего, война есть война, в ней может случиться всякое, в том числе и неприятное, и Косяков был готов ко всему.

Позавтракал он своими харчами, привезенными из родной части, добавил пару роскошных огурчиков, которые купил на станции, где дрались инвалиды, и остался такой трапезой, проведенной в одиночестве, очень доволен.

Как он разумел, экипаж транспортно-«Юнкерса» состоит минимум из четырех человек или даже из пяти – все-таки это транспортная машина, предполагающая и пассажирские варианты. И так, командир экипажа, плюс второй пилот, плюс штурман и бортмеханик. Плюс стрелок-радист... Но это еще не все – в боевых условиях, когда на самолете стоит усиленное вооружение, есть еще и второй стрелок. Иначе, если на хвост сядет пара истребителей, отбиться от них одному стрелку будет сложно.

Транспортные «юнкерсы» в Германии служили еще не только пассажирскими машинами, но и как представительские самолеты – для высших чинов специально, для рейхсминистров и приближенных к Гитлеру партийных бонз. На таких машинах и соответствующее обслуживание на борту – три хорошенькие девушки со стройными ножками, поставленные на изящные каблучки.

Словом, набирается целый взвод, не меньше.

Прошло немного времени и в дверь номера постучали. Косяков выкрикнул:

– Не заперто, входите!

Дверь открылась бесшумно, без единого скрипа, словно бы у нее не было петель, на пороге возник широкоплечий улыбчивый человек с ровным пробором тщательно зачесанных волос. Представился:

– Капитан Серебряков.

Поспешно поднявшись со старого венского стула, Косяков назвал свою фамилию и звание.

– Я командир нашего экипажа, – сообщил вошедший, – надеюсь – слаженного. Вы, товарищ старший лейтенант, насколько я помню по утвержденному раскладу – штурман.

– Так точно, – коротко отозвался Косяков.

Серебряков шагнул в комнату и протянул руку:

– Константин!

Рука у него была большая, жесткая, чувствовалось, что в жизни своей капитан держался не только за рукоятки самолетного штурвала. Он оглядел комнату Косякова и с улыбкой покачал головой. Вид его был красноречив: комната у капитана была такая же, как и у старшего лейтенанта – безликая, унылая, без единой приметной детали, один к одному.

– Я занимаю комнату рядом с вами, – сообщил капитан, – восьмой номер.

У Косякова комната была номер шесть.

– Есть хотите, товарищ капитан? – запоздало спохватившись, спросил Косяков: ведь капитан точно так же, как и он, с корабля попал в это гостиничное уныние – появился только что... – У меня есть кое-какие припасы, в полку выдали.

– Пока спасибо, а чуть позже – видно будет. Можем внизу заказать котлеты из мяса нильского крокодила.

– Что, крокодилы – вещь съедобная?

– Еще как! Мясо ничем не отличается от куриного. Только чуть пожестче. Но если пропечь основательно, потушить в печи – никакая курятина с крокодилом не сравнится.

Продолжение следует

100-ЛЕТИЕ РСХД

Русскому студенческому христианскому движению за границей (РСХД) исполняется 100 лет.

РСХД зародилось в России в 1899 году. После революции 1917 года и прихода к власти большевиков Движение в России было ликвидировано, многие его участники подверглись преследованиям.

Возродилось РСХД в эмигрантской среде: с 1 по 8 октября 1923 года в Чехословакии, в городе Пшеров, прошел учредительный съезд представителей большинства русских молодежных христианских организаций Европы. В работе Первого съезда РСХД принимали участие такие видные религиозные деятели русского зарубежья,

как С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, В. Ф. Марцинковский, Н. Н. Афанасьев и другие.

В декабре 1925 году в Париже вышел первый номер журнала «Вестник русского студенческого христианского движения» тиражом в 300 экземпляров. Целью издания было сплочение молодых студентов-эмигрантов, рассеянных по всей Европе.

Среди авторов «Вестника РСХД» были такие выдающиеся представители русской православной мысли и литературы, как Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, митрополит Антоний Сурожский, Владимир Вейде, Александр Солженицын и многие другие.

С 1974 года аудитория журнала расширилась, и по предложению А. И. Солженицына в его названии было опущено слово «студенческого».

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ЖУРНАЛИСТОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Осенью нынешнего года исполняется 95 лет со дня проведения Первого съезда русских писателей и журналистов за границей.

В начале 1920-х годов Белград стал важнейшим центром русской эмиграции на юге Европы. Более 50 тысяч русских беженцев нашли здесь пристанище. В Югославии выходило около 150 русских газет и журналов, формировались всевозможные профессиональные объединения: «Союз русских ученых», «Союз русских инженеров», «Союз русских архитекторов».

В 1925 году здесь был основан «Союз русских писателей и журналистов» под председательством П. Б. Струве. Главной акцией этого объединения, насчитывавшего около 200 членов, и стало проведение в 1928 году в Белграде Первого (и единственного) съезда русских писателей и журналистов за границей. Среди его участников были З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, В. И. Немирович-Данченко.

Главной своей духовной миссией русские эмигранты считали сохранение культурного наследия потерянной ими родины. Особое значение придавалось педагогической деятельности и воспитанию молодого поколения, которое должно было помнить о своих корнях, беречь и продолжать богатейшие культурные традиции своего народа.

Белград в конце 1920-х годов.

ПАМЯТЬ

На 99-м году жизни ушла из жизни советская и российская актриса Юлия Константиновна Борисова.

За годы работы в Театре им. Евгения Вахтангова, куда Борисова поступила в 1947 году после окончания Высшего театрального училища имени Щукина, она сыграла больше шестидесяти ролей и оставалась преданной сцене до конца своей жизни. Ее работы вошли в «золотой фонд» Вахтанговского театра.

Огромный успех принесла актрисе главная роль в знаменитой постановке «Принцесса Турандот» по пьесе Карло Гоцци. Были среди ее сценических образов и Настасья Филипповна, и Клеопатра, и королева Анна, и многие другие.

И хотя Борисова отдавала предпочтение театру, ее немногочисленные роли в кино были не менее блистательными. Широкую известность принесло актрисе участие в фильме «Идиот» (1958), где она вновь воплотила образ

главной героини романа Федора Достоевского, а также в ленте «Посол Советского Союза» (1969), в которой актриса исполнила роль Елены Кольцовой (ее прообразом послужила Александра Коллонтай, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции в 1930–1945 гг.).

Юлия Борисова была удостоена множества наград и премий, включая «Золотую маску», «Кумир», «Театральную весну», Орден «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, а также званий Заслуженная артистка РСФСР, Народная артистка РСФСР, Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда.

Сцена из фильма Георгия Натансона «Посол Советского Союза» (1969)